

Айван Херб

Том Сойер

в XXI веке

Айван Херб
Том Сойер в 21 веке

«Автор»

2026

Херб А.

Том Сойер в 21 веке / А. Херб — «Автор», 2026

Что может случиться необычного в музее 19 века? Ничего, только если вы не Том Сойер. Одна глупая выходка, и Том, Гек и Бекки оказываются в 2025 году. Знакомство с новым миром порождает огромное количество иногда комичных, а иногда смертельно опасных ситуаций. Герои встречают новых друзей. Встречают опасных врагов. Встречают тех, про кого сразу нельзя сказать, кто они на самом деле. Это история о том, как не потерять себя в чужом времени. Это история о любви. И это точно самое захватывающее приключение Тома Сойера.

© Херб А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие к русскому изданию	5
Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	32
Глава 4	45
Глава 5	58
Глава 6	68
Глава 7	89
Глава 8	105
Глава 9	117
Глава 10	137
Конец ознакомительного фрагмента.	155

Айван Херб

Том Сойер в 21 веке

Предисловие к русскому изданию

Я давно живу в Европе и наблюдал несколько очень похожих случаев в одной обычной школе, в двух выпускных классах. У подростка, чаще у девочки, появляется проблема, которую несложно понять и на раннем этапе можно было бы решить без катастрофы. Но окружающие, а прежде всего родители, предпочитают её не замечать: списывают всё на «сложный возраст», капризы или подростковую дурь. Ребёнок протестует, не получает ответа и постепенно радикализирует протест.

Сама схема не новая. В мои школьные годы такой же внутренний надлом уходил в подвалы, алкоголь, опасные компании, демонстративное разрушение себя, дружбу с бандитами — часто в поиске хоть какого-то сильного взрослого, которому не всё равно. Подросток всё так же кричал миру: «Посмотрите на меня. Со мной что-то не так. Услышьте меня». Просто язык был другим.

Сегодня западная среда слишком часто предлагает этому протесту готовую форму. Она не ищет корень боли, а подсовывает простое объяснение: «ты просто не тот, кем родился». Самый резкий и разрушительный путь объявляется свободой выбора.

Именно эту порочную практику я и показываю через Джейми. Её конфликт начинается с семьи: её не слышат, её прежний образ связан с болью, и она выбирает новый образ как оружие против мира. Если Джейми никому не нужна, пусть тогда все увидят Джея.

Поэтому в книге не показана «смена пола» как путь к счастью. Показан подростковый бунт, которому подсказали разрушительную форму. Джейми не находит себя в новом образе, а прячется за ним. Это не свобода, а броня и ответный удар миру, который её не услышал.

Милон Таск прямо осуждает это в своей реплике о добровольной стерилизации: не всякий выбор становится свободным только потому, что человек сам его произнёс. Если подросток принимает разрушительное решение из боли, злости, одиночества или желания наказать тех, кто его не услышал, это не свобода, а эскалация травмы.

Для меня история Джейми — о другом выходе. Семейный конфликт не обязательно решать уничтожением себя. Иногда нужно отойти от родителей, отделиться от их ожиданий, посмотреть на отношения со стороны и понять, где начинаешься ты сам.

Мой опыт показывает, что такая установка не всегда необратима. Подросток взрослеет, защитная маска может отпасть, а человек способен вернуться к себе — без насилия, унижения и разрушения собственной жизни.

Джейми в книге — не символ трансгендерности, а пример подростка, которого вовремя не услышали. Её линия не оправдывает этот путь, а показывает, откуда он берётся и почему рядом с таким ребёнком нужны не лозунги, а ответственный и готовый слушать и слышать взрослый.

Для меня история Джейми — о другом выходе. Семейный конфликт не обязательно решать уничтожением себя. Иногда нужно отойти от родителей, отделиться от их ожиданий, посмотреть на отношения со стороны и понять, где начинаешься ты сам.

Даже если подросток уже попал в этот разрушительный сценарий, из него можно выбраться. С возрастом человек начинает иначе видеть себя, родителей и собственную боль. Защитная маска может отпасть, а путь к себе не требует насилия, унижения и разрушения жизни.

Джейми в книге — не символ трансгендерности, а пример подростка, которого вовремя не услышали. Её линия не оправдывает этот путь, а показывает, откуда он берётся и почему рядом с таким ребёнком нужны не лозунги, а ответственный взрослый, готовый слушать и слышать.

Глава 1

Большой город казался мне неплохим местом — для кого-нибудь другого. Даже Сент-Луис, в котором мы провели всего один день по пути сюда, успел вызвать у меня чувство беспокойства и лёгкого головокружения. Там всё двигалось слишком быстро: люди спешили так, словно за каждым углом раздавали золотые монеты, экипажи гремели, не замечая пешеходов, а уличные торговцы кричали, будто пытались кого-то спасти от неминуемой гибели. Тогда я подумал, что хуже и теснее уже быть не может.

Но стоило впереди показаться очертаниям Нью-Йорка, как я понял, насколько сильно ошибался. Город рос на горизонте огромной чёрной тучей из камня, кирпича и дыма, и казалось, он сам по себе гудел — глухо и зловеще, будто в его недрах шевелилось что-то огромное и голодное.

— Смотрите, какой гигант! — восхищённо воскликнула Бекки, высовываясь из окна дилижанса и тут же втягивая голову обратно. — Там же людей больше, чем травинки в поле!

Я осторожно выглянул следом и сразу пожалел об этом. Город напоминал гигантскую кастрюлю, в которой варились лошади, кареты и толпы людей, носившиеся туда-сюда без всякого смысла, словно кто-то невидимый мешал их огромной ложкой. Воздух над всем этим был густым от дыма и пыли, а гул был похож на шторм над Миссисипи, когда ветер срывает крыши и валит деревья.

Как-то раз я услышал от судьи Тэтчера, отца Бекки, странное выражение — «плавильный котёл», и до сих пор я никак не мог понять, о чём речь. Но теперь, глядя на этот бурлящий хаос, я вдруг осознал, как он выглядит в реальности, и, как назло, наш путь вёл напрямик в самую его середину. Оставалось лишь надеяться, что нас не сварит вместе со всеми остальными.

Дорога, по которой мы ехали, довольно быстро перестала быть грунтовой и превратилась в добротную мостовую, выложенную крупными гладкими камнями. По краям улицы даже было отведено специальное место для тех, кто ходит пешком, — о таком удобстве я раньше даже не слышал.

Я уже почти начал думать, что в большом городе всё устроено на удивление разумно, как вдруг заметил, что мостовая постепенно меняет цвет, и вовсе не в лучшую сторону.

— Странно, — пробормотал я, вглядываясь вниз, — неужели они тут красят свои булыжники?

Том с усмешкой выглянул следом:

— Ага, красят. Только краска у них какая-то уж слишком натуральная.

Бекки осторожно наклонилась к окну и тут же зажала нос платком:

— Ой, кажется, я знаю, что это за «краска»! Да тут же повсюду навоз!

— Может, они улицы удобряют, — с самым серьёзным видом предположил Том. — Чтобы росли быстрее.

— Улицы не растут! — возмутилась Бекки.

— Ещё как растут, — не выдержал Том и расхохотался. — Вон, гляди: весь город уже расплылся на километры. С такими темпами скоро и в океан корни пустит.

Чем глубже мы продвигались в город, тем больше становилось лошадей, телег и повозок, а значит, и навоза тоже. Его сгребали в огромные кучи, которые явно лежали не один день, ожидая, пока кто-нибудь найдёт время и силы вывезти всё это за город. Мы двигались всё медленнее, пока не начали ползти буквально по дюйму в минуту. Зато теперь у нас появилось достаточно времени, чтобы внимательно разглядеть прохожих, лавки и яркие вывески, которые пестрели со всех сторон.

Из окон дилижанса было видно, как в дверях магазинов то и дело мелькали солидные господа с серьёзными лицами, которые энергично спорили, жали друг другу руки или разма-

хивали какими-то бумагами. Женщины деловито рассматривали витрины, указывая пальцами на нужные товары и мгновенно исчезая в дверях лавок, чтобы тут же появиться уже с паке-тами и коробками в руках. Даже уличные торговцы здесь вели себя иначе — предлагали товар громко и напористо, словно именно от них зависела жизнь и благополучие всего города.

— Вот это да! — воскликнул Том, с восхищением наблюдая за всем этим оживлением. — Видите, как деловые люди крутятся! Тут, друзья мои, каждый торопится сделать состояние, и похоже, у некоторых это вполне получается!

Я внимательно проследил за очередным «деловым человеком», который как раз в этот момент ловко стащил кошелек из кармана джентльмена в высоком цилиндре и мгновенно рас-творился в толпе.

— Да, Том, действительно крутятся, — заметил я, толкая его локтем. — Только у неко-торых методы какие-то уж очень специфические.

Том на секунду растерялся, потом усмехнулся:

— Понятно. С таким бизнесом в Нью-Йорке лучше держать ухо востро.

Бекки вздохнула и поправила платок, а я подумал, что если местная деловая жизнь выгля-дит именно так, то уж лучше я спокойно посижу в сторонке.

Всё это устроил, конечно же, Том. Началось прошлым летом, когда Бекки совершенно случайно обмолвилась, что её дядя Натаниэль живёт в Нью-Йорке и работает там юристом. Уже через минуту Том смотрел на неё глазами кота, которому только что показали огромную миску сливок.

Подготовка такой поездки требовала серьёзного подхода, поэтому Том занял практиче-ски круговую осаду семьи Тэтчеров.

Судье он с важным видом объяснял, что родственные связи — фундамент любого при-личного общества. Затем с лёгкой досадой замечал, что времена нынче странные: люди всё чаще оказываются разделены огромными расстояниями и могут годами жить, почти не видя друг друга. Что письма, конечно, вещь хорошая, но даже самое тёплое письмо не заменит креп-кого братского рукопожатия. А Бекки так и вовсе последний раз видела своего дядю, когда ещё под стол пешком ходила. Судья сначала сомневался, но Том был убедителен, как учитель в воскресной школе, и вскоре судья начал задумчиво кивать и всё чаще поглядывать на карту Нью-Йорка.

Следующей жертвой оказалась миссис Тэтчер. Том не поленился выписать целую стопку модных журналов и каталогов из Нью-Йорка. Каждое воскресенье после церкви он приходил в дом Тэтчеров, усаживался за стол и с восторгом листал страницы, описывая наряды с таким воодушевлением, что вскоре весь дамский свет Сент-Питерсберга начал стекаться туда, чтобы послушать лекции «модного эксперта» Тома Сойера. Дамы от четырнадцати до пятидесяти лет изумлялись, насколько тонко он разбирается в моде, и единодушно признавали его самым завидным женихом города.

К концу зимы Бекки этот спектакль так осточертел, что стоило Тому завести речь о том, как замечательно было бы всё это лично примерить, она тут же согласилась ехать куда угодно — хоть в Нью-Йорк, хоть на Луну, лишь бы подальше от этого клуба поклонниц.

К концу марта все детали поездки были окончательно согласованы и утверждены. Тогда Том пришёл ко мне, хлопнул по плечу и объявил, что мы едем в Нью-Йорк, потому что такая возможность выпадает раз в жизни. Я всегда считал, что если Том куда-то так сильно рвётся, то лучше поехать с ним, чем потом жалеть, что упустил что-то действительно интересное. В общем, долго меня уговаривать не пришлось.

Дома вокруг выглядели всё солиднее и богаче, а мостовая была такой чистой и аккурат-ной, будто её каждый день тщательно подметали и отмывали. Чем дальше мы ехали, тем отчёт-ливее становилось понятно, что здесь живут совсем другие люди — те, кто явно не привык ходить по грязи.

Наконец дилижанс свернул на небольшую аллею и остановился перед красивым, нарядным особняком в три этажа, с белыми колоннами и свежеразкрашенными стенами. За аккуратной кованой оградой был небольшой садик, ухоженный и опрятный, с ровными дорожками, выложенными белым гравием, и парой аккуратно подстриженных кустов по краям. Несколько небольших деревьев отбрасывали кружевные тени на скамейки, расположенные возле входа.

Дом был именно таким, каким и должен быть городской дом успешного человека: достаточно красивым, чтобы сразу было ясно, что хозяин не последний человек в этом городе, но без лишней вычурности.

— Вот это да! — Том с восхищением рассматривал фасад. — Так выглядит место, куда хочется возвращаться после дел.

Бекки чуть покраснела и улыбнулась, явно гордясь домом своих родственников, а я почувствовал лёгкий приступ беспокойства: с моей удачей в таком доме лучше держать руки при себе и ничего лишнего раз не трогать.

Не успели мы выйти из дилижанса, как входная дверь дома открылась, и на пороге появился высокий, подтянутый мужчина в тёмном костюме и аккуратно завязанном галстуке. Он выглядел настолько солидно и строго, что я невольно выпрямился и поспешно смахнул пыль со своей куртки.

— Наконец-то! — голос мужчины прозвучал тепло и радушно, совершенно не соответствуя его официальному виду. — Добро пожаловать, дети!

Я невольно замер на пороге, задрал голову: потолки здесь были почти такие же высокие, как в нашей церкви, и под ними висели огромные люстры, украшенные сотнями прозрачных подвесок, которые блестели в свете так ярко, будто кто-то поймал и повесил под потолок звёзды. Широкая резная лестница с красивыми деревянными перилами поднималась вверх, плавно изгибаясь, словно специально сделанная для того, чтобы гости лишнего раз полюбовались мастерством резчика. Всё это придавало дому какой-то невероятно торжественный и важный вид, отчего я сразу почувствовал себя совсем не на своём месте.

Мы прошли в просторную гостиную, и Том вдруг остановился, щурясь и глядя вверх.

— А что это за странный свет? — спросил он с подозрением. — Он вроде и не похож на свечи. И почему так светло?

Действительно, комната была освещена каким-то непривычно ровным сиянием, отчего все предметы казались ярче и чётче, чем обычно.

Натаниэль усмехнулся, явно довольный реакцией Тома, и подошёл к стене, у которой висел необычный металлический светильник.

— Рад, что ты заметил, Том, — произнёс он с улыбкой. — Это совсем не свечи. Это газовое освещение.

— Газовое? — переспросила Бекки с любопытством. — А как это?

Дядя Натаниэль повернул маленький ключик на стене, и вдруг пламя с тихим шипением погасло, погружая комнату в полумрак. Потом он снова повернул ключ, и свет вновь ровно и ярко разлился по комнате.

Том восторженно выдохнул:

— Никаких спичек, фитилей, копоти на потолке — просто повернул ключ, и свет горит?

— Именно так, — подтвердил Натаниэль. — Газ поступает прямо по трубам и загорается мгновенно. Чисто, удобно и абсолютно современно.

Бекки восхищённо покачала головой, а Том уже широко улыбался, явно представляя, как сам поворачивает этот чудесный ключик. Я же подумал, что всё это, конечно, прекрасно, но не слишком ли много огня для одного дома, тем более, если управляется он каким-то загадочным ключиком на стене? Впрочем, вслух ничего говорить не стал — прогресс есть прогресс, а я в нём не особенно разбирался.

Пока все восхищались светом, моё внимание привлекли странные металлические гармошки, которые стояли под окнами. Я невольно подошёл поближе и осторожно коснулся холодного чугуна.

— А это ещё что такое? — спросил я с подозрением, повернувшись к Натаниэлю. — Для красоты, что ли?

Дядя Натаниэль рассмеялся и подошёл ближе.

— О нет, мой дорогой Гек, это далеко не просто украшение. Это часть ещё одного чуда — парового отопления.

— А зачем здесь пар и откуда? — Том с любопытством наклонился к странной «гармошке».

— Зимой в подвале дома нагревается вода и превращается в пар, — терпеливо объяснил Натаниэль. — Пар поднимается по трубам прямо сюда, в эти радиаторы, и тепло равномерно распределяется по всему дому. Даже в сильные морозы здесь уютно и комфортно.

Бекки вдруг понимающе кивнула и воскликнула:

— Ах вот почему здесь нигде нет печек! Они просто не нужны?

— Именно так, — улыбнулся Натаниэль. — Ни печей, ни дыма, ни золы, только приятное и чистое тепло.

Том восхищённо присвистнул, а я с осторожностью поглядел на радиатор, пытаюсь представить, как горячий пар гуляет по дому и никого не обжигает. Спрашивать вслух я не стал — и так уже слишком много диковин выпало на мою голову за один вечер.

— А теперь, дети, думаю, самое время пройти к столу, — объявила тётя Элеонора с тёплой улыбкой, приглашающим жестом показывая в сторону столовой.

Мы уже было двинулись следом, но Том вдруг остановился, важно прокашлялся и спросил с подчеркнутой вежливостью, совершенно несвойственной ему в обычные дни:

— Прошу прощения, тётя Элеонора, а где мы могли бы вымыть руки перед ужином?

Я чуть не рассмеялся вслух: Том обычно не заморачивался такими вещами, и грязь на руках его волновала не больше, чем пятна на луне. Но сейчас он выглядел образцом вежливости, явно стараясь произвести впечатление на хозяев дома.

— Ах да, конечно! — спохватился дядя Натаниэль, довольный таким проявлением воспитанности. — Позвольте, я покажу.

Он отвёл нас в конец коридора и открыл дверь в небольшую комнату, сверкавшую белоснежной чистотой. Там стоял фарфоровый умывальник, над которым торчал медный металлический кран.

— Вода здесь подаётся по трубам, — пояснил Натаниэль и повернул кран. Тонкая струйка воды сразу полилась вниз. Том, не скрывая восхищения, тут же сунул под неё руки.

— Очуметь! — прошептал он, зачарованно глядя на воду. — Не нужно таскать вёдра с колодца?

— Конечно нет! — улыбнулся Натаниэль. — Это водопровод. Поверьте, скоро это будет во всех домах.

Пока я завороченно смотрел, как вода льётся прямо из стены, Том уже нашёл в углу что-то не менее удивительное.

— Гек, ты только погляди сюда! — позвал он с плохо скрываемым восторгом. Я повернулся и увидел странную белую конструкцию, похожую на фарфоровый трон, а над ней, почти под самым потолком, висел небольшой бачок.

— А это ещё что такое? — спросил я с любопытством, рассматривая необычное сооружение.

Том подошёл ближе и слегка наклонил голову набок:

— Похоже на трон для какого-нибудь короля.

— Почти угадал, Том, — невозмутимо улыбнулся Натаниэль. — Европейцы называют это ватерклозет. Очень гигиенично и совершенно современно.

Мы с Томом переглянулись, ничего не понимая. «Совершенно современно» звучало, конечно, гордо, но ничего не объясняло.

— И для чего же он? — осторожно уточнил Том.

— Это, мальчики, устройство для... скажем так, удовлетворения естественных потребностей, — терпеливо пояснил Натаниэль. — Садись, делаешь своё дело, дёргаешь за цепочку, и вода всё уносит.

Лишь сейчас до нас дошло, для чего предназначено это белоснежное чудо. Я почувствовал, как мои щёки слегка загорелись, и быстро отвёл взгляд. Том тоже закашлялся, пытаясь скрыть неожиданное смущение.

— Вот так трон... — пробормотал я. — Не думал я, что в будущем на тронах будут сидеть по таким... делам.

— Прогресс, Гек, — многозначительно прошептал Том. — Тут уж ничего не поделаешь.

Ужин проходил в самой уютной и нарядной столовой, какую мне когда-либо приходилось видеть. На столе стояли блюда, названия которых я даже не пытался запомнить, а рядом мелькали тарелки, чашки и серебряные ложки — столько всего, что я уже боялся даже пошевелиться, чтобы не задеть что-нибудь случайно.

За столом шла бесконечная родственная болтовня: дядя Натаниэль и тётя Элеонора расспрашивали нас обо всём подряд. Как прошла дорога, не устали ли мы в пути, как там Сент-Питерсберг, какие новости, как поживают знакомые и родственники, кто на ком собирается жениться, а кто — наоборот, разводиться. Конечно, не обошлось и без вечного вопроса о том, кем мы собираемся стать, когда вырастем. Том охотно рассказывал о своих грандиозных планах, Бекки делилась мечтами путешествовать, а я осторожно молчал, надеясь, что про меня забудут. К счастью, я никому не показался настолько перспективным, чтобы заострять на мне внимание.

Когда основные вопросы закончились, дядя Натаниэль отложил вилку и улыбнулся, явно довольный вечером.

— Ну, дорогие гости, я обещаю, что постараюсь показать вам всё самое интересное, что только есть в Нью-Йорке. И начнём мы уже завтра. Я приглашаю вас в музей прогресса.

— О! — тут же оживился Том. — Там тоже будет ватерклозет?

Тётя Элеонора поперхнулась чаем.

— Том!

— Простите, мэм, — поспешно поклонился Том, слегка покраснев. — Я просто пытаюсь быть культурным человеком.

— В музее будет кое-что куда более удивительное, — усмехнулся дядя Натаниэль. — Изобретение, способное изменить будущее!

— Будущее? — немедленно переспросил Том, глаза его загорелись азартом. — Ну, тогда точно идем!

* * *

Музей оказался величественным зданием из камня и стекла, таким просторным и светлым, что я даже немного растерялся, переступив порог.

Дядя Натаниэль уверенно шагал впереди и велел нам держаться рядом.

— Здесь собраны величайшие достижения человеческого разума! — торжественно объявил он. — Каждый экспонат — шаг вперед.

Вместо привычного уже запаха дыма и навоза здесь пахло иначе: смесью машинного масла, бумаги и металла. Полы были отполированы так, что в них можно было увидеть своё отражение — чище, чем в доме у вдовы Дуглас.

Том посмотрел вокруг и присвистнул.

— А я-то думал, музеи — это про скучные картины и древние черепки, — сказал он. — А тут, похоже, есть на что посмотреть и что потрогать!

На стенах висели афиши с изображением изобретателей, паровых машин и телеграфных аппаратов. В центре зала возвышалась огромная модель парохода, а рядом — первый телеграфный передатчик, способный передавать сообщения на сотни миль.

— Вы только взгляните! — воскликнула Бекки, указывая на деревянный аппарат с множеством шестерёнок. — Здесь даже есть механизм, который считает быстрее человека!

— Это вычислительная машина Бэббиджа, — сухо пояснил строгий смотритель, проходя мимо. — Устройство, которое может производить сложнейшие математические расчёты.

— А оно может сосчитать, сколько у меня в кармане денег? — заинтересовался Том.

— Если у вас их нет, то и считать нечего, — спокойно ответил смотритель.

— Честная машина, — усмехнулся я.

Мы двинулись дальше, пробираясь сквозь толпу, пока не услышали громкий голос из главного зала:

— Дамы и господа! Перед вами механизм, который изменит мир!

Люди начали быстро стекаться к сцене, где стояла массивная металлическая конструкция, окружённая стеклянными шарами, внутри которых мерцали голубые искры.

На сцене стоял высокий человек в лабораторном халате, чьи густые усы буквально топорщились от волнения, а глаза сияли азартом первооткрывателя.

— Позвольте представить вам электромагнитную машину! — торжественно провозгласил он, словно говорил о величайшем чуде света.

Толпа оживлённо зашептала, зрители удивлённо переглядывались и вытягивали шеи, пытаясь рассмотреть лучше.

— Сила электричества теперь служит человеку! — продолжал учёный, с восторгом оглядывая аудиторию. — Она приводит в движение механизмы, не нуждаясь ни в пару, ни в топливе!

Том замер, глядя на сцену, а у меня внутри будто царапнуло что-то нехорошее.

— Но это ещё не всё, друзья! — учёный торжественно поднял палец вверх. — Эта машина способна управлять магнитной силой!

Он резко потянул рычаг, и я увидел невозможное:

Кусок металла, лежавший рядом, вдруг дрогнул и начал медленно подниматься, словно его подхватила невидимая рука.

Бекки ахнула, кто-то в толпе захолопал в ладоши, а я невольно сделал шаг назад.

— Том, — прошептал я, чувствуя холодок на спине, — это что, колдовство?

— Гек, это электричество! — восхищённо прошептал Том, не сводя глаз с чудесной машины.

— Люди ещё не осознали, какие безграничные возможности оно таит в себе, — продолжал учёный, явно наслаждаясь произведённым впечатлением. — Сегодня мы заставляем двигаться металл... Завтра, возможно, сможем управлять самой материей!

Толпа заволновалась и зашумела ещё громче.

— Или даже... временем! — торжественно закончил он, вскинув руки вверх.

Том резко поднял голову. Я снова ощутил знакомое беспокойство и окончательно понял: мне совершенно не нравилась эта штука.

Толпа начала редеть, а на лице Тома появилось то самое выражение, которое всегда предвещало неприятности. Он нетерпеливо смотрел, как изобретатель поправляет приборы.

— Нам надо разглядеть эту штуку поближе, — азартно прошептал он, шагая вперёд.

— Том! — Бекки встревоженно оглянулась. — Это не наша вещь!

— Ну и что? — Том, не отводил глаз от машины. — Ты же слышала, он говорил про управление временем!

— Он говорил, что это возможно «когда-нибудь», — возразил я. — И точно не сегодня.

— Вот это мы и проверим! — Том уже вздрагивал от нетерпения, но изобретатель не спешил уходить.

Я уже надеялся, что все обойдется, но тут к сцене быстро подошел дядя Натаниэль.

— Простите, сэр! — он любезно обратился к изобретателю. — Позвольте задать вам вопрос?

Учёный повернулся к нему польщенный вниманием:

— Конечно, сударь, что вас интересует?

Дядя Натаниэль слегка поправил жилет, явно настроенный на долгий разговор:

— Я не могу не восхищаться вашими достижениями, — начал он, улыбаясь. — Но скажите, может ли электричество быть полезным в быту?

Глаза учёного вспыхнули, как лампы в его машине. Он взял дядю Натаниэля под локоть, и они вышли в другой зал, оживлённо обсуждая перспективы цивилизации.

— Вот это удача! Теперь у нас полно времени. — Том потер руки.

Я тяжело вздохнул:

— Том, может, всё-таки не стоит?

— А если это опасно? — робко поддержала меня Бекки.

— Такой шанс выпадает раз в жизни! — Том подошёл ближе и начал с любопытством осматривать машину и дергать за все, что можно было дернуть. — Я уверен, тут должен быть какой-то секрет.

Вдруг его пальцы наткнулись на что-то интересное, и Том замер, радостно шепнув:

— Тут рычаг двигается!

Он легко потянул его вниз. Раздался негромкий щелчок, похожий на взведение ружья. Я прислушался — где-то позади послышались шаги.

— Том, нас сейчас точно заметят!

— Если что, мы ничего не трогали, — невозмутимо улыбнулся Том.

— Том... — голос Бекки сорвался на испуганный шёпот. — Она светится!

Действительно, машина загудела, и по медным проводам побежали яркие голубые искры.

— Может, хватит? — настойчиво предложил я. — Пока не поздно...

Том не слушал. Он довел рычаг до упора.

Воздух завибрировал — низко, глухо, как будто земля под нами готовилась заговорить. Давление в ушах резко усилилось, словно мы погрузились под воду.

— Том! — отчаянно вскрикнула Бекки. И этот крик был последним, что я услышал.

И в следующий миг искры превратились в ослепительные молнии. Металлический диск завертелся с бешеной скоростью. Пространство вокруг нас вдруг исказилось, будто мы попали внутрь зеркала, и мир начал распадаться на тысячи осколков. В следующую секунду всё исчезло.

У меня было чувство, будто меня долго кружили в мешке, а потом просто вытряхнули на твёрдый пол. Голова кружилась, в ушах стоял звон, а руки и ноги неприятно покалывало, как после долгого сна в неудобной позе. Я заставил себя открыть глаза и тут же отпрянул от ослепительно ярких прямоугольников на потолке, которые светились так, словно внутри горели маленькие солнца.

Рядом зашевелился Том. Он медленно сел, потирая глаза, и с недоумением посмотрел на меня:

— Чёрт возьми... Мы что, уснули прямо здесь?

Он сонно вертел головой, и его лицо постепенно начало вытягиваться от удивления.

Я уже собирался ему ответить, но вдруг заметил Бекки. Она стояла неподвижно в нескольких шагах от нас, бледная, словно привидение, со взглядом, устремлённым куда-то в дальний конец зала. Её голос звучал тихо и сдавленно:

— Гек... Том... А куда все подевались?

Я поднялся на ноги. Вокруг не было ни единой живой души. Там, где недавно шумела толпа, теперь царила странная, неестественная тишина. Ни изобретателя, ни дяди Натаниэля, ни любопытных зрителей — будто всех смело каким-то невидимым ветром.

Сам музей тоже изменился. Вместо тяжёлых каменных стен были гладкие, сверкающие поверхности, а газовые лампы куда-то исчезли. Машина всё ещё стояла в центре, но даже она выглядела иначе — блестящая, аккуратная, без следов ржавчины и масла.

Том наконец поднялся на ноги, потрясённо оглядываясь и нерешительно шагнул вперёд:

— Может, выставка уже закончилась, а нас никто не заметил?

— Не заметил? — Бекки нервно сжала кулаки, побледнев ещё сильнее. — Том, да ты посмотри! Что-то явно не так! Совсем не так!

Я тоже это чувствовал.

— Может, это... проклятье? — тихо спросил я, и на всякий случай три раза плюнул через плечо.

— Дурь какая-то, — пробормотал Том, но в его голосе уже не было прежней уверенности. Он выглядел так же растерянно, как и мы с Бекки.

Мы стояли и вертели головами. Я пытался зацепить взглядом хоть что-нибудь знакомое, но вместо привычных паровых машин и счётных устройств вокруг стояли странные механизмы с непонятными подписями вроде «фонограф Эдисона» и «катушка Теслы».

— Может, тут где-то есть инструкция, как вернуть всех обратно? — с надеждой предложил Том, снова потянувшись к рукоятке одного из этих механизмов.

Бекки мгновенно схватила его за шиворот и твёрдо оттащила прочь:

— Том Сойер, даже не смей! Нам уже хватило твоих экспериментов!

— Но я же аккуратно... — неуверенно начал Том, но тут же сдался под её строгим взглядом.

Мы осторожно перешли в соседний зал, надеясь увидеть наконец что-нибудь знакомое и понятное. Но не успел я сделать и двух шагов, как неуклюже налетел на деревянный прилавок. Я отскочил назад и тут же поднял глаза на круглолицего мужчину в белом фартуке, который широко улыбался, протягивая мне аппетитную булку, щедро присыпанную мукой.

— Простите, сэр, я случайно, — пробормотал я, чувствуя, как горят уши от неловкости.

Но мужчина не ответил и даже не пошевелился. Я растерянno уставился на него и только тогда понял, что это был вовсе не живой человек. Это был манекен.

— Да уж, Гек, — нервно усмехнулся Том, — похоже, он на тебя не обиделся.

Бекки подошла чуть ближе, осторожно рассматривая фигуру.

— Они такие... как будто сейчас заговорят, — прошептала она, и голос её чуть дрогнул.

Я с нарастающим беспокойством огляделся по сторонам. Вокруг нас застыли сцены из нашей собственной жизни, будто кто-то собрал всех знакомых людей и навечно заморозил их прямо посреди привычных дел. Вон джентльмен в монокле и цилиндре, важно разговаривающий с дамой под кружевным зонтиком, чуть дальше двое мальчишек замерли с удочками на плече, словно прямо сейчас сбежали с уроков и шли на речку.

Рядом застыл газетчик, босые ноги которого были перемазаны уличной грязью, а лицо и руки казались такими живыми, что я ожидал услышать его громкий голос, зазывающий купить свежий номер. Я подошёл поближе и внимательнее его рассмотрел:

«14 июня 1845 года», — прочитал я дату на газете.

— Эта газета трёхлетней давности, — растерянно пробормотал я.

— Видать, с тех пор ничего интересного не случилось, — неуверенно усмехнулся Том, но улыбка быстро сползла с его лица.

Я осторожно двинулся дальше. У стены была установлена целая группа индейских типи, возле которых стояли воины в боевой раскраске и с перьями в волосах. Один из них, высокий и суровый, пристально смотрел вдаль, сжимая в руках копьё, словно собирался отправиться на охоту прямо сейчас.

Я наклонился к небольшой табличке, прикреплённой у его ног, и прочитал вслух:

— «Быт и культура индейских племён XIX века. Последние вольные охотники Дикого Запада».

По моей спине пробежал неприятный холодок. Мы будто попали внутрь собственной жизни, застывшей и выставленной напоказ.

— Том, а вдруг, это действительно проклятие, и мы теперь часть этой выставки?

Том дёрнулся, как лошадь от шороха змеи, открыл рот, но не сказал ни слова. Он растерянно переводил взгляд с фигуры индейца на газетчика и обратно, словно ожидал, что кто-то из них сейчас оживёт и начнёт говорить с нами.

Холодный, гадкий страх медленно пополз у меня по спине, заставляя сжиматься всё внутри. Но в этот момент прямо над головой кто-то настойчиво ударил в металлический гонг: «дин-донг-данг».

Мы вздрогнули и резко посмотрели вверх. Но, прежде чем мы успели понять, откуда прозвенел этот странный звук, зал наполнил ровный, совершенно лишённый жизни голос:

— Внимание! Музей закрывается через пятнадцать минут. Просьба ко всем посетителям покинуть здание.

Меня буквально пригвоздило к полу. Этот голос не принадлежал человеку, в этом я был уверен. Он звучал пусто и холодно, будто кто-то произносил заранее заученные слова.

Бекки схватила Тома за руку, и сжала её так сильно, что он почти вскрикнул от боли. Её глаза расширились от ужаса.

— Том... Гек... — прошептала она дрожащим голосом. — Кто... кто сейчас это сказал?

Том метнулся взглядом по сторонам, пытаясь сориентироваться, и хрипло произнёс:

— Пожалуй, пора убираться отсюда. Кто-нибудь помнит, откуда мы пришли?

Мыслей, куда идти, не было никаких. Музей казался запутанным лабиринтом, и я почти смирился с тем, что нам суждено плутать здесь вечно.

— Смотрите! Что это? — Бекки указала рукой в дальний конец зала.

Там, словно путеводная звезда, обещая спасение, неярко светила зелёная надпись EXIT. Мы поспешили на свет, стараясь не смотреть в глаза пугающе живым фигурам, и молча молясь, чтобы дверь вывела нас обратно в знакомый мир.

Глава 2

Если честно, я никогда не любил слишком чистые вещи. Ну, знаете, те, что выглядят так, будто ими никто никогда не пользовался. Мне всегда казалось, что немного грязи только украшает: земля под ногтями, пыль на сапогах, заплатки на одежде — это и есть настоящая жизнь.

Но сейчас, шагнув из музея наружу, я сразу ощутил разницу. Воздух казался легче, чище, словно в нём чего-то не хватало. Я вдохнул ещё раз, пытаюсь понять, чего именно, и вдруг понял: не пахло ни дымом, ни пылью, ни даже навозом. Пахло совсем иначе, почти никак.

Я огляделся и мгновенно почувствовал, как по спине побежали мурашки. Это был не тот город, в котором мы оказались вчера. И дело было не только в воздухе.

Бекки съезжилась и прижалась вплотную к Тому, лицо её выражало полную растерянность.

— Том... Где мы вообще? — её голос почти сорвался на шёпот.

Я поднял голову. Здания вокруг были выше, чем я когда-либо видел. Они уходили вверх, гладкие и ровные, будто гигантские зеркала, поставленные на ребро. Многие окна уже горели тем же ровным светом, что и потолок в музее. Ни привычных вывесок с облупившимися буквами, ни клеток с курами на балконах, ни даже простых карет и лошадей.

Зато вдоль улицы, прямо перед нами, проносились повозки. Вернее, что-то похожее на повозки, только странные, гладкие и тёмные, сделанные из стекла и металла. У них не было лошадей. Они не скрипели, не стучали колёсами по мостовой, а просто катились сами по себе тихо, почти бесшумно. Я непроизвольно шагнул назад, ощущая, как внутри всё холодеет от ужаса.

Опустив взгляд на мостовую, я осторожно потрогал её ногой. Гладкий серый камень, никаких следов грязи или даже простой уличной пыли. Только кое-где валялись какие-то странные бумажные коробки и стаканы — крепкие и добротные на вид. Было удивительно, что их просто так бросили на землю. Но даже этот мусор казался слишком аккуратным.

— Том, — прошептал я, стараясь справиться с дрожью в голосе, — может мы вышли через неправильную дверь? Давай вернемся в музей и попробуем еще поискать?

Том молча покачал головой и напряжённо застыл. Он выглядел как никогда испуганным.

— Гек, очевидно, мы попали в переделку, каких еще не видывали. Место, хоть и странное, но какие-то люди вон ходят. Давай поймаем кого-нибудь и спросим, что это за место и дальше решим, что делать.

Том решительно шагнул к прохожему — мужчине в короткой куртке и узких, словно детских, штанах. В ушах у него торчали странные белые затычки, и он двигался вперёд так быстро, словно за ним гнались пчёлы.

— Эй, сэр! — громко позвал Том, поднимая руку. — Мы тут немного заблудились...

Мужчина даже не повернул голову, просто шагнул в сторону и обогнул Тома.

— Эй, да стой же ты! — Том замахал руками перед его лицом. — Ты глухой или слепой?!

Ноль внимания. Мужчина продолжал идти дальше, будто Том был пустым местом.

— Он даже не моргнул! — ошеломлённо прошептал Том, отступая назад и поворачиваясь к нам. — С ним точно что-то не так.

Бекки тихо всхлипнула и испуганно прошептала:

— Гек был прав. Это точно проклятие. Вдруг мы стали призраками?

Я вздрогнул и медленно опустил взгляд на свои ладони. Мне отчаянно хотелось возразить, но вместо этого из горла вырвался лишь тихий сиплый звук:

— Призраки? Ты имеешь в виду, что мы умерли и теперь... это загробный мир?

Том нервно фыркнул, явно стараясь казаться уверенным:

— Ну уж нет! Если бы я умер, то точно чувствовал бы себя получше!

Но его голос звучал не слишком убедительно. Он резко шагнул вперёд, буквально перегородив дорогу парню в странной рубашке без единой пуговицы и в широченных штанах, которые были ему очевидно велики и чудом держались на бедрах. Из под штанов торчало исподнее. Парень шагал в развалочку, как бы пританцовывая.

— Эй, приятель! — громко сказал Том и ухватил парня за плечо, проверяя, настоящий ли тот.

Парень испуганно дёрнулся и непонимающе уставился на Тома.

— Ты чё, псих?

Том с облегчением отпустил его и даже улыбнулся:

— Нет, просто мы заблудились. Подскажи-ка, в каком мы городе?

Парень недоверчиво прищурился, переводя взгляд с Тома на нас с Бекки, потом осторожно сказал, словно боялся неправильного ответа:

— В Нью-Йорке, чувак... Ты серьёзно не в курсе?

— Нью-Йорк?! — ахнула Бекки.

Я нервно покосился на Тома:

— Том, это какой-то... другой Нью-Йорк. Наш был совсем не такой.

Но Том меня уже не слушал. Он сосредоточенно смотрел парню в глаза, будто пытаюсь поймать его на лжи.

— Точно Нью-Йорк? А не шутишь?

Парень уже явно начал нервничать:

— Э-э, да я серьёзно, можешь хоть загуглить, если не веришь.

Том нахмурился, явно сбитый с толку.

— Гугли?! — ошарашенно повторил Том. — Это ещё что за дьявольская команда?

Парень помотал головой, не решаясь то ли смеяться, то ли бежать от нас подальше.

— Боже, окей... Ладно, пришелец, смотри внимательно.

Он вытащил из кармана маленькую гладкую коробочку и коснулся её пальцем. В тот же миг поверхность коробочки засветилась так ярко, что Бекки вскрикнула и отскочила на шаг.

Я тоже невольно отшатнулся, а Том застыл, разинув рот.

— Что за колдовство... — прошептал я, уставившись на светящуюся штуковину.

Парень, явно довольный нашим изумлением, снова коснулся её пальцем, и вдруг на поверхности появилось чёткое изображение: улицы, линии, надписи — и сверху большие, отчётливые буквы: «New York City».

— Чёрт возьми, Том! — прошептал я, хватая его за локоть. — Это что, карта?

— Да, приятель, карта, — кивнул парень. — Гугл-карты, чтобы точно знать, где находишься.

Том нервно сглотнул, но через секунду его глаза азартно загорелись:

— Гек, вот бы в жизни не поверил, что увижу такую штуку своими глазами! Это же ведьмин компас!

— Чего? — не понял я.

— Ведьмин компас! Ну, магический прибор, который ведёт тебя, куда захочешь, будто читает твои мысли!

Бекки осторожно наклонилась поближе, словно коробочка могла её укусить.

— Наш пастор говорил, что магии не существует и все это дремучие выдумки. Но сейчас я готова поверить во все, что угодно.

Тем временем парень с интересом нас разглядывал, подолгу задерживая взгляд на нашей одежде. В конце концов он по доброму улыбнулся:

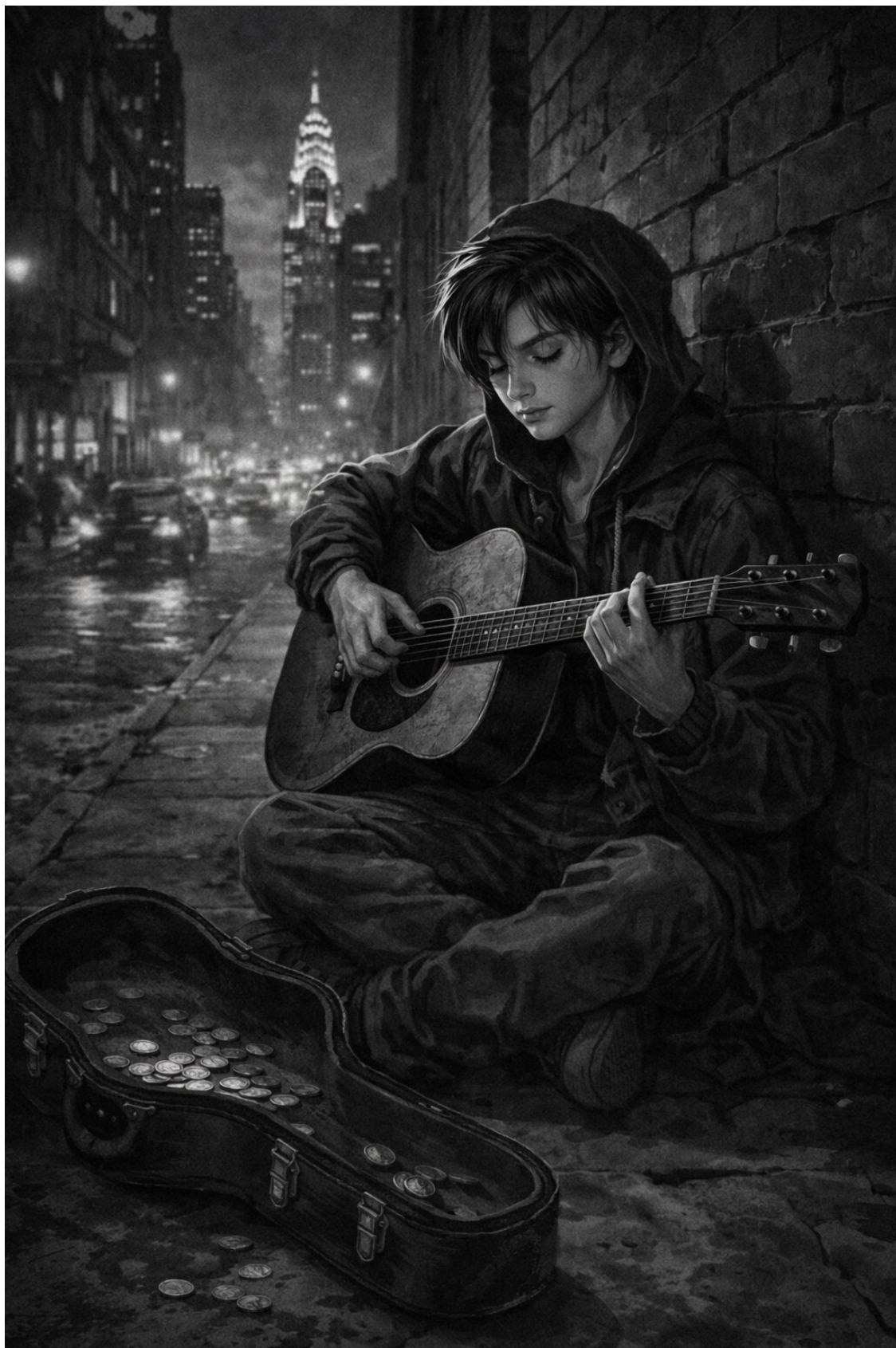
— Окей, народ, классные у вас костюмы. И вы прям живёте своими ролями. Верю, как по Станиславскому!

Он быстро спрятал светящуюся штуку в карман, помахал нам рукой и поспешил прочь, оставив нас стоять посреди улицы в полной растерянности. Я уже был готов запаниковать, как вдруг до меня донёлся тихий звук — голос, который был похож на чистый ручей, пробивающийся сквозь камни.

Кто-то пел. Ясно, мелодично, и одновременно как-то очень грустно. В нём звучала непонятная тоска, и я даже не сразу смог бы сказать, мужской это голос или женский.

Я обвёл глазами улицу, стараясь разглядеть того, кто поёт. Музыкант сидел на мостовой у стены дома, одетый в мешковатую, потрёпанную одежду. Она была чистая, но я сразу понял, что этот человек не всегда знает, где проведет ночь.

Лицо почти полностью скрывал капюшон, из-под которого выбивались темно-русые, расчёпанные пряди волос. Он перебирал струны старенькой гитары так легко и плавно, словно та была продолжением его рук.

Мы медленно подошли ближе, стараясь не мешать. Прохожие почти не обращали внимания на музыканта — лишь иногда кто-то останавливался и бросал в раскрытый футляр монету или бумажку. Певец же, казалось, никого не замечал вокруг, словно находился в каком-то

своём, далёком от всех мире. И именно это показалось мне странно знакомым и близким. Словно он тоже чувствовал себя чужим здесь.

Бекки осторожно коснулась моего плеча:

— Гек, ты так застыл, будто первый раз музыку слышишь.

Я пожал плечами, не зная, как объяснить ей, чем этот голос так зацепил меня.

— Не спрашивай почему, но мне кажется, этот парень нам поможет.

Я сделал шаг вперед и просто сказал:

— Ты здорово поёшь.

Музыкант усмехнулся, не поднимая головы:

— Тогда кидай монету в футляр, раз понравилось.

— Извини, — ответил я. — У нас всего несколько долларов. Мы только что прибыли и никого тут не знаем. И, если честно, нам нужна помощь.

Музыкант, наконец-то удостоил нас вниманием. Он оценивающе посмотрел на нас и через секунду спросил:

— Откуда прибыли, из прошлого?

Мы растерянно переглянулись, не понимая, шутит он или говорит всерьёз.

— Не хотите говорить, дело ваше. Ну, а ночевать-то вам есть где?

Том вопросительно взглянул на нас с Бекки.

— Ещё как-то не было времени подумать, — признался он.

Музыкант задумчиво почесал затылок, потом сгреб монеты в карман, легко поднялся на ноги и закинул гитару за спину.

— Можете пойти со мной. Я знаю место, где можно переночевать. Не лучший отель в городе, зато бесплатно и никто не гонит.

Бекки смотрела на Тома, ожидая от него решения.

— Ну что, — Том пожал плечами и улыбнулся, — раз других предложений нет, веди.

Мы двинулись следом, и я вдруг почувствовал, что тревога внутри меня отступила. В этом непонятном и чужом городе рядом появился кто-то реальный, живой, не похожий на равнодушных призраков, проходивших мимо. Кто-то, кто мог стать нашим проводником в этом новом мире.

— Как вас зовут-то? — спросил музыкант, шагая чуть впереди и не оглядываясь.

— Том, — бодро ответил Том.

— Бекки, — тихо ответила она, будто еще не решив, можно ли доверять незнакомцу.

— Гек, — коротко отозвался я, стараясь, чтобы голос прозвучал твердо. Моё имя сейчас казалось единственной вещью, в которой я был абсолютно уверен.

— А тебя-то как звать?

— Иногда кричат «эй, парень» или «эй, девчонка». Иногда просто «приятель». Зови, как хочешь.

Музыкант вел нас по лабиринту узких переулков, в которых мерцали тусклые фонари и яркие непонятные вывески. Вскоре переулки закончились, и мы оказались на широкой площади, окружённой сверкающими высотными зданиями, чьи окна горели сотнями холодных огней.

Площадь выглядела так, словно здесь недавно закончилась какая-то битва, после которой никто не собирался прибираться. Повсюду лежали разбросанные вещи: одеяла, потрёпанные пальто, старые сапоги. Люди располагались прямо на земле, на каменных скамьях, и даже внутри больших бумажных коробок, превращённых в подобие маленьких домов. Кто-то завернулся в газеты, свернувшись клубком, чтобы хоть как-то согреться в прохладном ночном воздухе.

Двое бродяг ожесточённо дёргали за ручку металлическую телегу, набитую до верха самым разным хламом. Из неё то и дело вываливались старые жестянки, мятые коробки и лоскуты тряпок, а сама телега невыносимо грохотала и звенела, будто собиралась развалиться.

— Отпусти, чёртов ворюга! — яростно шипел бородатый мужчина, изо всех сил тянувший телегу на себя. — Это моё добро, чтоб тебя!

— Сам ты вор! — огрызался второй, помоложе, но не менее грязный и злой. — Твоя телега у фонаря осталась! Руки убрал!

Они так яростно перетягивали друг у друга свою добычу, что шум стоял нестерпимый. От этого грохота проснулся кто-то в картонной коробке неподалёку и раздражённо заорал:

— Заткнитесь, уроды! Если сейчас же не уgomонитесь, я встану и вломлю обоим!

Для меня этот шум и скандал были как отголоски давно забытого прошлого, в которое я надеялся никогда не вернуться. Том наблюдал за происходящим внимательно, но без особого удивления — уличные стычки не были для него в диковинку. А вот Бекки, смотрела на эту сцену с растущим ужасом, явно представляя, как ей предстоит провести ночь среди этих людей.

Мы медленно пошли дальше, осторожно пробираясь между лежащими повсюду вещами и людьми, стараясь отыскать место, где можно было бы хотя бы немного передохнуть. Вглядываясь в лица, я с удивлением отметил, что не все вокруг выглядели так, будто давно махнули на себя рукой. Среди всей этой нищеты и разрухи попадались люди аккуратные и ухоженные. Особенно выделялся один мужчина, сидевший чуть поодаль на небольшой каменной скамье. Он был уже немолод, явно за пятьдесят, и выглядел настолько элегантно, словно только что покинул банк или адвокатскую контору. Его тёмное пальто казалось безупречно чистым, ботинки блестели даже в тусклом свете фонарей, и я с трудом мог поверить, что такой солидный господин оказался среди тех, кто давно потерял всякую надежду.

Лицо мужчины освещала тонкая плоская коробка, излучавшая ровный, холодный свет. Он быстро и нервно стучал пальцами по этой коробке, словно пытался поймать что-то, что постоянно ускользало от него.

Том, явно разделяя моё удивление, внимательно разглядывал странного мужчину. Немного поколебавшись, он подошел к незнакомцу и обратился максимально уважительно:

— Простите, сэр, что беспокою вас, но не могу удержаться от вопроса: что вы делаете?

Мужчина не поднял глаз, продолжая быстро и раздражённо стучать по светящейся коробке, и ответил почти машинально:

— Работаю. Пожалуйста, не отвлекайте меня сейчас.

Мы с Томом переглянулись, совершенно сбитые с толку.

— Сэр, но как Вы можете работать здесь? Где же тогда ваша контора?

Мужчина вдруг перестал стучать и медленно поднял на нас уставшие, слегка покрасневшие глаза. Он несколько мгновений внимательно смотрел на Тома, затем на меня, и, похоже, только учтивость Тома помешала ему прямо сказать, куда нам обоим следовало бы отправиться. Вместо этого он тихо усмехнулся:

— Моя контора прямо здесь, передо мной, молодой человек. Я торгую на бирже. Сырьевой и фондовый рынки, понимаете? Там нельзя отвлекаться ни на минуту, иначе упустить важный момент.

Он снова принялся быстро стучать по коробке, а мы с Томом так и остались стоять, ничего не понимая. Слова вроде бы звучали знакомо, но смысл был для нас совершенно чуждым и запутанным.

Я осторожно заглянул через плечо мужчины, пытаюсь понять, что же это за странная работа. На тонкой светящейся поверхности быстро бежали линии, переливаясь то зелёным, то красным, и цифры менялись с такой скоростью, будто кто-то невидимый кидал их туда беспорядочно и не мог остановиться. Незнакомец тем временем быстро водил пальцем по маленькому квадрату ниже экрана, от чего линии то замирали, то вновь стремительно устремлялись

куда-то вверх или вниз. Он едва ли моргал, глядя на это зрелище, будто от этих мерцающих линий зависела его жизнь.

Том снова посмотрел на мужчину, затем на окружающих нас бездомных, словно сравнивал увиденное. Наконец он осторожно обратился к незнакомцу:

— Извините за назойливость, сэр, но что такой джентльмен делает здесь, среди... — он замялся, оглядывая грязную площадь, — среди всего этого?

Мужчина вздохнул, не отрывая взгляда от своей странной коробки:

— До моего дома слишком долго добираться после работы в банке. К тому же, в дороге можно пропустить важный момент в торгах. Биржа, юноша, не прощает промедления.

— Так у вас есть дом? — удивлённо спросил я, невольно представляя, как можно отказаться от дома ради каменной скамьи.

— Есть, конечно, — ответил мужчина чуть раздражённо, словно объяснял очевидные вещи. — В Джерси. Я его сдаю, так быстрее можно накопить капитал.

Том, явно не понимая этой странной логики, тихо спросил:

— А зачем вам столько капитала, сэр?

По лицу мужчины промелькнуло удивление, будто он уже давно не слышал такого простого и наивного вопроса. Он помедлил, словно подбирая слова, и наконец с усталым вздохом ответил:

— Видите ли, молодой человек, капитал — это безопасность. Чем больше у тебя денег, тем меньше тебе приходится бояться завтрашнего дня. Я коплю, чтобы однажды проснуться и понять, что бояться больше нечего.

Его голос звучал ровно, но я заметил, как слегка дрожали его пальцы, лежащие на коленях. Бекки несколько секунд растерянно смотрела на него, словно не веря услышанному. Наконец она не выдержала и спросила с искренним удивлением и лёгким возмущением:

— Но, сэр... разве вас нигде и никто не ждёт?

На лице мужчины мелькнула растерянность, словно вопрос Бекки неожиданно заставил его столкнуться с реальностью, которую он предпочитал игнорировать. Он помолчал, тяжело вздохнув, и ответил тихо и горько:

— Нет, юная леди. Никто и нигде. Семья требует заботы, внимания, любви. Это огромная ответственность. Я слишком хорошо помню, каково это — жить, постоянно боясь завтрашнего дня. Мои родители жили очень бедно. Мать постоянно тревожилась о будущем, отец никак не мог найти хорошую работу. Все их разговоры были только о том, что будет завтра и как прожить следующий месяц. Я тогда поклялся себе, что никогда не позволю себе завести семью, пока не буду абсолютно уверен, что смогу защитить её от таких тревог. Семья обязательно будет, но потом, когда я буду готов. Когда можно будет больше не беспокоиться.

Он снова замолчал, и его взгляд стал отрешённым и пустым, словно он говорил уже не с нами, а сам с собой.

Мы стояли молча, не решаясь перебить его размышления.

— Но ведь вы уже накопили немало, разве нет? — тихо спросил Том, словно боясь спугнуть его воспоминания.

Мужчина словно очнулся, снова посмотрел на нас и чуть раздражённо качнул головой:

— Немало. Но недостаточно. Всегда недостаточно. Каждый раз, когда достигаешь новой цели, появляется следующая, ещё более важная. Накопление — это игра, в которой нельзя остановиться. Пропустишь хоть один шаг — и рискуешь потерять всё, что заработал до этого.

Он бережно закрыл коробку, и её ровное сияние погасло, оставив его лицо в темноте. Затем мужчина осторожно спрятал её на самом дне старого потёртого саквояжа, аккуратно укрывая сверху бумагами и свёрнутой одеждой. Потом закрыл саквояж и пристегнул его коротким ремешком к своему запястью, словно опасался, что во сне кто-то попытается украсть самое ценное, что у него есть.

— А теперь прошу меня простить, господа и юная леди, — устало сказал он. — У меня ровно два часа на сон, пока рынки в Азии не открылись.

Мужчина откинулся на холодной скамье, закрыл глаза и застыл в напряжённой позе, будто даже во сне не позволял себе расслабиться полностью.

Это откровение просто ошеломило нас. Этот человек загнал себя в ловушку, где каждый успех только усиливает его страх перед неудачей, и из этой ловушки ему, возможно, уже никогда не выбраться.

Мы наконец-то нашли угол, который выглядел чуть спокойнее остальных, и уже собирались устроиться на ночлег, как моё внимание привлекли двое парней, неторопливо бродивших по площади. Один был худой и жилистый, словно обтянутый кожей скелет, второй — широкий и грузный, с лицом похожим на кусок плохо пропечённого теста. Они двигались лениво, нагло поглядывая по сторонам, высматривая, к кому бы прицепиться.

Первой почувствовала опасность Бекки. Она напряглась, настороженно следя за ними, и спряталась за Тома. Парни словно почуяли её страх — они тут же остановились, переглянулись и мерзко ухмыльнулись, как шакалы, учуявшие лёгкую добычу.

Бекки выглядела слишком необычно. Здесь никто не носил таких пышных юбок, никто не выглядел так нарядно. В свете уличных фонарей её платье переливалось, резко выделяясь среди потёртых курток и мешковатых брюк.

— Смотри, Щуплый, какая на нашу помойку барыня пожаловала, — хмыкнул широкий.

— Ага, Харя, платье-то какое! — протянул Щуплый, лениво разглядывая Бекки с ног до головы. — Вас тут что, с бала сразу на улицу выставили?

— Точно! Наверное, просто не вписалась в светское общество, — Харя гоготнул.

Щуплый кивнул с притворным сочувствием, приближаясь ещё на шаг:

— Теперь бедняжке приходится по таким опасным местам бродить.

Харя растнул губы в мерзкой улыбочке:

— Повезло тебе, барыня, что мы рядом оказались. Не дадим тебя в обиду.

Щуплый перевёл взгляд на нас с Томом и с презрением протянул:

— А вы-то, ряженые клоуны, надеюсь, понимаете, что такой барышне среди вас совсем не место?

Они снова захохотали — громко, развязно, с отвратительной уверенностью в своей безнаказанности. Том бросил короткий взгляд на Музыканта, который едва заметно покачал головой и тихо произнёс:

— Не стоит ввязываться...

Том нарочито расслабился и чуть улыбнулся, но глаза его оставались холодными и внимательными. Он быстро скосил на меня взгляд, и я едва заметно кивнул.

— Дружище, — спокойно произнёс Том, обращаясь к Щуплому, — леди вполне комфортно в нашей компании. Лучше просто идите своей дорогой...

Щуплый, не обращая внимания на Тома, продолжил приближаться к Бекки.

— Комфортно? Ну-ну. Понимаю. Когда девица в таком наряде по ночам гуляет, ей явно другого комфорта хочется. Может, она и нас пора...

Закончить он не успел. Том сорвался с места, словно сжатая пружина, и молниеносно, железной хваткой вцепившись в ухо Щуплого, резко пригнул его к земле. Тот завизжал, пытаясь вырваться, но Том ещё сильнее придавил его вниз, заноса кулак для удара:

— А ну, извинись перед леди! Быстро!

— Ай! Пусти, больно же! Харя, сделай что-нибудь! — отчаянно заорал Щуплый, извиваясь от боли.

Я к тому времени уже стоял в привычной защитной стойке, прикрывая Тома сбоку и полностью контролируя Харю, который растерянно застыл на месте и беспомощно заблеял:

— Э-эй, парни... мы ж просто поговорить хотели... ну, познакомиться там... ничего же такого...

Том чуть сильнее дёрнул за ухо, и Щуплый взвыл ещё громче:

— Всё-всё! Прости, барышня... простите меня!

Том резко отпустил его, и Щуплый едва удержался на ногах. Харя тут же ухватил его за рукав, торопясь поскорее убраться отсюда, но Том вдогонку отвесил ему увесистый пендель, отчего Харя едва не упал на приятеля. Оба, шатаясь и спотыкаясь, быстро растворились в темноте, обиженно скуля и ругаясь себе под нос.

Я перевёл дух и ощутил приятную горячую волну внутри — как же хорошо видеть, что негодяи получили по заслугам. Пожалуй, давно уже я не чувствовал себя таким довольным и уверенным. Том улыбнулся уголком рта и слегка размял пальцы, явно наслаждаясь этим небольшим триумфом.

— Ну что, ребята, — довольно проговорил он, — эти шакалы сегодня больше никого не побеспокоят.

Но Музыкант не разделял нашего настроения. Он быстро осмотрелся, проверяя, не привлекли ли мы лишнего внимания, и сказал, нервно понизив голос:

— Нам пора отсюда валить, причём немедленно.

Том удивлённо взглянул на него и спокойно пожал плечами:

— Да не бойся ты. Они сюда больше носа не сунут. Не такие уж храбрецы.

Музыкант покачал головой с раздражением:

— Очень даже возможно, что вернутся. И не одни, а с полицией.

Том усмехнулся, явно не воспринимая его слова всерьёз:

— Полиция? Они что, сами на себя заявление напишут?

Музыкант вздохнул и тихо, с горькой усмешкой пояснил:

— Они напишут на вас. Формально-то они ничего не делали, только разговаривали. А вот вы, получается, на них напали.

— А то, что они оскорбляли Бекки, это уже не считается? — резко бросил я, не сумев сдержать раздражения.

Музыкант вздохнул и тихо, с горькой усмешкой пояснил:

— Оскорбления тут мало кого волнуют. Полиция слишком вольно трактует понятие свободы слова.

Мы быстро свернули с площади и поспешили затеряться среди безжизненных переулков, окружённых сверкающими небоскрёбами. Вокруг было непривычно пустынно и гулко, только эти безразличные громадины равнодушно наблюдали за нами сверху вниз.

Том шёл молча, нахмурившись и глубоко засунув руки в карманы. Я видел, что его терзает какая-то тяжёлая мысль, и ничуть не удивился, когда он наконец поднял голову и раздражённо обратился к Музыканту:

— Я всё же не могу понять. Растолкуй мне: что я должен был делать? Просто стоять и смотреть, как этот урод пристаёт к Бекки?

Музыкант пожал плечами и негромко ответил, явно без желания продолжать этот разговор:

— Мог бы позвать полицию и ждать.

Том резко остановился и с недоверием уставился на него:

— И спокойно слушать, как они её оскорбляют? Да за это время они могли бы и ещё что-нибудь выкинуть!

Музыкант отвёл взгляд и тихо пробормотал:

— Многие так бы и поступили...

Бекки заметно вздрогнула и крепче обхватила себя руками за плечи, словно её вдруг пробрал холод. Том заметил это, нахмурился ещё сильнее и с досадой отвернулся, не говоря больше ни слова.

Неловкую паузу прервал мой живот, громко и жалобно заурчавший от голода.

— Ну хоть кто-то тут помнит, что не только великими битвами жив человек, — Том усмехнулся и, словно стряхивая с себя напряжение, хлопнул меня по плечу. — Нужно раздобыть еды, не ловить же нам крыс. Гек, давай посмотрим, что у нас с деньгами.

Он сунул руку в карман и достал несколько монет. Музыкант мельком взглянул на них и спросил с явным недоумением:

— Что это?

Том поднял брови и сразу перешёл в наступление:

— Что значит «что это»? Это доллары! Смотри — звонкие, тяжёлые, серебряные. Тут не ошибёшься.

Он уверенно провёл ногтем по ребру одной из монет и стукнул её о каменную стену, отчего раздался чистый, приятный звон.

— Слышишь? Самые что ни на есть настоящие.

Музыкант снова бросил взгляд на монеты, но теперь выглядел озадаченным:

— Ну... Это-то понятно, но они же старые.

Том фыркнул еще больше заводясь.

— Да ты что! Это самый новый доллар, который я держал в руках.

Музыкант, не выдержав, протянул руку:

— Дай-ка посмотреть.

Том вложил одну монету ему в ладонь. Музыкант повертел её в пальцах, присматриваясь внимательнее. На лице его медленно проступило удивление. Он перевёл взгляд на Тома и осторожно проговорил:

— Ну, как сказать... Этой штуке почти 180 лет.

Мы замерли, словно внезапно окунулись в ледяную воду. Том растерянно моргнул, потом пожал плечами, пытаясь сохранить видимость спокойствия:

— Как такое может быть?

Музыкант посмотрел на него ещё более удивлённо и медленно, чётко произнёс:

— Очень просто, если учесть, что сейчас на дворе 2025 год.

Том снова моргнул. Услышанное никак не укладывалось у него в голове:

— Какой?

— Две тысячи двадцать пятый, — повторил Музыкант с нажимом.

Я почувствовал, как земля качнулась под ногами, и инстинктивно переступил, пытаясь удержать равновесие. Бекки ошеломлённо уставилась на Музыканта, прижав пальцы к губам, будто боялась выкрикнуть что-то совершенно нелепое.

Том медленно потёр висок, явно пытаясь осмыслить услышанное. Наконец он вздохнул и произнёс себе под нос подчёркнуто спокойно:

— Ну... Это хотя бы объясняет некоторые странности... — Потом продолжил, обращаясь к Музыканту, сам не веря своим словам — Ты спрашивал, откуда мы. Думаю, теперь я знаю ответ. Мы из 1848 года, как бы невероятно это не звучало...

Через секунду Музыкант рассмеялся так искренне и легко, что мы даже не успели обидеться.

— Ладно, — сказал он, всё ещё улыбаясь. — Не ждите, что я прямо сейчас вам поверю. Но и спорить не стану. Каждый играет в те игры, которые ему по душе.

Он еще покрутил монету, задумчиво глядя, как она ловит свет, и добавил:

— Если эта монета настоящая... она стоит куда больше, чем просто доллар.

Том поднял голову, и в его глазах мелькнула живая искорка надежды и азарта:

— Значит, мы не просто бродяги.

Музыкант чуть усмехнулся, одарив нас ироничным взглядом:

— Ну... бродяги, конечно. Но, по крайней мере, обеспеченные.

Бекки, словно наконец придя в себя, немого по-детски спросила:

— И мы можем купить еды?

Музыкант кивнул, словно прикидывая в уме возникшие варианты:

— Возможно. Но есть предложение получше.

Том сразу встрепенулся и подался вперёд с искренним любопытством:

— Какое?

Музыкант махнул рукой в сторону ближайших улиц, уводящих нас в глубь незнакомого города:

— Пошли. Покажу вам истинный вкус уличной жизни.

Мы бодро шагали за Музыкантом по узким переулкам. Том шёл чуть впереди, вертя головой по сторонам с интересом исследователя. Бекки держалась чуть настороженно, но всё чаще поглядывала на витрины и вывески.

Наконец Музыкант остановился перед большим, потрёпанным баком, из-под крышки которого торчали края каких-то коробок и обёрток.

— Ну что, прибыли. Здесь мы найдём нам ужин.

Бекки растерянно уставилась на бак:

— Ты что, предлагаешь нам есть мусор?

— Не мусор, — терпеливо поправил её Музыкант, — просрочку. Это еда, у которой истёк срок годности.

Том нахмурился, явно пытаясь разобраться:

— Срок годности? Это как вообще? Еда понимает, что она теперь негодная?

Музыкант негромко рассмеялся и покачал головой:

— Нет, не совсем. Просто производитель пишет дату, после которой товар официально считается испорченным.

Том усмехнулся:

— Тогда это же полнейшая глупость! Если написать на заборе, что завтра он сломается, он что, послушается и рухнет?

Музыкант на секунду замолчал, будто представил эту картину, и улыбнулся шире:

— Конечно, нет. Но ты верно уловил суть. Еда не портится сразу же. Но продавать ее больше нельзя и ее выбрасывают.

Музыкант нагнулся и, немного порывшись в баке, выудил из него аккуратный свёрток в прозрачной, хрустящей упаковке, и протянул его мне:

— Попробуй, не бойся. Он нормальный.

Я с недоверием внимательно рассмотрел его и аккуратно разорвал плёнку. Внутри лежал сэндвич. Запах был вполне свежий и аппетитный, никакой гнили или затхлости. Я отметил про себя, что в жизни пробовал и гораздо менее привлекательные вещи. Осторожно откусив кусок, я удивлённо посмотрел на остальных:

— Эй! Так это вкусно!

Том тут же потянулся за своим сэндвичем. Он долго прислушивался к собственным ощущениям, тщательно пережёвывая, а затем признал, не скрывая удивления:

— Действительно, это просто отлично. Кто вообще придумал выбрасывать такую еду?

Музыкант чуть улыбнулся, словно вспомнив забавную историю:

— Ходит легенда, что у одного очень знаменитого и влиятельного гангстера племянница отравилась несвежим молоком. Он так разозлился, что заставил всех молочников в городе писать на бутылках дату производства. С тех пор так и повелось.

Бекки удивлённо подняла брови:

— То есть это нужно, чтобы люди ели свежие продукты?

Музыкант кивнул, подтверждая:

— Да, именно так.

Бекки слегка растерянно спросила снова:

— Но почему тогда просроченную еду выбрасывают, а не отдают хотя бы на корм свиньям?

Музыкант пожал плечами:

— Наверное, потому что свиньи не приносят прибыли магазинам. Проще выкинуть, чем тратить время и силы на распаковку, переработку в корм и организацию доставки. В этом мире считают не пользу, а выгоду.

Бекки, видя нашу реакцию, наконец-то решилась. Она взяла сэндвич так, будто собиралась откусить от гранаты, зажмурилась и попробовала. Мгновение спустя глаза её широко раскрылись от удивления:

— Боже мой, как вкусно! Я никогда ничего подобного не пробовала!

Музыкант пожал плечами и пояснил уже спокойнее:

— Это неспроста. Такая еда специально создана максимально вкусной, чтобы быстро продаваться. Правда, здоровья она особо не прибавит — слишком много химии.

Бекки непонимающе нахмурилась и осторожно переспросила:

— Химии? В еде?

Музыкант легко улыбнулся и пояснил:

— Ну да. Красители, ароматизаторы, усилители вкуса всякие... И консерванты, чтобы продукты дольше не портились.

Бекки задумалась, внимательно посмотрев на остаток своего сэндвича, и спросила с искренним недоумением:

— Но такая сложная научная еда должна стоить очень дорого. Кто же может себе позволить так питаться каждый день?

Музыкант покачал головой:

— Наоборот, она максимально дешёвая, поэтому доступна всем.

— Значит, бедным людям дают вкусное, но вредное, а богатые едят что-то другое?

— Именно так, — мягко подтвердил Музыкант. — Кто побогаче, те выбирают менее яркое на вкус, зато полезное и дорогое.

Бекки опустила взгляд, тихо проговорила, словно сама с собой:

— Получается, чем ты беднее, тем вкуснее еда, которая тебя... консервирует?

Я дожевал свой сэндвич и негромко добавил:

— Никогда бы не подумал, что богатство здесь определяется не тем, что ты ешь, а тем, чего не ешь.

Мы сидели под мостом, тесно прижавшись друг к другу, усталые, но сытые. Город гудел где-то наверху, но здесь, внизу, было почти тихо, только иногда доносился приглушённый плеск воды да шелест листьев.

Бекки плотно закуталась в куртку Тома, прижимая её к себе, стараясь удержать ускользающее тепло. Том сидел рядом, обняв её за плечи, словно хотел защитить не только от холода, но и от всех опасностей, скрывающихся в этой тёмной ночи.

Музыкант задумчиво взял гитару, осторожно положил её себе на колени и несколько раз бережно перебрал струны, настраивая инструмент. Затем, найдя нужный аккорд, он начал играть. Музыка растекалась по темноте мягкими волнами, осторожными и почти неслышными, постепенно набирая силу и глубину. Голос Музыканта звучал негромко, только для нас, будто мы были единственными слушателями во всём мире.

Он пел о том, как пылает небо и горят горы, о пламени, в котором исчезает привычный мир. Голос его был проникновенным, слегка хриплым, наполненным скрытой печалью и глубокой, сдержанной силой. Слова песни о грядущей беде и неотвратимых потерях отзывались внутри меня чем-то знакомым и болезненно близким.

Я посмотрел на друзей. Голова Бекки лежала на плече Тома. И я видел как в свете далёкого фонаря её глаза наполнятся блеском невыплаканных слёз. Том, опустив голову, медленно потёр переносицу, словно пытался справиться с эмоциями, которые песня пробуждала внутри него.

Я перевёл взгляд на Музыканта, на его большие глаза и чуть вздёрнутый нос. Его взлохмаченные волосы падали на лицо, и он даже не пытался их убрать, полностью погрузившись в музыку. И почему-то смотреть на него было тепло и приятно.

Когда песня смолкла, тишина показалась неожиданно громкой и тяжёлой. Мы некоторое время молчали, боясь потревожить то хрупкое чувство, принесённое нам этой музыкой.

Наконец, Том негромко произнёс:

— Откуда ты знаешь эту песню?

Музыкант помолчал, подбирая правильные слова:

— Она была популярной. Когда-то.

Бекки осторожно спросила:

— Кто её написал?

Музыкант бережно положил гитару рядом, потом ответил:

— Эд Ширан, — Мы переглянулись, но это имя никому из нас ничего не сказало. Музыкант, тихо добавил: — И это ещё не лучшая его песня.

Том потянулся и зевнул, нарушая тяжёлое очарование момента:

— Ну, на ночь сойдёт.

Бекки вздохнула:

— Она красивая... но такая грустная.

Музыкант ничего не ответил, лишь молча смотрел в темноту. Том чуть крепче прижал Бекки к себе:

— Спи, Бекки. Завтра разберёмся.

Она кивнула и закрыла глаза.

Я тоже откинулся назад, прислонившись спиной к холодной стене, чувствуя, как меня постепенно обволакивает усталость. Город продолжал тихо жить своей жизнью, мерцали далёкие огни, но здесь, рядом с друзьями, было спокойно и тепло. Где-то далеко, в ночной тиши, раздался гудок поезда, и я медленно уснул.

Глава 3

Я приоткрыла глаза. Было прохладно, но уже не так, как ночью. Воздух под мостом казался влажным и застоявшимся, с запахом сырого камня и реки. Я шевельнулась и сразу почувствовала на плечах знакомую грубоватую ткань.

Куртка Тома. Она всё ещё лежала на мне — тяжёлая, тёплая, пахнущая пылью, потом и чем-то особенным, присущим только ему.

Я вспомнила вчерашний вечер, и сердце забилося чаще. Тяжёлые взгляды тех парней, их наглые ухмылки и издевательские интонации — всё это сразу отступило на задний план, стоило только вспомнить, как Том спокойно и решительно шагнул вперёд, встав между мной и ними. Он казался таким взрослым, таким уверенным и сильным. Я почувствовала гордость, лёгкое смущение и странное, приятное волнение, от которого внутри потеплело. Он был не сказочным героем из книжки — он был настоящим, живым, близким. Мой Том. Мой рыцарь.

Я села, натянув куртку плотнее на плечи, и провела ладонями по замёрзшим коленям.

Том сидел рядом, кутаясь в рубашку, и задумчиво смотрел на реку. Под глазами у него темнели круги, лицо казалось уставшим и серьёзным.

— Ты вообще спал? — спросила я.

Он слегка вздрогнул, словно очнувшись, и попытался улыбнуться:

— Не помню, когда выспался лучше!

Было очевидно, что он врёт. Всю ночь Том охранял наше временное убежище.

Рядом раздался громкий, протяжный зевок. Гек поднял голову, потряс лохматой головой и сонно протёр глаза. Затем он оживился и заговорил бодро, словно торопился поскорее рассказать:

— Мне такой дикий сон приснился! Будто мы нашли ведьмин компас, повсюду ездят повозки без лошадей, а ночевать пришлось под...

Его голос замедлился и постепенно затих. Гек растерянно оглядел серые бетонные опоры и тяжёлый потолок моста над головой. Лицо его вытянулось от разочарования.

— ...мостом, — пробормотал он уныло. — Вот же чертовщина.

— Надеюсь, в следующей серии твоего сна мы хотя бы переночуем в более уютном месте, — с усмешкой сказал Музыкант. — Доброе утро!

Он стоял чуть в стороне, разминая затёкшие за ночь плечи и поворачивая голову из стороны в сторону, будто хотел стряхнуть остатки сна.

Мимо нас неторопливо прошли двое — долговязый старик в широкой шляпе и юркий, подвижный парнишка. Старик медленно шагал, что-то негромко ворча, а парнишка кружил вокруг, словно пытаясь заставить его идти быстрее.

Заметив Музыканта, он оживился и тут же энергично замахал рукой:

— Эй, Джей! Ты сегодня где играешь?

Музыкант перестал разминаться, коротко махнул в ответ и чуть улыбнулся:

— Пока не решил, но точно не здесь. Публика уж больно сонная.

Парнишка рассмеялся и побежал дальше. Я удивлённо посмотрела на Музыканта и невольно произнесла вслух:

— Джей?

Музыкант повернулся на имя:

— Что?

— Ну, это... — я замялась. — Это твоё имя?

Он чуть пожал плечами, будто ему самому было всё равно:

— Можно и так сказать.

Имя казалось удивительно подходящим. Мне вспомнилась сойка (*jay* — сойка с английского. Прим. автора), небольшая певчая птица, которую я часто слышала дома ранними утрами. Лёгкая, подвижная, всегда чуть настороженная, но стоило ей запеть — и сразу становилось теплее, будто мир становился чуточку лучше.

Мы быстро перекусили остатками вчерашних запасов — булочки уже слегка подсохли, но всё равно казались вкусными. Я только отряхнула ладони от крошек, когда откуда-то издалека донёлся глубокий и плавный звук колокола.

В груди что-то дрогнуло, отзываясь приятной тоской. Этот звук был знакомым и родным — таким же, как в нашей церкви, где каждое воскресенье он созывал людей на службу. Я слушала его и чувствовала, будто старый друг зовёт нас домой, где тепло, светло и привычно.

Том прислушался, помолчал и, чуть небрежно произнёс:

— Может, зайдём погреться?

Он сказал это просто, но я заметила в его взгляде, будто и он ощутил то же, что и я, но не готов был в этом признаться.

Гек посмотрел на нас.

— Ну, выглядим мы сейчас точно как грешники.

Внутри церкви сразу стало тепло. Здесь было не совсем так, как в нашей церкви, но и не чуждо. Те же высокие своды, знакомый мягкий свет, проникающий сквозь витражи, тот же приглушённый говор людей, усаживающихся на свои места. Только скамьи больше походили на диваны, а воздух наполняли непривычные ароматы — кофе, сладкой выпечки и благовоний. Я огляделась и с удивлением заметила у стены небольшой столик, заставленный бумажными стаканчиками и аккуратными коробками с печеньем.

Том, судя по тому, как расширились его глаза, тоже заметил эту «святыню». Гек остановился рядом с ним, и оба заворожённо смотрели на столик с угощением.

— Ты думаешь о том же, о чём и я? — вполголоса спросил Гек.

— Боюсь, что именно об этом, — ответил Том, не отводя глаз от печенья.

Я резко повернулась к ним и строго прошептала:

— Даже не думайте. Мы сюда не есть пришли.

Том вздохнул и скорчил преувеличенно невинное лицо:

— Но это же почти как причастие, правда? Только вкуснее...

Я закатила глаза и слегка подтолкнула его локтем в бок, заставляя двигаться дальше:

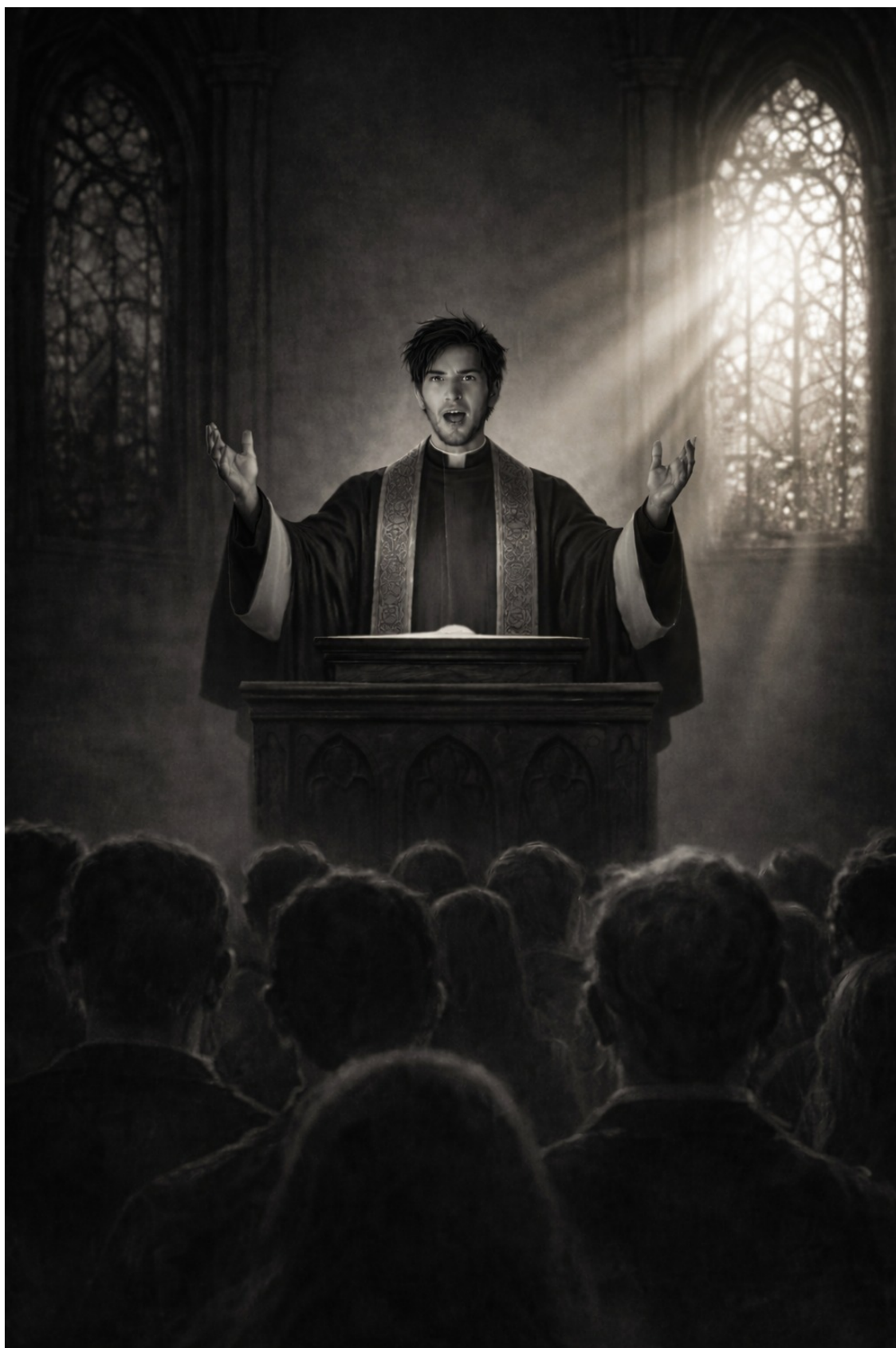
— Вот после службы и причастисься.

Мы заняли свободное место в одном из последних рядов.

На возвышении у алтаря уже стоял священник — молодой, подтянутый, с лёгкой щетиной и светящимися глазами. Он поднял руки, и в церкви воцарилась тишина. Она не была тяжёлой или неловкой. Это была внимательная, сосредоточенная тишина — такая, когда зрители замирают перед началом спектакля.

— Братья и сёстры! — Я вздрогнула. Голос священника был сильным, чётким и... проникающим.

Казалось, он говорил прямо мне в душу — близко, ясно, пронзительно. Голос был громче, чем мог быть у любого человека, он заполнял собой всё пространство, звучал в каждом уголке, в каждой скамье, вибрировал в деревянных спинках и проникал внутрь. Я невольно оглянулась по сторонам, будто пытаюсь понять, откуда он идёт. Звук окружал нас со всех сторон, исходил одновременно отовсюду и ниоткуда, словно невидимая сила несла его над головами и заставляла сердце биться чаще.

Рядом Том напряжённо выпрямился, а Гек слегка приоткрыл рот, удивлённо глядя на священника. Мы точно никогда раньше не слышали, чтобы Слово Божье звучало так отчётливо и властно.

— Сегодня мы поговорим о самом страшном зле нашего времени! О том, что разъедает нас изнутри, заполняет наши мысли, наш разум, наши дни и ночи...

Я замерла. Гек тоже. Том, кажется, перестал дышать.

Священник сделал драматичную паузу, медленно обвёл взглядом прихожан и громко объявил:

— О хейте!

Я моргнула. Гек тоже. Том нахмурил брови и чуть наклонился ко мне:

— О чём это он? — прошептал он.

— О хейте, сын мой! — священник, видимо, решил, что Том обратился прямо к нему, и вдохновенно продолжил: — О хейте, который отравляет человеческие сердца и жизни!

Гек задумчиво нахмурился:

— Я вроде знаю, что такое хейт. Это когда кто-то кого-то ненавидит, да?

— Но мы же никого не ненавидим? — озадаченно спросила я.

Том задумчиво вздохнул, пожав плечами:

— Ну, не знаю. Лично я всю жизнь искренне ненавидел умыться по утрам, но как-то смирился. Может, в смирении и есть спасение от греха?

Тем временем проповедник продолжал с ещё большим вдохновением:

— Воистину! Ненависть не должна захватывать наши души! Но как же это трудно в наш век! Век, когда хейт проникает в каждое слово, каждую строчку, каждый комментарий!

Я напряглась.

— В каждый... что?

— Мне кажется, он говорит про грамматику, — неуверенно предположил Гек. — Ну, знаешь, как в сочинениях?

Том прищурился:

— Ты хочешь сказать, что в этом времени плохое правописание стало грехом?

— Я ничего не хочу сказать, — вздохнул Гек. — Я вообще мало что понимаю.

Голос проповедника раздался снова, глубокий и раскатистый, словно гром перед ливнем:

— Что есть хейт?!

Том невольно втянул голову в плечи, Гек медленно повернулся ко мне, надеясь получить ответ, но я лишь снова моргнула.

— Хейт — это зависть! — воскликнул проповедник, подняв руки к своду.

Люди в зале согласно закивали.

— Зависть, что точит душу! Зависть, что делает нас слабыми! Зависть, что заставляет нас гневаться на ближнего своего, когда у него лучше машина, больше подписчиков, свежее отпускные фото!

Том удивлённо поднял брови:

— Подписчики? Это что, люди, которые за тебя чеки подписывают?

Гек задумался:

— Теперь понятно, почему все хотят их побольше.

— Ибо сказано в Писании: «Не завидуй дому ближнего своего!» — провозгласил священник, торжественно воздевая палец вверх. — Но восхитись его гаджетами!

Я застыла с приоткрытым ртом.

— Что такое гаджеты? — прошептал Гек.

Том задумчиво потёр лоб:

— Понятия не имею, но звучит греховно.

Джей хмыкнул:

— Скорее дорого.

Том кивнул:

— Значит, греховно и дорого.

Священник не останавливался.

— Зависть порождает ложь! Зависть заставляет нас создавать ложный образ! Зависть превращает нас в лжецов!

Проповедник указал в зал, будто каждому в лицо — без осуждения, но без пощады.

— Не лги! — голос его прозвучал проникновенно и строго.

Я облегчённо выдохнула.

— Вот это я понимаю.

— ...если только речь не о хорошей маске в Instagram!

Гек снова посмотрел на меня. Я почувствовала, как краснею.

— Ну... в целом... частично... Джей, о чем он вообще говорит?

— Как я понял, врать нельзя, но можно чуть приукрашивать, и это уже не считается грехом...

Том подозрительно прищурился:

— То есть, если у тебя не лошадь, а осёл, но ты всем рассказываешь, что это редкий боевой мустанг — это нормально?

— Думаю, тебе бы это сошло с рук, — негромко сказал Джей.

Священник тем временем продолжал, с ещё большим вдохновением:

— Ложь ведёт к гордыне, а гордыня — к заблуждению! Следуйте заповеди: «Не сотвори себе кумира...» — он прижал руку к груди, с преувеличенной серьёзностью. — ...если только у него не меньше миллиона подписчиков!

Я потрясла головой, пытаясь осознать услышанное. Том недоумённо прошептал:

— То есть теперь святость измеряется тем, сколько людей готовы за тебя чеки подписать?

Гек задумался и с сомнением предположил:

— Наверное, теперь богатый и святой — почти одно и то же.

Джея наше замешательство почему-то очень веселило. Он едва сдерживался, чтобы не захохотать в голос:

— Друзья, вы все неправильно поняли. Но вышло эпично... Хотя, знаете... может, вы и недалеко от правды.

Его улыбка постепенно исчезла, а взгляд стал серьёзным.

— О, я скажу вам, кто самый уязвимый перед хейтом, — голос священника вдруг стал почти задушевым. — Это те, кого люди должны любить сильнее всего на свете! Те, кто даровал нам жизнь, кто заботится о нас, кто ведёт нас по пути Господа!

Я невольно напряглась.

— Родители! — воскликнул он и печально сцепил пальцы на кафедре. — Кто, как не они, получает самую большую порцию злословия?

Священник театрально закатил глаза и начал пародировать чьи-то голоса:

— «Мама не понимает меня-а-а!» — он вскинул руки, словно в отчаянии, и с драматичным вздохом уронил их обратно. — «Папа требует слишком много!» — строго нахмурился, явно изображая сердитого отца. — «Они отстали от жизни!» — картинно отвернулся, скрестив руки на груди. — «Токсика!» — добавил он капризно, с явной издёвкой, и весь зал приглушенно засмеялся.

Священник снова посерьёзней и сокрушённо покачал головой:

— И вот уже сын отворачивается от отца, дочь спорит с матерью... Семьи разрушаются, ибо дети забыли важнейшую заповедь: почитай отца своего и мать свою... — он выдержал паузу и решительно добавил: — и не забудь добавить их в друзья в соцсетях!

Том резко поднял голову и ошарашенно уставился на нас:

— Что-что сделать?!

Гек нервно сглотнул:

— Это он сейчас предлагает мне подружиться с папашей?! До или после того, как он отодрал меня как сидорову козу?

Том перевёл на меня подозрительный взгляд:

— Ты уверена, что он не пьян?

Я беспомощно развела руками и шёпотом призналась:

— Я уже и в себе не уверена.

— Но есть и другие грехи, о которых нельзя забывать!

Том с облегчением выдохнул:

— Ну, хоть здесь я точно разбираюсь!

Священник поднял указательный палец и торжественно провозгласил:

— Не прелюбодействуй...

Том с энтузиазмом прошептал:

— Вот! Это значит — не тащить чужую девушку в кусты!

— ...если только вы не поставили друг другу лайк.

Повисла тяжёлая пауза.

Гек медленно опустил голову. Джей беззвучно засмеялся, прикрывая рот рукой.

Том остекленевшим взглядом уставился куда-то перед собой и глухо спросил:

— Что значит "лайк"?!

Я сердито ткнула его локтем и возмущённо прошипела:

— Томас Сойер!

Он встряхнулся, заморгал и быстро сложил руки на коленях, делая вид, что глубоко поглощён проповедью.

Священник тем временем помолчал, затем тяжело выдохнул и заговорил мягче, будто пытаясь убедить и себя самого:

— Братя и сёстры... Я знаю, мир изменился. Нам всем трудно это принять. Но если мы перестанем слышать друг друга, если позволим хейту разорвать нас, если отвернёмся от ближнего своего ради комментария, ради поста, ради лайка — что тогда?

Он сделал паузу и вопросительно оглядел зал.

Все молчали.

— Не позволяйте хейту владеть вашими сердцами!

Я ничего не поняла из проповеди, но священник мне нравился. Его голос, его убеждённость, даже эти непонятные слова — всё это вызывало странную симпатию.

Священник завершил проповедь громко и торжественно:

— Хватит ссор! Хватит зависти! Хватит злобы!

— Доброчас! — выкрикнул кто-то рядом.

Священник с широкой улыбкой развёл руками:

— Аминь! А теперь выпейте кофе и будьте добры к ближнему своему!

Гек воодушевленно посмотрел на Тома. Том уверенно кивнул и с лёгкой усмешкой подытожил:

— Ну теперь ясно. Святость в этой эпохе даётся гораздо легче.

Они с Гekom сразу же ринулись к столику с кофе и печеньем, будто за ними гнались, Джей, чуть поколебавшись, последовал за ними. Я же не торопилась. Остановилась возле колонны, вдыхая прохладный воздух старой церкви и наслаждаясь её удивительным спокойствием. Здесь, среди тяжёлых стен и разноцветных стёкол, внутри меня разливалось уютное чувство защищённости.

— Вы здесь впервые? — негромко произнёс чей-то голос совсем рядом.

Я повернулась и увидела высокого худощавого мужчину с аккуратной белой бородой и ясными глазами, смотревшими с открытым интересом и теплотой.

— Да, — ответила я с лёгкой улыбкой.

— Я сразу понял, — мужчина едва заметно кивнул, и его взгляд заскользил по моему лицу, словно оценивая что-то прекрасное и редкое. — Среди такого множества людей вы сразу выделяетесь. Простите за откровенность, но редко встретишь столь искренних, глубоких и чутких девушек.

Я почувствовала, как румянец разливается по щекам. Его комплименты звучали так естественно и ненавязчиво, что отмахнуться или засмущаться было невозможно.

— А знаете, почему мы встретились сегодня именно здесь и сейчас? — спросил он, понизив голос, словно приоткрывая завесу тайны..

Я улыбнулась, заинтригованная его словами:

— Нет. Почему?

Он сделал лёгкую паузу и чуть заметно наклонился ближе:

— Потому что сегодня утром я попросил Вселенную об интересной и необычной встрече. И вот, пожалуйста, вы стоите рядом со мной. Разве это не чудесно?

Я удивлённо взглянула на него, почувствовав любопытство и тихое восхищение одновременно. Его слова ненавязчиво, но уверенно каснулись чего-то внутри меня.

— Попросили Вселенную? — переспросила я.

Он улыбнулся, словно радуясь моей реакции:

— Конечно. Вселенная всегда нас слышит, стоит только правильно попросить. Вот вы — разве не случилось с вами, что вы чего-то хотели очень сильно, думали об этом, представляли себе... и оно вдруг сбывалось?

Я вспомнила, как однажды мне жуть как захотелось яблочного пирога, так сильно, что даже в животе заурчало. Я весь день только о нем и думала. А вечером, когда я пришла домой, он стоял на столе, ещё тёплый с румяной корочкой, точно такой, каким я его себе представляла.

— Да... наверное, случилось.

Мужчина понимающе кивнул, как будто я подтвердила нечто очевидное:

— Вот видите! Это не случайность. Вселенная слышит абсолютно всё, о чём мы её просим. Но нужно быть осторожной — ведь она очень буквально воспринимает каждое наше слово и намерение. И если просьба сформулирована неправильно...

Он умолк, глядя на меня с заметным беспокойством, словно опасался, что я уже совершила какую-то ошибку.

— Что тогда? — негромко спросила я, ощущая, как уютное спокойствие постепенно начинает покидать меня.

Он на мгновение замолчал, будто сомневаясь, стоит ли говорить, затем произнёс с подчёркнутой серьёзностью:

— Тогда вместо счастья можно навлечь беду. Но, я уверен, с вами такого не случится. Вы ведь всегда следите за своими желаниями, правда?

Я ощутила лёгкий холодок в груди и чуть крепче сжала пальцы.

— Потому что, если желание сформулировано неправильно, Вселенная исполнит его буквально, — голос его сделался ниже, доверительнее, словно он делился страшным секретом, известным только избранным. — Был у меня знакомый, прекрасный парень, который попросил быть всегда с любимой девушкой. Вселенная его услышала, конечно, но...

Он сделал драматическую паузу и посмотрел на меня так, что холод усилился и растёкся по всему телу, заставив меня невольно вздрогнуть.

— Но... что?

— На следующий же день они оба погибли в аварии. Их похоронили рядом, и он навсегда остался вместе с ней — в одной могиле. Понимаешь, Вселенная не знала, что он хотел жить счастливо рядом с любимой. Он просто не подумал об этом, когда загадывал. Вот так и получилось...

Его слова вонзались прямо в сердце ледяными иглами, парализуя меня окончательно и лишая возможности даже дышать.

Я уже хотела ответить, что никогда раньше даже не задумывалась об осторожности в своих желаниях, когда вдруг рядом раздался мягкий женский голос:

— Ох, простите, я случайно услышала ваш разговор, и просто не могла пройти мимо.

Я обернулась и увидела женщину с удивительно яркими, почти розовыми волосами и большими, глубокими глазами. Она выглядела странно, но по-своему красиво, словно только что сошла с обложки какого-то модного журнала.

— Знаете, милочка, — женщина ласково улыбнулась мне, будто мы были давно знакомы, — не нужно так сильно пугаться. Вселенная, конечно, слышит всё, но для девушек особенно важно то, как они ощущают себя изнутри. Главное — это не слова, а твоя женская энергия.

— Женская энергия? — растерянно повторила я.

— Да-да, милая! — её глаза вспыхнули от энтузиазма. — Сила женщины — в её матке! Там находится главный источник твоей жизненной силы. Знаешь, почему одни девушки притягивают к себе любовь, богатство и удачу, а другие нет?

Я едва заметно покачала головой, невольно вслушиваясь ещё внимательнее.

— Потому что одни правильно дышат маткой, а другие нет. Если ты не научишься этому дыханию, твоя матка закроется.

— А... а что будет, если она закроется? — голос мой невольно дрогнул.

Женщина доверительно коснулась моей руки, наклоняясь ближе:

— Закрытая матка — это отсутствие любви и счастья. Мужчины просто не смогут тебя почувствовать, не смогут по-настоящему полюбить. Ты будешь одна. И даже запросы к Вселенной уже ничем не помогут. Поэтому сейчас, пока ты ещё молода, самое время научиться этому искусству, иначе... — её взгляд стал почти сочувствующим, — будет уже поздно.

— Нет, — перебила я её, пытаюсь улыбнуться и скрыть нарастающую панику, — у нас всё хорошо. Мы с моим молодым человеком любим друг друга, и я... я не думаю, что у нас есть такие проблемы.

Она слегка покачала головой, улыбаясь чуть грустно и понимающе, словно говорила с ребёнком, отказывающимся верить во что-то очевидное:

— Конечно, милая, конечно. Вы любите друг друга, никто не спорит. Пока что. Но ведь ты уже замечала, правда? Он иногда становится чуть холоднее, менее внимательным, словно отвлекается на что-то, незаметно отдаляется от тебя. Ты это чувствовала, я вижу по твоим глазам.

Она приблизилась ещё ближе, её голос стал почти интимным, окутывающим, не оставляющим места для возражений:

— А представь, появится кто-то более опытный, взрослая женщина, которая дышит правильно и вся сияет энергией, перед которой он просто не сможет устоять. Ведь это не значит, что он тебя разлюбит, вовсе нет. Просто её женская энергия будет сильнее твоей. А он, бедный мальчик, просто не сможет ничего с собой поделать... Понимаешь теперь, почему нельзя откладывать?

Я ощутила, что больше не могу слушать этот голос, который, лишал меня воли и заставлял сомневаться в том, что недавно казалось таким простым и ясным. Я сделала шаг назад, пытаюсь высвободить руку из её цепких пальцев, и почти сразу натолкнулась спиной на кого-то, кто стоял совсем близко.

— Простите, пожалуйста... — пробормотала я растерянно, резко повернувшись.

Передо мной стояла женщина в строгом тёмном платье, с аккуратно собранными волосами, чуть тронутыми сединой, и внимательными глазами, которые, казалось, давно уже следили за мной. Она смотрела серьёзно, почти строго, но с лёгким оттенком жалости.

— Не извиняйся, девочка. Это не твоя вина, что тебе трудно справиться с тем, что живёт внутри тебя, — произнесла она с авторитетной убеждённой уверенностью.

— Что вы имеете в виду? — я почувствовала, как в груди сжимается комок.

Она чуть прищурилась, словно читая что-то невидимое на моём лице:

— Настоящая беда — не в твоём дыхании или в твоих желаниях. Всё гораздо глубже, это идёт из твоей семьи, твоего рода. Ты ведь и сама чувствуешь, правда?

Я хотела возразить, но слова застряли в горле, и вместо уверенности прозвучало растерянное:

— Нет, у меня хорошая семья, мама очень добрая и...

— Конечно, добрая, — перебила она спокойно, но настойчиво. — Именно поэтому она никогда не расскажет тебе всего. У вас в роду были несчастья и беды, которые скрывали даже друг от друга. Но их невозможно скрыть от судьбы. Я вижу, как это уже проступает на твоём лице — ты повторяешь их путь, даже не замечая этого.

Её слова звучали с неприкрытым сожалением, и от этого внутри меня словно рвалась тонкая нить, удерживающая от безумия.

Голоса троих незнакомцев смешались в голове, повторяя одни и те же слова, всё громче, настойчивее и страшнее. Я закрыла глаза, пытаясь отогнать от себя эти навязчивые видения, но они стали ещё ярче, окружив меня со всех сторон.

— Ты уже пожелала что-то неправильное, девочка, я это чувствую! — нашептывал мужчина с бородой. — Вселенная не прощает ошибок!

— Мужчина твой уже отдаляется, ты сама замечала, правда? — с притворной заботой подхватывала женщина с розовыми волосами. — Скоро появится другая, более сильная женщина, и ты останешься совсем одна!

— Ты повторишь судьбу своей матери, своей бабушки, всех несчастных женщин твоего рода! — голос третьей женщины звучал резко и безжалостно. — Уже сейчас в тебе живёт это проклятье, тебе не уйти от него!

Их голоса вращались вокруг, сливаясь в один страшный, нарастающий вихрь. Казалось, душа моя разрывалась на части, теряя связь с реальностью. Я не могла ни двинуться, ни вдохнуть, лишь беспомощно слушала, как незнакомцы кружили вокруг, повторяя всё снова и снова, бесконечно и неумолимо.

— Твои желания губительны!

— Ты навсегда останешься одна!

— Проклятье уже внутри тебя!

В этот момент я окончательно потеряла способность бороться. Казалось, ещё мгновение — и я навсегда исчезну в этой темноте, лишённая надежды и спасения...

Вдруг что-то холодное и шипящее ударило мне прямо в лицо, заставив резко вздрогнуть и открыть глаза. Передо мной стоял высокий мужчина, пытаюсь совладать с бутылкой газиро-

ванной воды, из которой под его руками во все стороны продолжала разлетаться шипящая струя и мелкие брызги.

— Ой, простите, пожалуйста! — пробормотал он и широко улыбнулся, явно смущённый своей неловкостью. — Я совершенно случайно...

Я глубоко вдохнула, словно резко вынырнув на поверхность после удушливой темноты, и ощутила, как пелена кошмара быстро рассеивается, возвращая меня в реальность. Всё ещё не вполне понимая, что произошло, я сумела улыбнуться ему в ответ:

— Нет, нет, не извиняйтесь! Спасибо вам, вы... вы будто спасли меня.

Он внимательно посмотрел на меня и неожиданно спросил, кивая куда-то за моё плечо:

— Слушай, а что это за странные черти вокруг тебя вьются?

— Черти?.. — я невольно оглянулась, почувствовав, как только что отпущенное беспокойство снова цепляется за меня. — А разве они могут войти в церковь?

— Ох, здесь им легче всего. Их жертвы совсем беззащитны, потому что не ждут нападения.

— Что же они хотели от меня? Забрать мою душу? — спросила я серьёзно и почти с ужасом.

Мужчина негромко рассмеялся:

— Твоя душа им без надобности. Они охотятся за твоим кошельком, а гадают в душу исключительно для того, чтобы упростить себе охоту. — Он внимательно посмотрел на меня, явно замечая, что я ещё не совсем понимаю его слова, и терпеливо пояснил: — Видишь ли, чтобы человек стал послушным и лёгкой добычей, они сначала должны сделать его слабым и уязвимым. Для этого они и вселяют в тебя страх, тревогу, чувство вины, заставляют сомневаться в самых простых вещах и убеждениях. И когда ты перестаёшь верить себе и начинаешь бояться, ты готова согласиться на любой абсурд, лишь бы избавиться от этого страха.

Я поёжилась, осознавая, как близка была к тому, чтобы поверить во всю эту страшную чепуху, которую мне только что внушали.

— Значит, вы окропили их святой водой?

Он снова рассмеялся, глядя на меня с искренним удивлением:

— А разве бывает другая вода? Вся вода святая, потому что её нам даёт Земля. Она и есть наше настоящее божество. Нам не нужны ни сложные ритуалы, ни чужие обещания счастья. Всё уже есть — воздух, чтобы дышать, вода, чтобы утолять жажду, вкусная еда, возможность любить, смеяться, обнимать близких, чувствовать тепло солнца и прохладу дождя, мечтать и просто жить. Разве это не настоящее чудо?

Я оглянулась на алтарь, на крест, потом снова посмотрела на незнакомца, чувствуя лёгкое замешательство, и осторожно уточнила:

— То есть вы хотите сказать, что Земля и есть наш Господь, который нас создал?

Он улыбнулся тепло и чуть примирительно, как будто прекрасно понимал мои сомнения.

— Это просто мои мысли, я вовсе не претендую на абсолютную истину, — незнакомец улыбнулся и пожал плечами. — Но почему бы и нет? Если Земля действительно живая, если она разумна и заботится о нас — а для меня это очевидно — разве нельзя сказать, что именно она и есть тот Бог, которого мы все пытаемся найти?

Я слегка нахмурилась, пытаясь осмыслить его слова.

— Ты только подумай, — продолжил он. — Ветер, песок и даже растения способны постепенно разрушать целые горы, а вулканы за несколько дней создают новые острова посреди океана. Но всё это либо слишком грубо, либо слишком долго. И вот появляется человек. Всего за какие-то тридцать лет он может превратить бесплодную пустыню в город, взмывающий в небо на целый километр.

Мне сложно было представить, как такое возможно, но я все равно кивнула.

— Люди уверены, что построили этот город только для себя. Прямо как бобёр, который валит бревна и строит плотину через реку. Его плотина меняет всё вокруг: появляются тихие заводи, куда приходят рыбы и птицы, вода становится чище, расцветают растения, животные находят новый дом и пищу. Всё связано. Как и бобру, нам кажется, что мы делаем всё только для собственного удобства и комфорта. Но вдруг выяснится, что Земля использует нас совсем для другой, намного более важной цели?

— Какой же цели? — заинтересованно спросила я, уже полностью вовлечённая в его рассуждение.

— Вот смотри, наши машины. Им нужно топливо.

— Как уголь? — уточнила я, сразу подумав о пароходах и густом дыме над Миссисипи.

— Уголь, газ, нефть, — кивнул он. — Всё это миллионы лет пролежало под кожей Земли, словно гной, скрытый под зажившей раной. И сейчас человек вытаскивает это наружу, сжигает и возвращает обратно в воздух, в виде углекислого газа, необходимого растениям. Планета становится зеленее и красивее. Может, в этом и есть наше предназначение??

Я задумалась, чувствуя, что его слова звучат непривычно, но в них была удивительная ясность.

— А если это правда... тогда как же ей молиться?

— Мне нравится думать, что Земля смотрит на мир нашими глазами и чувствует его нашими сердцами. Поэтому, ответ на твой вопрос очень прост: относись к Земле с уважением, замечай красоту каждого рассвета и заката, приумножай эту красоту, и не забывай уносить с пляжа свои пустые бутылки. Вот и вся молитва.

Незнакомец снова коротко извинился за то, что облил меня водой, и отошёл в сторону, оставив меня постепенно приходить в себя. В этот момент рядом появился Том с бумажным стаканчиком кофе и тарелкой с печеньем.

— Кофе, конечно, жидковат, зато печенье очень даже неплохое, — сообщил Том, протягивая мне стаканчик, и только через мгновение внимательно взглянул на меня. — Эй, ты в порядке? Выглядишь, словно камень проглотила.

Я благодарно кивнула и взяла чашку, чувствуя, как тепло напитка помогает окончательно вернуться в реальность.

— Давайте уйдём отсюда, — негромко попросила я, взглянув на друзей.

Мы направились к выходу, но тут Гек внезапно остановился, издав удивлённый свист:

— Гляньте-ка, что за штуковина?

У стены стоял высокий стеклянный прямоугольник, слегка светившийся изнутри. На гладкой поверхности сами собой перелистывались страницы книги, будто кто-то невидимый неторопливо их просматривал.

Том зачарованно уставился на странное устройство.

— Что это, волшебная книга? — осторожно спросил он.

Джей без особого почтения ткнул пальцем в стекло:

— Просто инфоэкран. Как зеркало, только показывает не тебя, а картинки. Смотрите!

Он ловко провёл пальцем по стеклу, и страницы ожили. Моисей развёл воды, ковчег заплясал на волнах, Иона провалился прямо в пасть огромной рыбы.

Том сглотнул и настороженно покосился на Джея:

— Это что, всё происходит прямо сейчас?

— Да нет же! Просто красивая анимация, — Джей как будто говорил с малышом. — Ну, типа как в театре, только на стекле.

Я заинтересованно наклонилась и почти решила сама перевернуть страницу, когда на экране вдруг вспыхнула надпись:

«Доступно обновление приложения Библия. Хотите обновить?»

Это случилось так неожиданно, что я одним прыжком оказалась у Тома за спиной:

— Том, это же знамение! Как у Валтасара! *(Согласно Писанию, на стене у Валтасара появились огненные слова, предвещавшие ему конец. Прим. автора)*

Гек осторожно приблизился, разглядывая светящиеся буквы:

— А у Валтасара была возможность выбрать «Отложить на потом»?

Я нервно взглянула на надпись. Действительно, там было написано «Обновить сейчас» и «Отложить на потом».

— Кто решает, когда наступит это «потом»? — прошептала я.

Джей небрежно пожал плечами:

— Наверное, тот, кто обслуживает эту штуку...

Я медленно перевела взгляд на него, чувствуя, как прежнее беспокойство снова нарастает:

— Ты хочешь сказать, что кто-то сидит и решает, что в Библии уже что-то устарело и ее пора обновить?

Наступила тишина. Мы напряжённо переглянулись. Но Джей только фыркнул и расхохотался:

— Ну хватит уже! Я начинаю верить, что вы действительно из прошлого. Не могут сразу три человека быть такими дремучими в технологиях, — Джей по очереди посмотрел нам в глаза. — И расслабьтесь вы уже. Никто не может переписать мироздание одним нажатием кнопки.

Глава 4

Солнце сразу ударило в глаза, ослепительно яркое и горячее, как и положено в конце июня. Я остановилась на мгновение, чувствуя, как горячие лучи постепенно прогоняют остатки всего этого нелепого безумия — про хейт, лайки и закрытые матки. Том выглядел вполне довольным: в его глазах снова горела та самая искорка, которая предвещала очередную авантюру.

— Ну что, теперь разживёмся деньгами? — спросил он, хлопнув Гека по плечу.

— Было бы неплохо, — проворчал тот. — Булки-то кончились. А печенья я всего две горсти сгреб в карман, даже до вечера не хватит.

Том задумчиво покрутил в руках старый серебряный четвертак.

— Надо бы к старьёвщику. В таких местах всегда знают цену хорошей вещи.

— Если ты говоришь про антикварные лавки, то по воскресеньям они все закрыты, — ответил Джей.

Том вздохнул и ещё раз внимательно посмотрел на монету. Было видно, как он мысленно перебирает варианты. Наконец его лицо просветлело:

— Тогда идём к ростовщику, — усмехнулся Том. — Всё что угодно могло поменяться за 280 лет, но ростовщики — народ постоянный.

— Ещё бы, — хмыкнул Гек. — Мой старик относил им всё, что не было прибито к полу. Такие люди работают без выходных и праздников.

— К ростовщику? — переспросила я, не до конца понимая, что это за заведение, но подозревая, что там не продают леденцы и ленточки.

— Это вроде банка, только без лишних вопросов, — пояснил Гек. — Приносишь ему вещи, он даёт тебе деньги под проценты. Потом, если повезёт, можно выкупить обратно. Хотя моему старику почти никогда не везло.

Лавка ростовщика оказалась небольшим тесным помещением с металлической решёткой и прилавком, уставленным странными вещами — часами, старым инструментом, подсвечниками и даже парой чучел каких-то неведомых птиц. За решёткой сидел человек, похожий на пирата, только без сабли и попугая — зато с золотой серьгой в ухе и недельной щетиной.

Он лениво взглянул на нас, но сразу оживился, когда Том выложил монету на прилавок — словно хищник, почуявший добычу.

— Сколько дашь? — небрежно бросил Том, покачиваясь на каблуках так, будто ему было абсолютно безразлично, что ответит ростовщик.

Пират взял монету, внимательно поднёс её ближе к свету, повертел, потом провёл пальцами по краю, словно проверяя, настоящая ли.

— А, четвертной, — пробормотал он с пренебрежением и равнодушно бросил: — Пятьдесят баксов.

Том вздёрнул бровь так, будто ростовщик предложил ему пуговицы вместо денег.

— Пятьдесят? Ты либо слепой, либо шутишь. Это же серебряный четвертак 1845 года!

Он уже потянулся за монетой, словно собираясь уйти, но Пират поспешно его остановил:

— Ладно-ладно, не горячись. Семьдесят.

Том тяжело вздохнул и покачал головой с таким выражением, будто имел дело с неразумным ребёнком.

— Да хоть сто. Всё равно смешно. Один серьёзный джентльмен из Сент-Луиса... — Том замаялся, словно вспоминая имя или решая, стоит ли его раскрывать, — дал бы за неё не меньше пяти сотен. Но мне деньги нужны сейчас, так что готов пойти навстречу. Но не за такую малость.

Пират снова покрутил монету между пальцами и раздражённо постучал ею по прилавку:

— Двести пятьдесят. И не пытайся тут водить меня за нос!

Том вскинул брови и ухмыльнулся:

— Вот теперь уже почти серьёзно говорим. Хотя до справедливой цены всё ещё далеко-далеко.

— Двести семьдесят, и либо берёшь, либо ищешь дурака в другом месте, — буркнул ростовщик, нервно почёсывая щеку.

— Сдается мне, одурачить хотят меня, — бросил Том, дерзко улыбнувшись. — Триста восемьдесят, и расходимся довольными.

Пират громко хрустнул костяшками пальцев, снова посмотрел на монету, потом на нас, и снова на монету, словно надеялся, что она вдруг потеряет в цене просто от его взгляда. В конце концов он тяжело вздохнул и почти прорычал:

— Ладно, триста пятьдесят, и чтобы ноги твоей на моей палубе больше не было!

— По рукам! — с широкой улыбкой заключил Том, забирая деньги и пряча их в карман. — Приятно иметь дело с честным человеком.

Ростовщик только раздражённо махнул рукой, а мы вышли на улицу.

Снова оказавшись под ярким дневным светом, Джей спросил:

— погоди, вчера ты готов был расплатиться этим четвертаком в магазине. Откуда ты вдруг узнал его настоящую цену?

Том ухмыльнулся и расправил плечи:

— А я и не знал, — усмехнулся Том. — Но если хочешь что-то дорого продать, главное — убедить покупателя, что он имеет дело с профессионалом. Я видел, как старые торговцы сбивают цену на пушнину: сначала хмыкают, потом вздыхают, потом морщатся, и охотник уже сам начинает оправдываться, будто продаёт никчёмную вещь. Я просто провернул похожий трюк. Сработало же!

— Теперь можно пожать нормально, — с облегчением заявил Гек.

— В таверну! — с энтузиазмом поддержал его Том.

— В таверну? — Джей скептически посмотрел на Тома. — И ты правда думаешь, что этих денег хватит на ужин при свечах?

Том нахмурился:

— А ты предлагаешь что-то получше?

— Фудкорт. Там даже с нашим бюджетом можно нормально поесть.

— Фуд... что? — озадаченно переспросила я.

Джей вздохнул и махнул рукой в сторону улицы:

— Проще показать, чем объяснять. Пошли, сами увидите.

Я слегка поджала губы. С одной стороны, было любопытно взглянуть на этот загадочный «фудкорт». С другой — я бы предпочла нормальный обед за настоящим столом, а не очередное странное изобретение этого сумасшедшего мира.

Запахи начали манить нас уже за пару кварталов, а когда мы подошли ближе, меня буквально сбило с ног буйство ароматов. Дым, специи, что-то терпкое, что-то невыносимо притягательное — всё смешалось, кружило голову и щекотало ноздри. Я остановилась, удивлённо глядя на то, что творилось перед нами. Прямо посреди улицы были расставлены палатки, прилавки и даже какие-то фургоны, возле которых стояли очереди из проголодавшихся людей. Между ними были расставлены простые столы и скамейки, за которыми посетители ели, разговаривали и смеялись.

Прилавки ломились от еды. Вместо привычных буханок хлеба и тушек индейки здесь были огромные вертела с дымящимся мясом, которое ловко срезали прямо на круглые мягкие лепёшки, горы жареного картофеля, тарелки с ломтями белого теста, покрытыми янтарным расплавленным сыром. Чуть дальше стояли небольшие бумажные коробочки с рисом и лапшой, смешанные с яркими овощами и кусочками всего, что можно и нельзя зажарить. Люди брали еду руками и ели прямо на ходу, даже не задумываясь о ножах и вилках.

— Это какое-то пиршество, — выдохнула я. — Здесь можно попробовать всё на свете.

— Это точно, — Джей проглотил слюну, оглядывая прилавки. — Добро пожаловать на фудкорт, рай для голодных. Вот пицца — крестьянское блюдо, ставшее легендой. Её едят и с ветчиной, и с рыбой, и даже с ананасами, хотя за такое в Италии могут и проклясть.

— А это что? — Гек указал на пышные булочки, между которыми виднелись сочные котлеты под расплавленным сыром.

— Бургеры. Раньше это была простая рабочая еда — быстро, сытно, дешево. Теперь их подают даже в самых дорогих ресторанах. Если пицца — королева уличной еды, то бургер — король, и, в отличие от настоящих монархов, его любят все.

— А если мне чего-нибудь остренького? — спросил Том, пристально изучая следующий прилавок.

— Такос, — кивнул Джей в сторону небольших лепёшек, щедро наполненных мясом и овощами. — Мексиканский характер в чистом виде. Начинка может быть любой, но главное здесь — много перца. Если готов почувствовать, как во рту разгорается пожар — бери.

— А если, к такому огню я пока не готов? — усмехнулся Том.

— Тогда шаурма. Похожа на такос, но мягче. Восточные специи, жареное мясо, овощи. Никто точно не знает, откуда она появилась, но теперь она везде.

Гек внезапно вскинул руку, указав на бумажное ведро с кусками курицы в золотистой хрустящей корочке.

— Мне вот это! Целое ведро!

— Жареная курица. Её любят во всём мире, но на Юге США это практически религия, — со знанием дела прокомментировал Джей. — Хрустящая корочка, сочное мясо с лёгкой остринкой — откусил кусок и забыл обо всём на свете.

— Тогда два ведра! — решительно заявил Гек, уже предвкушая удовольствие. — Одно-то точно не хватит!

— Притормози-ка, Гек, — усмехнулся Том, — Лопнешь от жадности.

Я никак не могла решить, чего же мне хочется больше всего. Глаза разбегались от разнообразия, и казалось, что попробовать нужно абсолютно всё. Я переводила взгляд с одной витрины на другую, пока Джей терпеливо объяснял, что за чудеса скрываются за каждым названием. Том уже начал подтрунивать над моими муками.

— Ты собираешься выбирать до ночи? — спросил он с притворным отчаянием. — Может я пока посплю тут где-нибудь?

— Всегда есть шанс, что идеальный вариант прячется где-то дальше, — сказала я невозмутимо. — Девушки — это такие существа, которым мало «хорошо». Нам жизни нет, пока не убедимся, что не бывает лучше.

Уже почти поддавшись искушению взять бургер и щедрую порцию румяной картошки, я заметила девушек за соседним столом. Они с обречённым видом ковырялись в своих тарелках, наполненных грудями зелёных листьев, кусками бледных помидоров и чем-то белым, похожим на сыр.

— Что это они едят? — пробормотала я, поражённая тем, как можно добровольно отказаться от аппетитного жареного мяса или горячего хлеба.

— Это салат, — усмехнулся Джей. — Многие девушки его выбирают. Говорят, полезно. Я с недоумением посмотрела на него.

— Разве еда обязана быть полезной? Она должна быть вкусной и сытной! А это... это просто трава.

Джей легко улыбнулся и пояснил:

— Мы в эпохе фастфуда. Здесь всё быстро, жирно и безумно вкусно. Но если есть это каждый день, рано или поздно перестанешь видеть свои ноги.

Я посмотрела по сторонам внимательнее, и то, что раньше ускользало от меня, теперь бросилось в глаза. Многие люди вокруг были пугающе крупными. Кто-то с трудом умещался за столом, кто-то буквально растекся по скамейке. Их руки сжимали коробки с едой, огромные стаканы с напитками, целые горы картошки, пиццы и бургеров. Они не просто ели — они поглощали пищу, будто еда была их последним утешением в жизни.

Меня охватило неприятное чувство, словно я внезапно увидела что-то постыдное. Это казалось неправильным. В моём родном городе тоже встречались полные люди, но никто не ел так жадно и отчаянно.

— В Библии чревоугодие называют смертным грехом, — тихо произнесла я. — Если кто-то захочет нарисовать иллюстрацию к нему, пусть просто зайдёт сюда и срисует с натуры.

Джей фыркнул, но спорить не стал.

— Люди всегда мечтали о доступной еде для всех. Мечта сбылась... и слегка вышла из-под контроля, — заметил он через паузу. — В итоге едят не потому, что голодны, а чтобы заполнить пустоту внутри. Только пустота эта почему-то растёт вместе с ними.

Всё это буйство вкусов, запахов и красок теперь предстало передо мной совсем иначе — как ловушка, в которую легко угодить, забыв о чувстве меры. Аппетит начал угасать. После увиденного хотелось взять что-то, от чего я не буду чувствовать себя набитым пирогом на рождественском столе. Немного подумав, я решила пойти на компромисс с собой и выбрала салат, но не простой, а с тёплым сыром. На всякий случай я уточнила:

— Джей, это здоровая еда, да? — спросила я, изучая свою тарелку с подозрением.

— Если сравнивать с ведром крыльев Гека — то да, — усмехнулся он. — Сыр — это белок, зелень — клетчатка. Даже соус не самый страшный.

Я с облегчением вздохнула и направилась к кассе, но на пути к ней мой взгляд зацепился за витрину кафе с десертами. Передо мной расстиралось совершенство. Воздушные пирожные, покрытые розовыми лепестками, слоёные торты, мягкие, как облака, кремовые завитки с блестящей карамельной корочкой, шоколадные квадраты, скрывающие внутри тягучую сердцевину, сверкающие ягоды на слое нежного крема.

Я сглотнула.

— Ты ведь хотела питаться здорово, — напомнил мне мой внутренний голос.

— Да... но с завтрашнего дня, — твёрдо решила я.

Через минуту я уже стояла с десертом, где мягкое печенье пропиталось ароматным кофе, а сверху лежал воздушный крем, посыпанный тёмным шоколадом. Название этого удовольствия оказалось не менее изысканным — тирамису. В другой руке я держала большой стакан кофе.

— Да уж, стойкость у тебя железная, — хмыкнул Джей, разглядывая мой «здоровый» выбор.

— Ну, я никогда не бросаюсь в крайности, — улыбнулась я. — Мне всегда ближе золотая середина.

Мы сидели за столиком, заваленным подносами, коробочками и стаканами. Шум и суета фудкорта отступили, оставив нас на уютном острове с тихим шелестом упаковок и неспешными разговорами. Гек уже всюду расправлялся со своими крылышками, ловко отделяя мясо от костей. Джей без лишних церемоний потянулся к ведру и тоже выудил себе кусок курицы. Том с удовольствием ел такос, ловко подхватывая пальцами кусочки начинки, норовящие выпасть на тарелку. Я методично ковырялась в салате, но стоило мне поднять голову, как глаза тут же метнулись к тарелке Тома.

— Ну и как? — спросил он, глядя на мой салат с набитым ртом.

— Вкусно, но... не хватает чего-то. Тепла? Души? — задумчиво протянула я.

Том хитро прищурился:

— А может, мяса?

Я невинно улыбнулась и, якобы случайно, потянулась вилкой к его тарелке.

— О нет-нет, лапки прочь! — засмеялся Том, прикрываясь рукой, хотя и не слишком решительно.

Но было уже поздно — кусочек начинки оказался на моей вилке.

— Это святое, — невинно заметила я. — Если еда не предназначена для того, чтобы ею делиться, зачем тогда делают такие большие тарелки?

— Ага, теперь воровство еды называется щедростью, — проворчал Том, хотя глаза его весело блестели.

Гек поднял голову, с интересом наблюдая за нами, потом увидел, как Джей деловито дожёвывает крылышко, и фыркнул:

— Думаю, эта привычка появилась ещё до цивилизации. Я где-то читал, что в стаях обезьян самки постоянно таскают еду у самцов.

Я театрально возмутилась:

— О, прекрасно! Значит, теперь я какая-то мартышка?

— Не мартышка, а... умная и проворная... — Том попытался сгладить ситуацию.

— Да-да, но всё равно мартышка, — невозмутимо подтвердил Джей, глядя на меня с едва заметной ухмылкой.

Гек замахал руками, пытаясь оправдаться:

— Нет, подождите, я совсем не это имел в виду!

Я торжественно кивнула и улыбнулась:

— Поздно. Ты нас официально оскорбил. Том, раз уж ты за него заступился, то и расплачиваться будешь ты — делись своим такос.

Я неторопливо ела десерт, и этот момент хотелось растянуть.

— Джей, а ты откуда так хорошо разбираешься в еде? — спросил Гек, отрываясь от своего ведра.

Джей на мгновение замолчал, сделал глоток из стакана и задумался, словно не знал, с чего начать.

— Я... много готовил, — начал он неуверенно, но всё же продолжил. — Для брата. И для отца. Когда мамы не было дома.

Наступила короткая пауза, но Джей быстро взял себя в руки и уже другим тоном добавил:

— Тогда я смотрел... эм... видео одного французского шефа.

— Видео? — переспросила я, нахмурившись.

— Помнишь экран в церкви? — Джей повернулся ко мне. — Там тоже были движущиеся изображения. Только видео можно смотреть в любое время и на любую тему. И со звуком, как будто человек говорит прямо с тобой.

Я кивнула, пытаюсь представить себе такую штуку.

— Так вот, был один французский шеф, — продолжил Джей, чуть оживившись и улыбувшись при воспоминании. — Он говорил со странным акцентом, забавно коверкал слова и постоянно называл себя «настоящим гасконцем». Этот шеф не просто готовил по рецептам, а подробно объяснял, как правильно жарить, выбирать ингредиенты, добавлять специи и солить, как заморозить заготовку, чтобы не потерять во вкусе. Я повторял за ним, и... получалось вкусно.

— Отцу и брату нравилось? — уточнил Том.

— Да, — кивнул Джей. — Брат всегда говорил, что я готовлю так, что хоть сейчас можно своё кафе открывать, — он сказал это шуточно, но в его голосе прозвучала искренняя теплота.

— Ну, — протянул Гек, прикончив своё ведро, — мне бы очень хотелось однажды попробовать твою стряпню.

— Однажды, — задумчиво повторил Джей, словно наслаждаясь обещанием, звучащим в этом слове.

На мгновение за нашим столиком повисла мечтательная тишина, которую неожиданно нарушила компания из четырёх человек, устроившаяся за соседним столом. Один из них взял в руки небольшую плоскую дощечку, похожую на магический компас, и начал аккуратно поворачивать тарелку, вымеряя её положение, словно художник, выстраивающий идеальную композицию. Наконец он удовлетворённо замер и прикоснулся к стеклу.

Остальные тут же последовали его примеру. Девушка с салатом тщательно разложила приборы вокруг своей тарелки, провела пальцем по краю и чуть склонила голову с благоговейным выражением, будто перед ней была не просто еда, а важное подношение. Убедившись, что всё идеально, она также коснулась своего волшебного устройства.

Том замедлил жевание и наклонился ко мне:

— Они благословляют еду, — произнёс он озадаченно.

Я ошарашенно посмотрела на соседний столик. Действительно, это напоминало какую-то серьёзную церемонию.

— Мы... пропустили благословение? — тихо прошептала я, чувствуя смутение.

Том выглядел растерянным. Он редко молился перед едой, но если уж делал это, то искренне. Здесь же, в этом странном новом мире, даже люди, не выглядевшие верующими, явно относились к этому действу гораздо серьёзнее.

— Джей, — наконец сказал Том, пристально глядя на него. — После утренней службы я решил, что здесь люди не особенно заботятся о молитвах. А получается, они чтут традиции даже больше, чем мы? Они совершают этот ритуал перед каждым приёмом пищи...

Он ещё раз посмотрел на соседний стол, потом на Джея.

— Правильно я понимаю?

— Почти, — хмыкнул Джей. — Только это не молитва. Они фотографируют еду.

— Чего?! — Том уставился на него, будто тот только что сообщил, что хлеб теперь делают из золота.

— Они совершают свой ритуал, но не духовный, а цифровой, — с лёгкой иронией пояснил Джей. — Это не благословение, а подношение богам популярности.

— Фотография — это искусство, — с возмущением выдавил Том. — Это окно в историю! Память! Я видел, как богатые люди платили бешеные деньги за один-единственный портрет. Это труд мастера, честь позировать перед объективом. А теперь... теперь какой-то идиот расходует это чудо на... бутерброд?!

— Представь себе, — усмехнулся Джей.

Том задумчиво разглядывал соседний столик.

— Я знаю, как выглядит фотоаппарат, — уверенно заявил он. — Это большой ящик с линзой, вспышкой, тяжёлый, стоит на подставке. Снимок делается долго. Но где же тогда у этих людей камеры?

Я тоже огляделась, пытаюсь заметить хоть что-то похожее на громоздкую машину. Но у соседей ничего подобного не было. Только плоские дощечки, в которые они внимательно смотрели, словно ожидая ответа.

— Вот, — Джей с важным видом вытащил из кармана такую же дощечку и поднял её перед нами.

— Ты нас совсем за простаков не держи. Мы знаем, что это за штука. — Том посмотрел на Гека, тот со знанием дела кивнул. — Это ведьмин компас. Тут все ходят, постоянно уткнувшись в них. Оно и понятно. Как иначе ориентироваться в этом гигантском городе?

Джей от души рассмеялся.

— Это не магический компас, это просто телефон. — Джей на мгновение задумался и добавил: — Хотя карта там тоже есть.

— Телефон... — медленно повторил Гек, словно пробуя незнакомое слово на вкус, и посмотрел на меня. — Бекки, ты же учила все эти премудрости. Что это значит?

Я задумалась. «Теле» по-гречески означало «далеко», а «фонос»...

— Звук, — вспомнила я. — Телефон означает «слышать на расстоянии».

— Значит, это устройство для передачи голоса? — уточнил Гек. — Как телеграф, только вместо букв звук?

— Да. Можно разговаривать, даже если собеседник в другом городе.

Гек озадаченно почесал затылок.

— Тогда почему оно фотографирует? Оно что, ещё и художник?

— В нём встроена камера, — пояснил Джей спокойно. — Теперь не нужно быть художником, чтобы сделать портрет.

Том с сомнением посмотрел на телефон в руках Джея, но любопытство явно было сильнее.

— То есть ты хочешь сказать, что эта штука снимает так же, как большой фотоаппарат? — осторожно спросил он.

— Ага.

— Без стойки?

— Без.

— И без вспышки и долгого позирования?

— Совершенно верно.

Том секунду помедлил, затем решительно кивнул:

— Ну, покажи.

Джей быстро поколдовал с телефоном и направил его на Тома:

— Улыбнись.

Том демонстративно нахмурился:

— Ты сейчас похож на шарлатана, который обещает чудо за доллар.

— Тогда наблюдай за чудом, — сказал Джей. Послышался тихий щелчок. На экране внезапно застыла недовольная физиономия Тома — ровно та, которую я только что видела собственными глазами.

Я широко раскрыла глаза, не веря увиденному. Том, кажется, забыл, как дышать. Гек первым пришёл в себя, подался вперёд и восторженно воскликнул:

— Это же он!

— Да чтоб меня чёрт в ступе прокатил! — вырвалось у Тома. — Это я! Это мой портрет!

Я невольно вздрогнула от грубости, но, глядя на экран, не могла не согласиться с его удивлением.

Гек медленно переводил взгляд с телефона на людей за соседним столиком и обратно, словно фермер, который обнаружил корову на дереве и теперь пытался понять, как она туда попала.

— Я понимаю, зачем делать портреты людей... — пробормотал он. — Но тратить такое чудо на еду?

— В наше время мало просто поесть, — ответил Джей. — Нужно обязательно поделиться этим.

— Получается, они делятся едой, чтобы сделать других счастливыми? — предположила я.

Том внимательно глянул сначала на соседей, затем на меня, и одобрительно кивнул:

— Как будто те сами её съели?

— Ну... не совсем, — Джей слегка развёл руками. — Скорее, это способ сказать: «Смотрите, как хорошо я живу». Давайте, покажу на примере.

Он протянул телефон, чтобы нам было лучше видно. На экране мелькали картинки: еда на тарелках, чьи-то довольные лица, наряды — всё подряд, без какого либо порядка.

— Что это? — растерянно спросил Том.

— Это соцсеть, — пояснил Джей. — Люди показывают здесь всё, чем хотят похвастаться. Кто-то позавтракал блинчиками, кто-то купил новую шляпу, а кто-то снова уверен, что его кот — единственное существо на планете, которое умеет с таким чувством рвать шторы.

Том и Гек переглянулись.

— И остальные просто на это... глядят? — недоумённо спросила я.

— Ага, — кивнул Джей. — Чем больше зрителей, тем лучше. Они ставят лайки, пишут комментарии, обсуждают...

— Как зеваки на базаре, которые толпятся возле лотка с диковинами, — предположил Гек. — Чем больше народу, тем громче шум.

— Вроде того, — согласился Джей. — Только здесь каждый сам придумывает, какой диковиной будет удивлять толпу. Выкладывать свою еду проще всего.

Я удивлённо посмотрела на Джея.

— Но это же как-то мелко и даже бестактно — кичиться едой, когда кто-то, голоден.

Том покачал головой:

— Если бы тётя Полли увидела, как я перед едой верчу тарелку, она бы решила, что я собираюсь сказать последнее слово перед казнью.

Джей двигал пальцем по стеклу и фотографии на экране выплывали снизу и прятались наверху. Вдруг Том удивлённо ткнул в одну из них:

— Подожди-ка, он что, сам себя фотографировал?

— Ага. Это называется селфи. Сейчас чуть ли не самый популярный вид снимков. Люди делают их постоянно.

Я удивлённо подняла брови:

— А что, человек может так часто меняться, что нужно снимать себя каждый день?

Джей слегка пожал плечами и улыбнулся:

— Нет, конечно. Но выложив фото в сеть ты получаешь на него отклики и чувствуешь, что кому-то в мире есть до тебя дело и ты живешь не зря.

Гек нахмурился, задумавшись:

— То есть раньше человек шёл к фотографу, чтобы запомнить важный день, а теперь и день не важен если ты не сделал своё фото?

— Ты точно подметил, Гек, — подтвердил Джей.

Том тихо пробормотал, качая головой:

— Какое обесценивание ремесла...

Вдруг на экране что-то зашевелилось. Мы вздрогнули от неожиданности.

— Оно... оно движется! — Гек ткнул пальцем в экран. — Это что, живое?

— Это и есть видео, — пояснил Джей. — Движущаяся картинка. Я уже про него упоминал.

Мы втроем зачарованно уставились в экран, не в силах отвести взгляд. Проходили секунды, потом минуты, и казалось, мы готовы были смотреть на это бесконечно.

— Покажи ещё раз того мужика! — вдруг попросил Том, уже сдавленно хихикая. — Вот этого, который...

— ...который сейчас врежется в стекло, — закончила я за него, улыбаясь.

Джей усмехнулся и нажал на экран. Мужчина с очень важным видом снова быстро шагал по коридору, энергично размахивая руками и громко объясняя что-то своим спутникам.

— Смотри, смотри! Вот сейчас! — почти завизжал от восторга Том.

Раздался глухой стук, и мужчина эффектно столкнулся с прозрачной стеклянной дверью. Мы снова расхохотались.

— Давай ещё раз! — взволнованно попросил Гек, давась от смеха. — Ну пожалуйста!

Мы смотрели этот момент снова и снова, и каждый раз он казался всё смешнее. Но вдруг Гек перестал смеяться. Он внимательно всмотрелся в экран и нахмурился.

— Каково это, раз за разом биться лицом в стекло? — тихо спросил он, глядя на экран. — Для него этот день просто шёл своим чередом, а теперь он застрял в чужой ловушке и никак не может из неё выбраться.

Мы с Томом переглянулись и невольно замолчали, а Джей недоумённо приподнял бровь, не понимая, почему все так внезапно притихли. Гек продолжил, ещё больше нахмурившись:

— Кто-то украл у него этот момент и теперь раздаёт это украденное время направо и налево.

Джей вдруг искренне и громко рассмеялся, и его смех легко рассеял повисшую тяжёлую тишину.

— Гек, это не совсем так, — мягко произнёс он, улыбаясь. — Время действительно воруют, только не у тех, кто на экране. Оно утекает не моментами, а целыми часами.

— Как это? — растерянно спросил Том.

— Посмотри на небо, — усмехнулся он, указывая вверх. — День уже почти закончился, солнце скоро сядет. Мы тут уже почти два часа залипаем на эти видео.

— Да не может быть! — недоверчиво протянул Том.

Я тоже подняла глаза на небо и только теперь заметила, как низко уже склонилось солнце.

Том немного замялся, бросив осторожный взгляд на Джея:

— То есть это не опасно, когда тебя записывают?

— Совершенно, — легко пожал плечами Джей. — Еще никто от этого не пострадал.

Том наклонился чуть ближе, явно заинтересовавшись:

— А ты так делаешь?

— Да, записываю свои выступления и выкладываю в сеть, — кивнул Джей, будто говорил о самой обычной вещи в мире.

Том вдруг выпрямился, глаза его азартно вспыхнули, а на лице появилась та самая улыбка, которая всегда обещала очередную безумную авантюру.

— Постой-ка, выступления?

— Ну да, свои уличные концерты.

Том уже расправлял складки на одежде, словно его вот-вот должны были сфотографировать для газеты:

— Значит, можно не просто оставить фото или видео на память, но и стать... знаменитым?

Джей настороженно прищурился:

— Теоретически, да. А что?

Том широко улыбнулся, явно довольный своей идеей:

— Тогда ты можешь записать нас и выложить в эти... как там их... сети тщеславия?

Джей тихо фыркнул, закатив глаза:

— Социальные сети, Том.

— Какая разница? Главное, чтобы нас там увидели. Так сможешь?

* * *

Джей держал телефон, а мы сидели перед ним как перед судьёй, ожидая неизвестного приговора.

— Готовы? — спросил он.

— Конечно! — Том вздохнул, выпрямился и сделал серьёзное лицо. — Меня зовут Том Сойер, и я родом из великого города Сент-Питерсберг!

— Том, — перебила я, нервно поглядывая на Джея и его телефон, — наш город совсем маленький!

— Всё относительно, Бекки, — слегка насмешливо ответил Том. — Для кого-то это точка на карте, а для меня — центр Вселенной!

— Ну да, особенно с тётей Полли на страже... — хмыкнул Гек.

— Я как раз хотел о ней рассказать! — оживился Том. — Я вырос в доме моей тёти Полли. Она — женщина великой души и ещё большего терпения!

— Потому что иначе с тобой было никак, — вставил Гек.

— Благодарю за поддержку, друг, — фыркнул Том. — Но если бы не тётя Полли, я бы до сих пор не знал, что значит «добродетель» и «порядок».

— Ты и сейчас этого не знаешь, — пробормотал Гек.

— Мой город — это дом для удивительных людей, — продолжил Том, не обращая внимания. — Например, судья Тэтчер — человек высокой чести и строгих принципов!

Я почувствовала, как у меня вспотели ладони, и невольно взглянула на камеру, чувствуя, как сердце забилось чуть быстрее:

— Да-да, судья Тэтчер — очень уважаемый, добрый и честный... и вообще замечательный отец! — выпалила я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно.

Том взглянул на меня с понимающей улыбкой и вновь повернулся к камере:

— Я провёл детство у реки, под парусами свободы.

— Ты провёл детство, получая взбучки за свои проделки! — хихикнул Гек.

— Но ведь какие проделки! — Том раскинул руки. — Мы с Гекком пережили грандиозные приключения. Мы нашли клад, мы плавали на плоту, мы...

— ...спали в бочке за лавкой мясника, потому что тебя не пустили домой, — добавил Гек.

— Это было в интересах исследования, — твёрдо ответил Том.

Я нервно засмеялась, а Гек красноречиво поднял глаза вверх.

— В общем, мы тут у вас недавно, — Том вновь серьёзно посмотрел в камеру. — И уже поняли, что этот мир... немного другой.

— Слегка странный, — буркнул Гек, настороженно глядя перед собой.

— Совсем непонятный, — добавила я с лёгкой тревогой в голосе.

— Ага, — кивнул Том задумчиво. — Например, почему у вас тут никто не сидит на крыльце?

Я растерянно моргнула.

— Точно! Где же все крыльца?

— И завалинки, — добавил Гек.

— И качели на верандах, чтобы дед мог качаться и плевать в траву, — Том развёл руками, словно не веря, что можно обойтись без такого важного атрибута жизни.

— Серьёзно? Крыльцо — это настолько важно? — усмехнулся Джей.

— Ещё как! — с жаром ответил Том. — Если никто не сидит на крыльце, значит, никто не разговаривает друг с другом. А это уже беда.

— У вас вообще крыльца бывают? — живо подхватила я.

— Конечно, бывают, — вздохнул Джей — Просто люди теперь предпочитают сидеть не на крыльце, а в телефоне.

Мы с Гекком удивлённо переглянулись.

— В телефоне? — я недоверчиво нахмурилась. — Как можно сидеть в телефоне?

— Ну... не буквально, — замялся Джей, явно не ожидавший, что придётся объяснять такую очевидную вещь. — Просто теперь люди общаются через социальные сети.

— Подожди, — задумчиво уточнил Том. — Чтобы просто поговорить с соседом, обязательно нужна эта твоя соцсеть?

— Ну да. Теперь обычно сначала пишут туда, а не стучат в дверь, — пояснил Джей.

— Пишут? — удивился Том. — Выходит, если я захочу позвать к себе Джефа Тэтчера, то сначала нужно закинуть сеть и ждать, пока он там запутается, как окунь?

Джей примирительно улыбнулся:

— Зато можно общаться не только с соседом, но и с кем угодно на другом конце света.

Том тихо вздохнул и покачал головой:

— Если бы я не мог увидеть, как ты, Бекки, закатываешь глаза, или пихнуть Гека под стол, когда он в третий раз за обед назовёт кого-то мартышкой... Если бы я просто читал ваши слова с этого плоского стекла, даже если бы вы отвечали сразу, я всё равно был бы один.

Я задумалась, глядя на телефон в руках Джея, и негромко сказала:

— Когда общаешься с самыми близкими людьми только через экран... Когда после как бы совместного ужина вместо взглядов глаза в глаза и рук, тянущихся к одной тарелке, остаются только красивые фотографии... Это ведь и есть одиночество?

Джей замолчал и впервые стал по-настоящему серьёзным.

— Знаете, — произнёс он тихо, — пожалуй, это самое грустное, что я слышал за последнее время.

Наступила короткая, тяжёлая тишина.

— Ладно, — Том встряхнулся, сбрасывая с себя мрачные мысли. — Какой бы ни был этот мир... нам всё равно придётся его изучить.

Я тихо застонала, прекрасно понимая, что это значит: впереди нас точно ждут новые приключения.

Глава 5

Голодному человеку мир кажется более сложным и раздражающим. Каждый шорох, каждое непонятное слово или взгляд заставляют напрягаться. Но стоит поесть — и сразу всё вокруг преображается. На сытый желудок любое, даже самое странное и невероятное событие воспринимается намного проще. Мозг начинает работать лучше, мысли текут ровнее, и ты вдруг понимаешь, что все проблемы решаемы, а трудности не так уж страшны.

Я откинулся на спинку стула, чувствуя неожиданное умиротворение. С момента нашего приезда в Нью-Йорк прошло совсем немного времени, но в эти дни вместились столько событий, впечатлений и новых знаний, что голова шла кругом. Теперь, когда мы были сыты и довольны, наконец-то стало возможно спокойно подумать и сложить все эти разрозненные кусочки в единую картину.

— Слушай, Джей, — спросил я, — а сколько вообще стоит жильё в этом городе?

Он приподнял брови, явно не ожидая такого вопроса.

— Ты про что?

— Ну... допустим, нам нужно место, где можно остановиться хотя бы на пару ночей, — продолжил я. — Не подвал, не лавка в парке, а нормальная крыша.

Том кивнул, явно поддерживая мою мысль.

— Да, гостиницу, постоялый двор или хоть какие-то комнаты. Здесь ведь есть что-то подобное?

— Есть, — отозвался Джей, склонив голову. — Но путешественникам с тощим кошельком тут не очень рады.

Джей повозился с телефоном, быстро набрал что-то и сунул экран Тому под нос.

— Вот, например, мотель, — начал Джей, потом немного замялся, подбирая подходящие слова. — Это что-то вроде дешёвого постоялого двора. Такая цена за ночь.

Брови Тома удивлённо полезли вверх, и он недоверчиво присвистнул:

— Так, а в эту сумму входит личный лакей?

— Скорее можно надеяться на добрый совет «Перед включением света похлопайте в ладоши, дайте тараканам разбежаться». Это самый бюджетный вариант.

Я заглянул в экран, потом посмотрел на Бекки.

— Через неделю нас смело можно будет выбрасывать обратно на улицу. Никакого серебра не хватит.

Бекки пожала плечами и с напускной бодростью заметила:

— Под мостом не так уж ужасно. Даже уютно по-своему. Купим себе тюфяк и одеяло — будет почти как дома.

— Отличная идея, — подхватил Том. — Заведём там новых друзей, устроим вечеринки по пятницам, будем пить чай на берегу реки.

Бекки улыбнулась и добавила:

— Кто-нибудь обязательно напишет про нас в газетах: «Самая дружная семья Нью-Йорка живёт под мостом».

Том вдруг осёкся, как будто его неожиданно осенило:

— Семья... Слушайте, а ведь из нас троих только у Бекки были родственники в Нью-Йорке...

Он вопросительно посмотрел на Бекки. Она отвела глаза, на мгновение задумалась и с лёгкой горечью произнесла:

— Том, их давно нет. Дядя Натаниэль, тётя Элеонора... Они все уже умерли.

— Да, но дом же не мог исчезнуть бесследно, — уверенно возразил Том. — Вдруг, там живут не просто какие-то люди, а потомки твоей семьи.

В словах Тома был смысл, но идея казалась не слишком надёжной. Бекки вздохнула и осторожно проговорила:

— Даже если дом ещё стоит, откуда им знать, кто мы такие? Не уверена, что нас вообще захотят пустить на порог.

Том усмехнулся, стараясь казаться спокойным:

— Ну, если нас не примут, я очень удивлюсь. Ведь родственники — это святое. Даже, когда появляются без приглашения.

Я внимательно глянул на Тома, пытаюсь понять, шутит он или всерьёз верит в то, что говорит.

— Ладно, — пробормотал я. — Значит, идём и проверим.

Мы шли вдоль оживлённой улицы, лавируя между спешащими прохожими и постоянно оглядываясь на эти странные кареты без лошадей. Я, если честно, терпеть их не мог: они были слишком быстрые, тихие и сильно воняли какой-то химией.

Том, конечно, не мог спокойно пройти мимо такого чуда. Он догнал Джей, который шагал чуть впереди, и ткнул пальцем в очередную карету:

— Ну-ка, растолкуй. Почему я не слышу ни свиста пара, ни лошадиных копыт, а эта махина летит, будто её чёрт гонит?

Джей скосил на него взгляд:

— Потому что это автомобиль.

— Авто... что?

— Автомобиль, — повторил Джей. — Машина, которая едет сама.

Том кивнул, как человек, который уже видел что-то подобное, но не мог уложить в голове.

— Ладно, хорошо, самоходная — так самоходная. Но где пар? Где котёл? Где давление? Где свисток?

— Тут нет пара. Они работают на бензине или электричестве, — отрезал Джей. Явно не горя желанием вдаваться в подробности. — Заливаешь бак — едешь, или заряжаешь батарею — и тоже едешь. Топливо просто сгорает внутри мотора, и колёса крутятся.

Том озадаченно почесал затылок:

— Ага... Топливо сгорает, колёса крутятся. Допустим. Но если что-то горит, должен быть дым. Где дым?

Джей закатил глаза:

— Ну... наверное, выходит через глушитель.

Том вскинул бровь.

— Через что?

— Ну, труба там есть... — Джей неуверенно указал на хвост одной из машин.

Том на секунду задумался, потом спросил:

— Как можно ездить на такой сложной штуковине и не разбираться, как она устроена?

— Да мне вообще не нужно в этом разбираться! Главное, что колёса крутятся, а машина едет!

Джея уже начал раздражать этот разговор, когда Бекки остановилась и указала вперёд:

— Смотрите-ка...

Мы свернули на боковую улочку и упёрлись в высокие кованые ворота — те самые, через которые когда-то попадали к дому дяди Натаниэля. Раньше за этим забором был красивый сад с ухоженными кустами, ровными дорожками и яркими цветами. Теперь же сада не было. Вместо зелени и клумб перед нами расстилалась ровная каменная площадка, заполненная рядами машин.

— Куда подевался сад? — удивленно прошептала Бекки. — Они что, просто всё вырубили, чтобы ставить тут эти... автотелеги?

— Теперь тут парковка, — подтвердил Джей.

Бекки вздохнула, покачав головой:

— Дядя Натаниэль никогда бы этого не одобрил.

За воротами нас встретил тот же самый особняк — в три этажа, с высокими колоннами и массивной дверью, знакомый и незнакомый одновременно. Дом явно пережил основательную переделку: фасад был добротнo отремонтирован и заново выкрашен, большие окна изнутри излучали мягкий свет, отчего казалось, будто весь дом слегка светится, подчёркивая свою красоту и респектабельность. Здание выглядело ухоженным, но каким-то непривычно официальным — словно готовилось встречать не семью, а гостей за деньги.

— Не верится, что это тот же самый дом, — прошептала Бекки.

Мы подошли к двери. Она была гладкая, холодная и совсем не похожая на те, к которым мы привыкли. Из украшений у неё только изогнутая кованая ручка — ни замка, ни звонка, ничего такого, что обычно бывает у нормальной двери. Над головой нависал козырёк, а прямо под ним притаилась странная штукавина: длинный чёрный глаз, направленный на нас, словно подзорная труба.

— Чувствую, сюда теперь так просто не войдёшь, — тихо проговорила Бекки, не отрывая взгляд от загадочного стеклянного глаза.

Том шагнул ближе и осторожно взялся за ручку, попытался её повернуть, дёрнул дверь пару раз, но та даже не шелохнулась и не издала ни звука. Тогда он внимательно принялся изучать маленькую коробочку с цифрами на стене. Некоторое время Том разглядывал её с явным недоверием, словно ожидал подвоха, затем осторожно протянул палец и легко коснулся нарисованного колокольчика.

Щелчок грянул так резко и громко, будто прямо над ухом кто-то выстрелил из ружья. Том моментально шарахнулся назад, отлетев спиной вперёд на добрых два метра. Он беспомощно замахал руками, словно пытаясь зацепиться за воздух и сохранить остатки равновесия, но не удержался и с глухим стуком шлёпнулся прямо на задницу. Мы с Бекки тоже вздрогнули, но через секунду уже не могли остановить смех, а Джей буквально зашёлся в хохоте, согнувшись и вытирая слёзы.

Наш смех прервал молодой, раздражённый и бесконечно усталый голос, внезапно раздавшийся прямо из стены:

— Сколько можно звонить?! Я же отправил подробные инструкции на телефон, чтобы вы меня не дёргали!

Мы разом притихли. Том поспешно поднялся, отряхнулся и с важным видом поправил одежду, будто хотел убедить всех, что падение было совершенно незначительным недоразумением.

— Послушай, дружище, у нас нет никакого телефона...

— Чего?! — перебил его голос с таким возмущением, будто услышал бред. — Кто вообще ходит без телефона? Я всё вам выслал: план комнат, код от дверей, правила заселения! Вы хоть смотрели?!

— Мы ничего не смотрели, — выдавила Бекки тихо, — потому что... у нас и впрямь нет телефонов.

— О боже... — донеслось со стороны «говорящей стены», словно человек окончательно потерял терпение. — Как вы вообще заказали и оплатили апартаменты? Вы что, через чайник бронировали?! Ладно, повторяю: код от входной двери и комнаты — **53917**. Входите, поднимаетесь на второй этаж, налево, седьмая комната. Надеюсь, сможете это запомнить без «гаджета»?..

Мы только-только начали приходить в себя, как голос снова заговорил — ещё более устало и раздражённо:

— И не вздумайте опять звонить! Дел и без ваших «нет телефона» хватает выше крыши... Всё, дальше сами разберётесь.

Стена ещё раз кратко щёлкнула, и связь прервалась.

— Ну, это было... интересно, — сказал я, растерянно оглядываясь на Тома и Бекки.

— Я правильно расслышал, что кто-то уже оплатил апартаменты?! — переспросил Том, подчёркивая слово «оплатил», будто не мог поверить своей удаче.

— Но мы вообще не... — начала Бекки, но Том перебил её взмахом руки:

— Этот тип дал нам код 53917. Давайте проверим, о чём речь.

Том повернулся к панели и принялся аккуратно вводить цифры, повторяя про себя:

— Пять... три... девять... один... семь...

Раздался ещё один шелчок, на этот раз тише и спокойнее предыдущего. Дверь чуть пода-лась вперёд, приоткрывшись.

— Значит, второй этаж, налево, комната семь, — напомнил Том, широко открыл дверь и сделал приглашающий войти жест.

Бекки качнула головой:

— Мне не по себе, будто мы воруем чужое жильё...

— Бекки, мы ничего не украли. Нас пригласили. Просто так работает знаменитая удача Тома Сойера, — усмехнулся Том с довольным видом. — Сколько раз такое уже случилось, а я всё никак не привыкну.

Я лишь качнул головой, внутренне соглашаясь, что везение Тома действительно какое-то особенное, хоть и выглядит иногда сомнительным.

Так мы и вошли внутрь — словно незваные гости, которых по странной иронии судьбы приняли за своих. Никто не вышел нас встречать, никаких следов радушия. Казалось, дом равнодушно разрешал входить любому, за кого уже было оплачено «проживание», не утруждая себя вопросами и приветствиями.

Мы оказались в большом холле — он почти не изменился с тех пор, как мы были здесь в прошлый раз. Те же высокие потолки, знакомые изгибы перил и лестница, что вела наверх. Только вместо одной большой люстры теперь было множество маленьких, самых причудливых светильников, рассредоточенных по всему потолку и стенам. А когда мы двинулись наверх, ступени неожиданно начали подсвечиваться сами собой — словно дом приветствовал нас и указывал путь. Я снова почувствовал себя простаком, впервые увидевшим настоящее чудо.

На втором этаже всё оказалось иначе. Вместо знакомого простора нас встретил узкий коридор, устланный толстым мягким ковром, и целый ряд дверей по обеим сторонам. Мы свернули налево, следуя указаниям голоса из стены.

— Комната семь... — произнёс Том, остановившись у нужной двери. — Что ж, посмотрим, что нас там ждёт.

Он ввёл код с видом покорителя технологий. Дверь тихо щёлкнула и открылась, и сразу нас накрыло подзабытым ощущением домашнего тепла и уюта.

Это была даже не комната, а целое жилище — с небольшой гостиной и двумя спальнями, в каждой из которых стояла кровать. И что это были за кровати! Огромные, словно палубы пароходов: широкие, высокие, с такими мягкими подушками, что я невольно задумался, не утонет ли в них человек. Я видел кровати у вдовы Дуглас, видел у богатых господ, но таких ещё не встречал. Не постель, а настоящее раздолье — ляг, вытягивайся во весь рост, и ещё места хватит.

Я осторожно присел на самый край матраса. Он слегка прогнулся подо мной, удивительно мягко и без единого скрипа.

— Как в стог сена, только мягче, — пробормотал я восхищённо.

Том, не раздумывая ни секунды, с разбега плюхнулся прямо посреди кровати, раскинув руки и блаженно зажмурившись.

— Вот это я понимаю жизнь! — протянул он. — Гек, давай проверим, сколько человек сюда влезет!

Он хлопнул по месту рядом, но я заколебался: кровать выглядела такой белоснежной, что на ней, казалось, и сидеть стыдно, не то что прыгать.

— Бекки, — наконец сказал Том, приподнимаясь на локтях, — тебе по статусу, как даме, полагается отдельное королевское ложе.

Она вскинула брови:

— Ах, теперь я королева?

— Ну конечно, — Том развёл руками. — Нам же положено галантно уступить. Мы с Геком не привыкли к роскоши, мы люди простые. Джей, ты не против к нам присоединиться? Три богатыря на одном поле.

Но Джей не торопился отвечать. Он потёр шею, словно оттягивал момент, а потом выдавил короткое:

— Ну... если так надо...

Я бы не обратил на это внимания, но Бекки замерла на пороге и посмотрела на Джея как-то особенно внимательно.

— Ты уверен?

Том рассмеялся:

— Да чего тут раздумывать? Мы же не девицы нежные, чтоб себе отдельные покои выпрашивать!

И вдруг я почувствовал, как воздух в комнате чуть изменился. Как будто кто-то натянул невидимую струну, и она, дрожала, готовая порваться.

Джей крепче сжал пальцы.

— Да, конечно... — сказал он, но прозвучало это неубедительно.

Том, конечно, ничего не заметил. Он ещё шире растянул улыбку:

— Вот и отлично! Всё честно, по-братски.

И тут Бекки заговорила, тихо, но твёрдо:

— Том... Может, ты спросишь, удобно ли Джею?

— Так я только что спросил! — возмутился Том.

— Нет, ты решил за него.

Все повернулись к Джею. Он молчал. Я заметил, что он стоит так, будто хочет уменьшиться, а лучше вообще исчезнуть.

— Ну... — Джей сглотнул, — просто я... не очень люблю...

— Да чего тут не любить? — с лёгким недоумением перебил Том. И тут он совершил ошибку.

— Ты же парень, чего ты ломаешься, как барышня?

В комнате повисла тишина. Глухая, вязкая.

Я видел, как Джей вздрогнул, как сжались его плечи. В глазах мелькнул свет обиды, но он быстро спрятал его за пустым взглядом.

— Простите, я просто... пойду... — выдавил он и резко развернулся, собираясь уйти, но я невольно шагнул вперёд и осторожно коснулся его плеча, заставив его остановиться.

— Эй, да ты чего? — Том, кажется, искренне не понимал, что сейчас произошло.

Бекки закрыла глаза, словно подбирая правильные слова.

— Том... — тихо сказала она.

— Ну что?! Я же без задней мысли!

— Вот именно, ты вообще никогда не думаешь!

Я растерянно переводил взгляд с Бекки на Джея, чувствуя нарастающее беспокойство и пытаюсь понять, как исправить ситуацию. Джей стоял неподвижно, глядя в пол, словно собираясь с силами перед прыжком в холодную воду. Его плечи напряглись, дыхание стало глубже и заметно прерывистее. Я чувствовал, что он борется с собой, прежде чем тихо, почти шёпотом, произнести:

— Когда-то меня звали Джейми.

Мы все открыли рты.

— Что?.. — едва выдавил Том.

— Я... не всегда был тем, кем вы меня знаете.

Наступила такая тишина, что я услышал, как тихонько скрипит пол под нашими ногами.

Бекки первая кивнула, словно осмысливая.

— То есть... ты был девушкой?

Джей кивнул, всё так же не глядя в глаза.

Том побледнел, глаза его расширились от потрясения, и он растерянно открыл рот, словно все его прежние представления о мире только что разбились вдребезги.

— Погоди... но как?.. Это же... Это возможно?!

— Теперь — да.

Я ощутил что-то странное в груди. Как если бы вдруг узнал, что вода может течь вверх, а лошади научились летать.

Бекки оказалась самой чуткой.

— Ты... не хотел, чтобы мы узнали?

— Я не знал, как вы отреагируете.

— Так вот почему ты стесняешься спать с мальчиками? — наконец понял я.

Джей кивнул.

— Я не могу. Просто... не могу.

Первой снова заговорила Бекки.

— Джей, если так... — она сделала шаг вперёд, слегка покраснев. — Ты можешь ночевать в моей комнате. Там места много, и тебе будет спокойнее.

Джей поднял на неё взгляд, в котором читалась неожиданная благодарность.

— Спасибо... Мне и правда так будет лучше.

Том вздохнул и потёр затылок, явно ощущая вину за свою неосторожность. Он посмотрел на Джея и, собравшись, выдал с искренностью, редкой для него:

— Слушай... я был не прав. Дурак я, если честно. Ты наш друг, и я не хотел тебя обидеть.

Джей посмотрел на него и медленно улыбнулся:

— Спасибо. Это... значит для меня больше, чем ты думаешь.

Бекки кивнула и фыркнула:

— Ну вот, всё встало на свои места... А теперь, мальчики, хватит философии! Я три дня в этом проклятом корсете, и если я его не сниму через пять минут, то мне проще будет отрезать себе рёбра!

* * *

Бекки вернулась в гостиную уже в огромном белоснежном халате, и мы все одновременно подняли головы. Ткань была такой мягкой, что, казалось, его соткали из облаков.

— Вы только посмотрите на это, — сказала она, приподнимая рукава. — Такой халат и в церковь надеть не стыдно.

Том прыснул, но я не мог не согласиться — в этом она выглядела как благородная дама, приготовившаяся встречать дорогих гостей.

— И тапки тут есть, — с гордостью сказала Бекки, вытягивая в сторону Тома ножку, обутую в тонкий белый шлёпанец, словно демонстрируя самые изысканные туфельки. Джей улыбнулся:

— Одноразовые, чтобы босиком не ходить.

— А что это за баночки?

Она ткнула пальцем на небольшую полочку у стены, где аккуратно в ряд стояли маленькие бутылочки с разными надписями.

— Это шампунь для волос и гель для душа, — пояснил Джей.

— Из всего, что ты сказал я поняла только «волосы». Для чего это?

Джей пожал плечами:

— Ну, шампунем волосы моют. А гелем тело...

Но Бекки не дала ему договорить.

— Моют? — она удивлённо наклонила голову, словно эта мысль была слишком невероятной, чтобы сразу её принять. А затем её глаза широко распахнулись, и она выдохнула с восторгом:

— О, так прямо тут можно и помыться?!

— Конечно. Вон душ, — Джей открыл странную дверь, состоящую словно из плотного тумана, за которой едва угадывались контуры того, что скрывалось внутри. — Открываешь кран и вода идёт сверху. Чтобы сделать потеплее поверни влево.

— Сразу тёплая вода? — Бекки все еще не могла своему счастью.

— Сколько хочешь.

Бекки сгребла в охапку все баночки, прижала их к груди и с истинно королевским видом объявила:

— Если меня кто-то потревожит, пока я буду наслаждаться этим чудом... я лично пущу его в расход!

Она нырнула внутрь и закрыла дверь. Почти сразу за стеклом послышалось шипение воды, и спустя мгновение раздался счастливый визг.

Мы с Томом переглянулись.

— Ну, похоже, она там надолго, — заметил я.

— Пусть наслаждается, — хмыкнул Джей. — Три дня без воды — я бы запел.

И будто в подтверждение его слов Бекки и правда начала петь. Том улыбнулся с неожиданной серьёзностью:

— Мы, мужчины, готовы к любым испытаниям ради таких вот простых женских радостей.

Пока Бекки наслаждалась своим личным раем, Том активно взялся за осмотр жилища. Первым делом он подошёл к ряду аккуратных шкафчиков и распахнул один из них. Внутри оказались блестящие кастрюли и угольно-черные сковородки, аккуратно расставленные по полкам.

— Похоже, это кухня, — задумчиво пробормотал он. — Только где же очаг? Куда дрова класть?

— Вот тут готовят. — Джей ткнул пальцем в гладкое чёрное стекло на кухонном столе.

Том подошёл ближе, задумчиво постучал пальцем по стеклу и полез проверять шкафчики под ней.

— Интересная плита. А где же топка?

Джей усмехнулся и спокойно пояснил:

— Нет тут никакой топки. Плита электрическая. Сначала нажимаешь вот сюда, — он показал на небольшой кружок с черточкой внутри, — а затем цифрой выбираешь уровень нагрева.

Том выпрямился и окинул его взглядом, полным подозрения:

— Без огня? Совсем без дыма?

— Попробуй, — предложил Джей.

Том поочередно коснулся пальцем значка и цифр. Стекло недовольно попискивало при каждом нажатии. Потом оно еще три раза капризно пискнуло, и начало мигать красным огоньком. Том послуявил палец и резко дотронулся до плиты.

— Холодная... Чего это она пищит, светится, а не греется?

— Плита просит поставить кастрюлю или сковородку, — пояснил Джей, сдерживая улыбку. — Без посуды греться не станет.

Том нахмурился, но послушно взял с полки кастрюлю и поставил её на плиту. Стекло довольно пискнуло, и загудело. Почти сразу кастрюля начала тихо потрескивать, и над ней пошел лёгкий дымок. Я замер, чувствуя, как по спине побежали мурашки:

— Да она живая какая-то! Сама знает, что делать!

Том внимательно осмотрел плиту с разных сторон, и задумчиво сказал:

— Получается, теперь не повар управляет плитой, а плита говорит повару, как готовить?

— Скорее советует, словно хороший друг, как ничего не испортить, — ответил Джей, легко коснувшись значка на стекле и выключив плиту.

В углу стоял высокий шкаф, который своей белизной максимально контрастировал с плитой. Том шагнул к нему и, не раздумывая, потянул за ручку.

Дверца открылась легко, и нас тут же обдало приятной прохладой — неожиданной, будто кто-то распахнул окно в зимний день.

— Вот это да, — негромко произнёс Том, с удовольствием подставляя лицо прохладному потоку. — Лёд и пламя на одной маленькой кухне — впечатляет.

Шкаф был пуст, только в дверце стояли две бутылки с водой. Том достал одну, и стекло почти сразу запотело. Он с удивлением повертел её в руке и повернулся к Джею:

— Джей, я не сильно ошибусь, если предположу, что это ледник для продуктов?

Джей улыбнулся в ответ:

— Абсолютно верно. Только здесь его называют холодильником.

Открутив крышку, Том сделал несколько больших глотков и на мгновение прикрыл глаза от удовольствия.

— Чувствую себя красавицей в заколдованном замке, — заметил он, чуть иронично вскинув бровь. — Плита сама знает, как готовить, вода заботливо охлаждена...

Я усмехнулся:

— Ты бы поосторожнее, Том. Как бы сейчас чудовище не явилось и не потребовало твою руку и сердце.

Том фыркнул и театрально огляделся по сторонам.

— Я готов поверить, что дом дяди Натаниэля и правда заколдовали. Не видно ни хозяина, ни слуг, а он уже обо всём позаботился.

— И пустил нас, даже не проверив, кто мы такие. Будто нас и правда здесь ждали, — поддакнул я, всё ещё не веря такой удаче.

Джей чуть усмехнулся и спокойно покачал головой:

— Это не колдовство, а AirBnb...

Мы с Томом одновременно уставились на него.

— Air... что? — недоумённо переспросил Том.

— AirBnb, сервис в телефоне, — повторил Джей чуть отчётливее. — Люди сдают свои дома или квартиры путешественникам, деловым людям или просто тем, кому нужно временно пожить. Гость заранее оплачивает жильё, получает код или ключи от дверей и спокойно живёт. Хозяина вообще можно не видеть.

— И хозяин им просто... доверяет? — уточнил Том.

— Ну, по сути, да.

Мы переглянулись.

— А если кто-то разобьёт окно или разрисует стены? — спросил Том.

— Тогда в следующий раз его больше не пустят.

— Так то будет в следующий раз! — с озорной ноткой заметил Том. — Получается, если знаешь код, можешь поселиться и жить тут сколько угодно?

Джей пожал плечами:

— Пока хозяин не узнает, что ты не платишь. Или другие гости не приедут.

Том покачал головой, ухмыльнулся, плюхнулся на диван и сделал ещё глоток воды.

— Вчера бесплатно поели, сегодня бесплатно живём... Глядишь, завтра нам и деньги за просто так давать начнут!

Глава 6

Я проснулась легко, без толчков, без холода, без страха, что нужно срочно вставать и куда-то бежать. Тело ощущалось отдохнувшим, а мир казался добрым. Всё было превосходно.

Кровать оказалась ещё лучше, чем я думала — мягкая, тёплая, будто специально созданная, чтобы забыть обо всех бедах. Вот только родной ночной сорочки не хватало, чтобы ночь стала совершенной. Она легко струилась по телу, не путалась в ногах и не давила на плечи. В ней можно было спокойно вытянуться или уютно свернуться калачиком.

Перед сном я полчаса не могла выбраться из-под чудесного тёплого душа — перепробовала все эти удивительные баночки, наслаждаясь каждым мгновением, словно оказалась в настоящем раю. Потом долго и с удовольствием расчёсывала волосы. Было невероятно приятно снова чувствовать себя чистой и лёгкой, и даже стирка белья после этого уже не казалась скучной обязанностью.

Я оделась и вышла в гостиную: свежая, отдохнувшая и с таким хорошим настроением, какого у меня не было уже целую вечность. Гек и Джей сидели за столом. Том стоял у плиты и по-деловому тыкал пальцем в её блестящую поверхность. Увидев меня, он поднял голову и на секунду замер, залюбовавшись.

— Вижу, моя королева отлично выспалась, — заявил он с довольной улыбкой, ставя передо мной чашку ароматного кофе. — Ваш кофе, миледи. Сам сварил.

Я сделала глоток, улыбаясь в ответ, и согласилась:

— Да уж, лучше и не бывает. Осталось только раздобыть нормальную ночную рубашку, и заживём совсем по-королевски.

Том насмешливо поднял бровь:

— И правда, странно, что ты умудрилась забыть её, когда так тщательно собиралась в музей.

Гек подавился кофе, а Джей громко фыркнул.

Когда смех утих, а кофе почти закончился, Том вдруг посерьёзnel.

— Сорочка тебе, конечно, нужна, но и новое платье не помешало бы.

Я отставила чашку и пристально посмотрела на Тома.

— С чего это ты вдруг решил высказать экспертное мнение?

— Да я вообще ничего такого не имел в виду, — начал он неуверенно, словно сам не до конца понимал, что сказал. — Просто было бы логично... стать более похожей на местных.

— Более похожей?! — Мои брови полезли наверх.

— В смысле... — он дёрнулся, торопливо разводя руками, и запутался ещё больше.

— Я в этом платье тебя больше не устраиваю? — я смотрела прямо на него, стараясь скрыть нарастающее раздражение. — Может, ты уже нашёл образец, под кого меня хочешь подогнать?

Гек застыл с чашкой в руке, а Джей резко отстранился, стараясь держаться подальше от линии огня. Они оба смотрели на нас, не зная, стоит ли вмешаться или лучше не дышать.

— Бекки, да ты что! — Том буквально подпрыгнул на месте. — Да мне никто, кроме тебя, вообще не нужен!

Я усмехнулась:

— Даже та продавщица, на фудкорте, которая так мило тебе улыбалась?

— Я представления не имею, о ком ты говоришь, — растерянно выдал Том. — Ты у меня самая лучшая, какая есть, вообще самая!

— Но платье всё же поменять надо?

— Ну... — Том запнулся, но потом безысходно выдохнул: — Да, потому что ты слишком заметная.

Я прикусила губу. В его словах была правда — колючая, как репей. Но сдаваться сейчас — всё равно что признать поражение, а я ещё не закончила этот бой.

— И чем же я так заметна?

— Тем, что никто здесь так не одевается!

— Ах, ну конечно. Значит, если я надену что-то другое, то сразу стану достаточно удобной, чтобы никто не косился?

— Нет, конечно, но по крайней мере, на тебя не будут смотреть так, как в тот раз...

Я резко замолчала.

В тот раз. В тот миг, когда я почувствовала, что моя одежда для кого-то не просто платье, а приглашение.

Я опустила глаза.

Почему он всегда говорит не так, как надо? И почему я опять должна догадываться, что он «на самом деле имел в виду»?

— Ты прав.

Том медленно выдохнул, а Гек поддержал его:

— Нам всем нужна одежда. Особенно тебе, Бек, но и мы выйдем странно.

Я по-новому посмотрела на друзей. В музей мы все старались одеться нарядно — чистые рубашки, аккуратные жилетки, у Тома даже ботинки были начищены до блеска. Но здесь, в этом странном городе, наша лучшая одежда смотрелась нелепо.

— Но где мы возьмём новую одежду? — спросила я, машинально поправляя пояс на своём платье. — Это же не за один день делается.

Том задумчиво потёр подбородок.

— Ага. Хороший костюм — это минимум неделя работы. Мастер Брандон из Сент-Луиса мог, конечно, сотворить чудо и сшить два за неделю, но только если не спал, не ел и даже не разговаривал. И то, при условии, что ткань уже выбрана и заказана... Без портного — хоть мешок на себя надевай.

— Портной нам не понадобится, — заметно оживился Джей.

Мы разом обернулись к нему.

— В каком смысле? — Том посмотрел на него с интересом.

— Потому что есть места, где одежду продают уже готовую.

Я удивлённо приподняла брови.

— Готовую? Ты имеешь в виду не просто бельё и рабочие рубахи, а костюмы и платья? Но это же невозможно! У каждого человека свои мерки, своя фигура. Я не хочу выглядеть как пугало в чём-то, что шили непонятно под кого.

Джей даже рассмеялся, глядя на моё выражение лица:

— Бек, да никто не даст тебе выглядеть, как пугало! Пойдём в молл, там огромный выбор, и точно есть что-то по твоей фигуре.

— В молл?

— Это как ярмарка, только очень большая и под крышей. Там можно купить одежду, еду и вообще всё, что угодно.

— Отлично, — подвёл итог Том, отодвигая чашку с кофе. — Значит, решено. Идём смотреть этот молл.

Мы быстро помыли посуду и начали собираться. Я поправляла причёску. Том натянул куртку. Гек завязывал ботинки.

Джей уже был готов и стоял у окна, погрузившись в телефон. Внезапно он оживился, удивлённо поднимая брови:

— Вот это да... Вы только посмотрите!

— Что там? — тут же заинтересовался Том, поворачиваясь к нему.

— Видео, которое мы вчера сняли. Оно набрало кучу просмотров, — с искренним восторгом сообщил Джей.

Внутри зашевелилось неприятное беспокойство от мысли, что теперь нас разглядывает множество чужих глаз.

— А «куча» это сколько?

Джей развернул телефон экраном к нам:

— Смотрите сами.

— Ничего себе, — протянул Гек, заинтересованно заглядывая в экран.

Том склонился поближе.

— Да уж, неплохо получилось...

Джей пролистал что-то, и глаза его загорелись ещё ярче:

— В комментариях просто пожар! Послушайте, что пишут:

„Как они так естественно играют?! Реально простаки из прошлого!“

Том удовлетворённо фыркнул:

— Ха, ещё бы! Мы так играем, потому что живём этим театром.

Джей весело взглянул на нас и продолжил:

„Девушка невероятная! Как передаёт эмоции! Это же чистое золото!“

Я изумлённо моргнула:

— Это... обо мне?

— Конечно! — Джей улыбнулся мне ободряюще.

Том кивнул:

— Я давно говорил, что ты талантлива, и вот они это заметили.

Я театрально закатила глаза, но на губах у меня заиграла улыбка.

Джей вдруг нахмурился и чуть менее уверенно зачитал следующий комментарий:

„Очередные попрошайки, просто на камеру паясничают!“

Том мгновенно помрачнел:

— Замечательно, теперь мы ещё и попрошайки. Интересно, что и у кого мы выпрашивали?

Джей быстро пролистал дальше, пытаясь сгладить неловкость:

— Тут другое есть: „Хочу посмотреть, как они освоятся в городе. Вот это будет шоу!“

Том посмотрел на нас, почесал лоб, явно обдумывая какую-то новую идею.

— Хм...

Гек насторожился:

— Что ты задумал?

— Просто интересно стало, — выражение лица Тома сменилось с задумчивого на озорное. — Они сомневаются, что мы справимся. Надо им показать, на что мы способны!

— Том... — начала я, заранее зная, что его уже не остановить.

— Нет, серьёзно, Бекки. Мы можем доказать, что не такие уж мы и простаки.

Гек скептически приподнял бровь:

— И как ты собираешься это доказывать?

— С помощью Джея, конечно! — Том хлопнул его по плечу, явно не рассчитав силу.

— Ты хочешь, чтобы я ходил за вами с камерой и снимал каждый ваш шаг? — спросил Джей, слегка поморщившись и потирая плечо.

— Ага! Ты снимай, а мы покажем, как настоящие герои прошлого осваиваются в будущем.

Я тяжело вздохнула, словно только что смирилась с неизбежной катастрофой, но уголки губ всё равно предательски дрогнули:

— Только этого нам и не хватало... Теперь у нас ещё и репутация простаков на весь город.

* * *

Том торжествующе потряс в воздухе пачкой купюр.

— Две тысячи баксов! — заявил он, ухмыляясь, словно только что провернул самое удачное дельце в жизни. — Я знал, что старая добрая Сидящая Свобода ещё пригодится.

— Вот это да... — Гек присвистнул, недоверчиво глядя на деньги. — За один доллар?

— Не простой доллар, — Том сделал паузу, подчёркивая каждое следующее слово. — Коллекционный. Редкий. Исторический!

Я улыбнулась и легонько подтолкнула его плечом:

— Ты его так расхваливал, словно сам отчеканил. Прямо директор монетного двора.

— И, как видите, это сработало! — добавил Том, хлопнув себя по карману. — Таких монет у нас ещё несколько, так что какое-то время точно продержимся.

— Ну что, едем в молл тратить наше богатство! — бодро сказал Джей, кивнув в сторону выхода.

— Самое время! — Том аккуратно сложил деньги во внутренний карман. — А далеко?

— Не очень, но пешком не дойти. Придётся ехать на метро.

Я растерянно посмотрела на Джея.

— Метро? Это ещё что такое?

— Сейчас увидите, — Джей вытащил телефон и заговорщицки посмотрел на нас. — Думаю, в метро выйдет отличное видео. Главное — держись естественно.

— Что именно ты хочешь снять? — насторожился Том.

— Ну, например, — Джей нажал запись и направил телефон на нас, — как Том Сойер впервые узнаёт, что поезда могут ездить под землёй.

Я открыла рот. Услышанное никак не укладывалось у меня в голове.

— Подожди... поезда? Под землёй?!

Том уставился на Джея:

— Это шутка?

— Никаких шуток.

Я резко остановилась:

— Мы что, шахтёры? Или покойники?! — выдохнула я. — Разве нормальные люди добровольно залезают под землю?!

— Как они туда помещаются? — Том озадаченно почесал затылок. — Поезда же огромные, а под землёй места нет!

— Туннели вырыли, вот и помещаются, — спокойно пояснил Джей, заметив наше замешательство. — Слушайте, это же просто транспорт. Даже дети каждый день ездят.

— Пусть каждый ездит, как ему вздумается, — проворчал Гек. — Лично Гек Финн не собирается ползать по туннелям, как крот.

— Да ладно вам, — Джей ободряюще улыбнулся сконфуженному Геку и, продолжая снимать, потянул его за руку в толпу. — Неужели Том Сойер и Гек Финн спасуют перед тем, чего не боятся даже маленькие девчонки? Пойдёмте, сами всё увидите. Обещаю, будет весело.

Мы двинулись следом.

— Я не доверяю этой идее, — пробормотал Гек, однако руку из ладони Джея не убрал и просто следовал за ним.

— Я записываю, — напомнил Джей, ловя на камеру наши ошарашенные лица.

Перед нами с глухим и размеренным гулом ползло вниз нечто огромное, напоминающее гигантскую металлическую гусеницу, которая медленно утягивала людей в распахнутую пасть подземного монстра. Люди покорно исчезали внутри, словно были заморожены, даже не пытаясь сопротивляться.

— Джей, я передумал! — в панике вскрикнул Том, резко пытаясь выбраться против течения. — Давайте пешком! Пешком полезно для здоровья, заодно и город осмотрим!

Но безразличная толпа безжалостно толкала нас вперёд, прямо в утробу жуткой машины. Гек в ужасе вжался в бок Джея, судорожно схватившись за его руку, будто тот был его последней надеждой:

— Умоляю, не отпускай меня! Я ещё не готов стать завтраком!

Я в отчаянии обняла Тома и выпалила:

— Если нас сейчас проглотит эта адская тварь, знай, Том Сойер, я люблю тебя!

Том побледнел, но, посмотрев мне прямо в глаза, крепко прижал к себе и со всей возможной решимостью заявил:

— Я с тобой, Бекки! Будем сопротивляться до последнего вздоха!

Так, не разжимая объятий, мы и шагнули на движущееся железное полотно.

— Это не адская тварь, это эскалатор, движущаяся лестница, — проговорил Джей, и я едва уловила в его голосе мимолётную нотку вины, которую тут же полностью вытеснила ирония. — Просто держитесь за поручень, и... скорее всего выживете.

Гек слегка пришёл в себя, осторожно выпустил руку Джея и, цепляясь за поручень, с нервным смешком выдал каламбур:

— Ага, держитесь за поручень, чтобы не упасть зверю прямо в пасть!

Наконец движущаяся лестница вытолкнула нас на твёрдую поверхность. Мы с облегчением почувствовали под ногами надёжный, неподвижный пол. Том поправил одежду, огляделся вокруг и заметно приободрился.

— Знаете, для кругов ада здесь неплохое освещение, — заметил он, с любопытством рассматривая потолок и сияющие панели на стенах. — И дышится легко — о грешниках здесь явно заботятся.

Он уже совсем расхрабрился и с подчёркнутым безразличием начал прогуливаться по платформе, разглядывая яркие указатели и с любопытством читая непонятные вывески на стенах, словно находился на обычной городской улице, как вдруг под ногами что-то едва ощутимо завибрировало. Сперва это было похоже на лёгкий озноб, пробежавший по ногам, но постепенно вибрация усилилась, распространяясь по всему телу.

— Что это?.. — тихо пробормотал Гек, вновь придвигаясь поближе к Джею.

Внезапно из глубины туннеля донёсся резкий металлический лязг, такой пронзительный и зловещий, будто кто-то огромный грыз стальные прутья. Сердце глухо стукнуло в груди, и мы одновременно повернулись в сторону чёрного туннеля.

— Что-то мне подсказывает, что это не паровоз, — неуверенно прошептал Том.

И тут, ослепляя нас своим ярко горящим глазом, из тёмного зева медленно выполз гигантский металлический червь. Том невольно отступил на шаг, явно готовый броситься обратно к лестнице, но существо уже начало замедляться. Тяжело и устало шипя, червь остановился прямо перед нами, громко вздохнул и с неожиданным гостеприимством распахнул перед нами свои двери.

Джей виновато пожав плечами мягко подтолкнул нас вперёд:

— Я же говорил, это всего лишь подземный поезд. Видите, никто никого не собирался скармливать чудовищам.

— Я окончательно поверю, только когда снова окажемся на поверхности, — сказал Гек, старательно изображая недоверие, но смотрел при этом на Джея так тепло, что сразу было понятно: вместе с ним он готов встретиться с любыми местными чудовищами.

Мы зашли внутрь, двери с тихим шипением закрылись, и поезд неожиданно резко дёрнулся. Том взмахнул руками и едва не упал. Джей уже открыл рот, чтобы что-то сказать, но Том быстро его перебил:

— Помню, помню... Держаться за поручни!

Он заметил камеру, тут же выпрямился, и с подчёркнутым спокойствием проговорил:

— Ну что ж, ничего особенного. Поезд как поезд. Замечу, что едет мягко, и внутри достаточно тихо.

Гек не сдержался и фыркнул:

— Том, у тебя глаза сейчас шире, чем у перепуганного енота.

Джей выключил камеру, и Том, расслабился, снова становясь самим собой:

— Ну как, Джей, достаточно естественно получилось или переснимем?

Станции одна за другой проплывали за окном, сменялись люди, открывались и закрывались двери, и постепенно я начала успокаиваться. Дыхание выровнялось, мысли перестали

путаться в голове. Но какая-то непонятная тревога никак не проходила, словно заноза, которую не сразу замечаешь, но которая начинает болеть всё сильнее.

Я внимательно прислушалась к себе и вдруг ясно поняла: тревога была связана именно с Томом. Почему-то именно его поведение, его слова, точнее, их отсутствие в нужный момент не давали мне покоя. И чем сильнее я пыталась это игнорировать, тем отчетливее становилось раздражение.

Я осторожно взглянула на Тома. Он стоял рядом с Геком, и оба старательно делали вид, что всё давно забыли и ни о чём не волнуются.

— Знаешь, Том, — заговорил Гек, стараясь придать голосу уверенность, — под землёй даже лучше, чем наверху. Тут хоть эти вонючие автомобили не снуют туда-сюда.

Том тут же подхватил:

— Точно! И людей кругом много. Все живые, приветливые. Есть с кем словом перекинуться, пока едешь. И вообще, совсем не страшно!

Вот тут я не выдержала, резко повернулась к нему и выпалила слова, которые уже невозможно было сдержать:

— Конечно, тебе совсем не страшно, Том! Ты же вообще ничего не чувствуешь! Ни бояться, ни переживать, ни даже... любить не умеешь!

Том замер на полуслове и уставился на меня совершенно растерянно, явно не понимая, что я имею в виду и откуда взялось это внезапное обвинение.:

— Что?.. Бекки, это ты сейчас о чем?

Я поспешно отвела взгляд в сторону, упрямо смотря куда-то на рекламные плакаты и чувствуя, как лицо горит от внезапно нахлынувших эмоций.

— Да что случилось-то, Бекки? — повторил Том, по-прежнему сбитый с толку.

— Ничего, — сказала я подчеркнуто равнодушно. — Всё в полном порядке.

— Только что я был бесчувственным, а теперь уже ничего?

Я сердито вздохнула и бросила на него быстрый взгляд:

— Ну просто... есть вещи, которые можно было бы сказать. Но кое-кто просто не догадался это сделать. Вот и всё.

— Какие вещи? — Том совсем запутался, а Гек отодвинулся чуть дальше, показывая, что он ни при чём.

Я снова вспыхнула:

— Ну, нормальные слова... которые обычно говорят... когда человек... говорит тебе что-то важное.

Том моргнул, затем осторожно спросил:

— Ты сейчас про «спасибо» или... «пожалуйста»?

— Вот сейчас ты просто издеваешься, Том Сойер! — гневно прошипела я.

Том беспомощно развел руками, почти отчаявшись:

— Нет, не издеваюсь! Честное слово, Бекки, я вообще ничего не понимаю!

Я снова отвернулась и, понизив голос, пробормотала, глядя себе под ноги:

— Ну, понятно же... что если человек признаётся тебе в чувствах, наверное, надо хоть что-то сказать в ответ...

Том ошарашенно замер, словно до него постепенно доходил смысл моих слов:

— Погоди-ка... Ты что, решила, что я тебя не люблю?!

Я ничего не ответила, упрямо продолжая изучать пол вагона.

— Бекки, — его голос прозвучал чуть отчаянно, — да я же очень тебя люблю! С чего ты взяла такую глупость?!

Я резко повернулась к нему и, пристально глядя прямо в глаза, спросила с вызовом:

— А почему тогда ничего не сказал?

Том растерянно шагнул ко мне, словно хотел взять за руку или успокоить, и неуверенно произнёс:

— Но я же сказал...

Я тут же отстранилась и язвительно бросила:

— Что ты сказал? Ну, знаешь ли, не велика честь — умереть с человеком, который тебя не любит!

Том бросил быстрый взгляд на друзей. Гек пристально разглядывал собственные ботинки, Джей изучал потолок. Поняв, что поддержки ждать бесполезно, Том вздохнул и снова повернулся ко мне:

— Бекки, я тебя люблю. Люблю так, что... ну хоть прямо сейчас могу поклясться на чём угодно!

— Да ну? — съязвила я, но почувствовала, что голос начал смягчаться против моей воли. — Может, и на Библии поклянёшься?

Том ответил, не моргнув глазом:

— Да хоть прямо сейчас! И на Библии, и на чём угодно. Хочешь — хоть жизнью Гека поклянусь!

— Эй-эй, минуточку, — пробурчал Гек, не поднимая головы. — Вот меня сюда приплетать не надо.

Я невольно фыркнула, но старалась не улыбаться слишком явно:

— Я вообще не понимаю, Том, почему мне нужно из тебя слова клещами вытягивать. Это ведь так просто: «Я тебя люблю». Всего три слова!

Том в отчаянии развёл руками:

— Я люблю тебя! Я тебя очень сильно люблю! Я даже готов кричать это на весь вагон, если хочешь!

— Вот это лишнее, — быстро вставил Джей деловым тоном, как опытный дипломат, почувствовавший, что мирный договор уже почти подписан и одна из сторон близка к капитуляции. — Здесь и так все уже услышали.

Пассажиры вокруг начали тихонько хихикать и перешёптываться, с любопытством поглядывая в нашу сторону.

— Ладно, — уже более мягко сказала я. — Может быть, я и поверю тебе...

В этот момент двери открылись, и Джей начал подталкивать нас к выходу:

— Так, мы приехали! Выходим!

Я демонстративно первая вышла на платформу, гордо подняв подбородок и стараясь не оглядываться назад. Мальчишки неловко выбрались следом, тихо переговариваясь за моей спиной. Слух мой был обострён до предела, и я отчётливо слышала каждое их слово.

— Гек, — жаловался шёпотом Том, совершенно потерянный, — ну вот скажи, что я сделал не так? Почему она разозлилась?

Гек вздохнул так, словно Том задавал ему загадку про сложнейшие законы природы:

— Понятия не имею, Том. Я за ней тоже иногда не успеваю. Сначала одно, потом другое... А ты вот вообще чего-нибудь понял?

— Да ничего! — горячо и отчаянно выдохнул Том. — Я же сказал ей, что люблю! Что она ещё хотела услышать?

— Какие же вы остолопы, — негромко рассмеялся Джей. — Слушать вас без слёз невозможно.

Том озадаченно пробормотал:

— А что опять не так-то?

— Нет, ну серьёзно. Девушка говорит тебе: «Я люблю тебя». А ты в ответ про то, как здорово умереть вместе? Это вообще в каком мире нормально звучит?

— А что я должен был ответить? — неуверенно пробормотал Том.

— Ой, ну конечно, это же очень сложно, — язвительно протянул Джей с такой выразительной интонацией, что я отчетливо представила себе его театральную гримасу. — Вот так трудно додуматься сказать три простых слова.

— Том вообще-то много раз говорил, — вступился Гек. — Я сам сколько раз слышал. Бекки что, забыла?

Я едва удержалась, чтобы не остановиться и не развернуться прямо к ним, но любопытство заставило идти дальше и слушать ещё внимательнее.

— Она не забыла, — весело и язвительно пояснил Джей. — Просто девушка хочет слышать это не тогда, когда вам удобно, а именно в тот момент, когда сама сказала что-то важное. Особенно, если сказала первой.

— То есть я должен был ответить сразу, как она?.. — Том пытался усвоить новую для себя мысль.

— Вот именно! — перебил его Джей. — А иначе девушка думает, что тебе на неё наплевать. Элементарно же!

Том замолчал окончательно сбитый с толку, а потом жалобно спросил:

— И что же мне теперь делать-то?

Джей равнодушно ответил:

— А вот это, Том Сойер, ты уже должен понять сам.

После этого голоса смолкли. Я продолжала идти вперёд, не оборачиваясь и не замедляя шаг. Неожиданно я почувствовала, как мою руку осторожно, будто спрашивая разрешения, коснулась знакомая тёплая ладонь Тома. Я не стала сопротивляться и позволила ему идти рядом.

Так, держась за руки, мы взошли на эскалатор. Я оказалась на ступеньку выше, и теперь наши глаза были почти на одном уровне. Том чуть наклонился вперёд, приблизившись совсем близко, и тихо прошептал мне прямо на ухо:

— Бекки, я правда очень сильно тебя люблю. Пожалуйста, никогда больше в этом не сомневайся.

Эскалатор вынес нас на городскую площадь — длинную, но не очень широкую.

Высоко вверх уходили белоснежные колонны, словно рёбра какого-то огромного животного, и сходились где-то на невидимом позвоночнике. Между ними тянулось стеклянное небо, пропускающее солнечный свет. По обеим сторонам площади располагались магазины и кафе в два этажа. У второго этажа был свой собственный тротуар, и люди прогуливались по нему, разглядывая витрины и витражи.

Том с открытым ртом осматривался вокруг.

— Джей, а зачем нам в какой-то ещё молл идти? Тут, на площади, и так полно самых разных магазинов. Всё, что надо, купим прямо здесь!

Джей рассмеялся, явно наслаждаясь нашим замешательством и эффектом от увиденного.

— Том, это и есть молл! Вот эта площадь — только небольшая его часть, остальные магазины глубже в здании.

Гек замер, глядя на Джея с искренним ужасом:

— Ещё магазины? Нам бы тут за день всё обойти, не говоря уже про что-то там дальше!

Джей бодро хлопнул его по плечу и заверил:

— Да не переживайте вы так! Мы забежим в один магазинчик одежды, потом обувь подберём и продуктов купим. Всего три места — и сразу обратно.

Джей уверенно повёл нас через лабиринт витрин и сверкающих вывесок.

«Магазинчик» занимал целых три этажа, и каждый из них был размером с добротную хлопковую плантацию. Вещи висели на бесконечных железных стойках, были аккуратно разложены на полках и демонстрировались на манекенах в самых невероятных сочетаниях. Огром-

ные экраны на стенах показывали счастливых людей, живущих в свободном, движущемся, полном блеска мире.

Мы все вместе медленно повернулась к Джею, глядя на него с немим укором. Он лишь пожал плечами и улыбнулся ещё шире:

— Ну, я же не уточнял, какого размера этот магазинчик.

Мы медленно шагали между длинными рядами одежды. Я пока не видела ничего, кроме брюк: узких и широких, длинных и коротких, с непонятными карманами, ремешками, пуговицами в самых неожиданных местах. Я не могла даже представить, зачем это всё нужно и как это носить.

— Джей, а женская одежда тут вообще продаётся?

Джей сперва растерялся, но тут же улыбнулся и мягко пояснил:

— Бек, это и есть женский отдел. Теперь и девушки, и парни — все ходят в штанах.

Тут же послышался голос Тома:

— Не знаю, зачем местным дамочками потребовалось влезать в штаны, не мое дело. Но если в мужском отделе я увижу юбки...

Однако мужская одежда не оправдала его опасений. Хоть вещи здесь и выглядели необычно, они всё же оставались вполне узнаваемыми, и почти всегда было понятно, где верх, а где низ.

Том снял со стойки серый костюм и принялся внимательно его осматривать с разных сторон.

— Выглядит... нормально, — заключил он.

Джей посмотрел на Тома, на костюм и по-деловому заметил:

— Лет через пятнадцать он будет тебе в самый раз. А пока примерь вот этот, твоего размера.

— А под него нужна рубашка или что-то такое, — Том растерянно огляделся, будто ища подсказку.

— Идём, покажу, — Джей увлёк нас в соседнюю секцию. — Вот футболки, там дальше рубашки, а вот здесь поло — для тех, кто не может определиться.

Том снял одну из футболок с вешалки и скептически провёл по ткани пальцами:

— Гек, глянь. Очень похоже на гимнастическое трико из цирка. И это правда можно надеть с пиджаком?

— Конечно, — уверенно сказал Джей. — Сейчас это самая популярная одежда.

Том с сомнением повертел футболку, быстро проверил ценник и удовлетворённо кивнул:

— Десять долларов... Ну ладно, разумно.

Он уже повернулся к примерочной, но взгляд тут же зацепился за соседнюю стойку. Там висела точно такая же футболка, только с ярким изображением богатого головного убора индейцев и надписью «CHIEF» крупными буквами.

Том тут же приложил её к себе, выпятив грудь:

— Настоящий Вождь! — торжественно объявил он, после чего глянул на бирку. Его лицо тут же изменилось: — Сто сорок девять девяносто девять?!

Гек заинтересованно заглянул ему через плечо:

— Ну, быть вождём — дело накладное, — философски заметил он.

Том фыркнул и снова повертел футболку:

— Зато перья уже включены в стоимость!

Он уже собирался вернуть её обратно, но вдруг хитро улыбнулся:

— Хотя...

Гек подозрительно прищурился:

— Том... ты серьёзно?

— А что? — Том с вызовом закинул футболку на плечо. — Раз уж я здесь, почему бы не примерить титул? Примерить, Гек, не покупать же. Настоящий вождь не платит за свою корону.

Том с самодовольной улыбкой направился к примерочной, и мы неспешно двинулись следом, поглядывая на ряды одежды. Гек замедлил шаг возле секции с плотной синей тканью и вытащил добротные штаны с металлическими заклепками и пуговицами.

— О, вот это вещь! — одобрительно заметил он, ощупывая грубоватую ткань. — Крепкие, не рвутся, грязи не боятся.

Он уже собирался прикинуть их размер, когда его внимание привлекли соседние штаны, протертые почти до дыр и в пятнах засохшей краски. Гек подошел поближе и с недоумением стал разглядывать:

— Так теперь старую рабочую одежду перепродают тем, кто победнее? Ну, правильно — ничего зря не пропадает. Молодцы, бережливые!

Довольный собственной догадливостью, он мельком глянул на ценник и замер с приоткрытым ртом.

— Двести баксов?!

Он резко обернулся к Джею:

— Джей, тут явно ошибка?

— Нет, всё правильно.

— Но это же рабочие штаны! — Гек возмущённо потряс ценником. — Они рваные и грязные! В них явно кто-то уже возил дрова и красил забор!

Джей с усмешкой покачал головой:

— Не совсем. Это новые штаны, их специально порвали и облили краской.

Гек молча посмотрел на штаны, потом снова на Джея, будто проверяя, не шутит ли тот.

— То есть кто-то добровольно хочет выглядеть как оборванец?

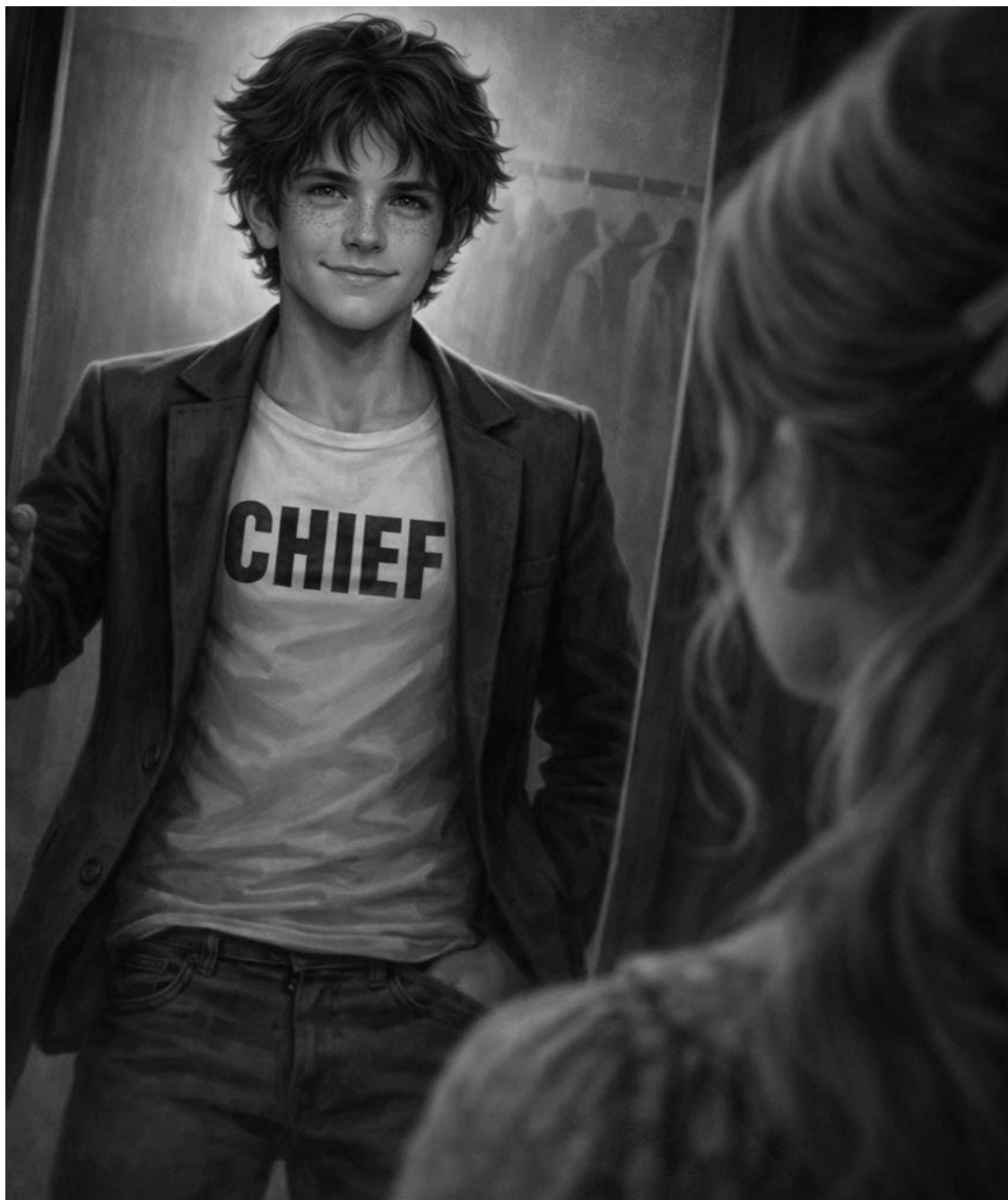
— Ага, сейчас это модно.

Гек покачал головой и усмехнулся с лёгкой ностальгической гордостью:

— Помню времена, когда я был главным законодателем такой моды... Но теперь побыть простым оборванцем стало неприлично дорого.

Гек притворно вздохнул, взял добротные синие штаны и направился вслед за Томом.

— Эй, Вождь, освобождай место!

В следующий миг дверь примерочной распахнулась... Сердце моё подпрыгнуло так высоко, что больно шлёпнуло по отвисшей челюсти, а потом стремительно рухнуло куда-то вниз. Пиджак на Томе был расстёгнут, открывая тонкую ткань футболки, плотно обтягивающей его грудь и живот. На фоне тёмного костюма яркая надпись **CHIEF** смотрелась ещё более дерзко и уверенно. Шея была открыта. Том выглядел настолько эффектно, что я на несколько мгновений даже забыла, как дышать.

Том вертелся у зеркала, удивлённо двигая плечами и явно привыкая к новым ощущениям:

— Странно. Я привык, что костюм держит форму, а этот такой лёгкий и мягкий... Будто пижама какая-то. Бекки, как тебе?

Я не сразу поняла, что он ко мне обращается, пока он не повторил с лёгкой тревогой:

— Бекки, ты чего?

— Ничего, — ответила я слишком быстро, чувствуя, как горят щёки. — Просто... тебе очень идёт.

Я тут же резко повернулась к Джею, пытаясь скрыть смущение:

— Джей, срочно! Идём искать мне платье, иначе мы до ночи отсюда не уйдём!

И, схватив его за руку, решительно повела прочь от примерочных.

Пришлось изрядно покопаться, прежде чем я нашла платье, за которое зацепился взгляд. Оно было насыщенно-голубым, с аккуратными складками и тонкими бретелями.

Я осторожно сняла его с вешалки и приподняла, разглядывая. Ткань оказалась мягкой и податливой, приятно струилась в руках и совершенно не напоминала тяжёлые, жёсткие наряды, к которым я привыкла.

Поднеся его к груди, я повернулась к зеркалу. Оно было... невесомым. Ни шнуровки, ни корсета, ни тугих лент, от которых перехватывает дыхание. Его можно было просто и быстро надеть самой.

Я бережно прижала платье к себе и с нетерпением шагнула в примерочную. Ткань приятно скользнула по коже, мягко обняв талию и свободно легла по фигуре. Я отступила на шаг, повернулась влево, вправо, слегка разгладила ткань ладонями. Это было совершенно новое чувство: платье, лёгкое и естественное, будто стало частью меня. Оно мне безумно нравилось.

С лёгкой опаской я поискала взглядом этикетку, спрятавшуюся среди складок ткани. Сердце ёкнуло, когда я увидела цифры на ярлыке.

Триста долларов?! Из чего же оно сделано, если стоит таких денег?

Я осторожно перевернула бирку. Внизу мелкими буквами значилось: «Made in China».

— Джей, — я выглянула из примерочной, растерянно держа этикетку в руках. — Тут написано, что платье сделано в Китае. Может, это какой-то особенный китайский шёлк?

Джей шагнул ближе, внимательно изучил ткань и слегка потёр её пальцами, словно проверяя моё предположение на ощупь.

— Это разве шёлк?

Я снова провела ладонью по платью, неуверенно ощупывая ткань.

— Ну... Оно же мягкое, гладкое...

— Нет, это хлопок. Просто очень хорошо обработанный, — пояснил Джей и ещё раз потрогал ткань. — Пару сезонов точно прослужит.

Я озадаченно прикусила губу.

— Тогда почему так дорого?

Джей пожал плечами, словно это было совершенно очевидно:

— Потому что в Китае сейчас самые современные текстильные фабрики. Всё, что качественное и модное, шьют именно там.

Я ещё раз посмотрела на бирку, чувствуя, что окончательно запуталась.

— А где тогда делают дешёвую одежду?

Джей кивнул в сторону соседнего ряда платьев, висевших более плотно и небрежно.

— В Мексике, Бангладеш, Индонезии...

Я растерянно огляделась по сторонам, пытаясь собрать мысли. Картина явно не складывалась.

— А у нас? — наконец спросила я. — Америка же такая большая страна, столько людей... Неужели никто здесь не шьёт одежду?

Джей тихо хмыкнул:

— Ну, если ты готова отдать за платье не триста, а три тысячи долларов, можно поискать. В Америке теперь шьют только ценники. Это называется глобализация.

Я задумчиво посмотрела на себя в зеркало. Платье всё ещё выглядело идеально. Но теперь я почему-то хотела его снять.

Я тяжело вздохнула и уже собралась вернуться в примерочную, когда услышала за спиной:

— Подожди.

Я вздрогнула и подняла глаза к зеркалу. Том стоял чуть сзади и внимательно разглядывал моё отражение.

— Том, оно дорогое, — я покачала головой.

— И что? — он пожал плечами.

— Ты правда хочешь отдать триста долларов за платье? — спросила я, стараясь сохранить ровный голос.

Он усмехнулся:

— Нет. Я хочу, чтобы ты осталась в нём. А сколько оно стоит — не имеет значения.

Я закусила губу, не зная, что ответить.

Том шагнул ближе и тихо добавил, глядя мне в глаза через отражение:

— Оно тебе... очень идёт, Бек.

Я замерла. Это были те самые слова, которые я недавно бросила ему торопливо и смущённо, стараясь скрыть своё волнение. А теперь он сказал их так просто и уверенно, что у меня внутри сразу стало легко и тепло.

Секунду мы молча смотрели друг на друга через зеркало. Потом Том прихватил свой пакет и убежал назад к Геку.

Я улыбнулась ему вслед и, ещё раз мельком взглянув на своё отражение, направилась обратно в примерочную. Внутри меня с укором встретило моё старое платье. И тут я поняла, почему в новом платье было так легко и свободно.

Я осторожно выглянула из примерочной:

— Джей... а если здесь нет корсета, что тогда поддерживает... ну... грудь?

Он на мгновение замер, слегка отвёл глаза, явно смутившись моего вопроса, но потом тихо сказал:

— Там есть кое-что... Пойдём, сама увидишь.

Джей подвёл меня к большой витрине с лаконичной надписью сверху: «БРА». На ней ровными рядами висели аккуратные, изящные... *штуки* из мягкой ткани с тонкими лямками и небольшими чашечками. Некоторые были украшены кружевом, другие — гладкие.

Я взяла одну из них и удивлённо покрутила перед собой.

— Как... хитро придумано... и при этом очень просто. Без проволоки, без жёстких пластинок... Почему они все такие разные?

— Ну... у каждого свои предпочтения. Кому-то шире, кому-то уже, мягче, плотнее. Кому как удобнее, — пояснил Джей.

Я приподняла брови:

— *Удобнее?*.. Надо попробовать.

В примерочной я долго и неуклюже боролась с маленькими крючками на спине. Они никак не хотели застёгиваться, сколько бы я ни старалась.

Я вздохнула и слегка смущённо выглянула наружу:

— Джей, прости, конечно... но как вообще женщины это застёгивают?

Джей едва сдержал улыбку и уверенно посоветовал:

— Попробуй застегнуть спереди, а потом уже поверни на место.

Я кивнула, снова спряталась за занавеской и последовала его совету. Теперь всё получилось легко и быстро. Я осторожно поправила лямки на плечах, сделала глубокий вдох и...

— Боже... Я же дышу!

Я выдохнула, провела руками по рёбрам, потом немного повернулась, наклонилась вперёд. Он держит... но не сдавливает.

— Это... это же невероятно. Почему раньше до этого никто не додумался? Джей, можешь дать ещё парочку? Хочу сравнить.

Он быстро принёс ещё несколько «бра», и я начала их рассматривать и ощупывать, одну за другой. Среди них сразу выделилась модель со странными мягкими вставками внутри чашечек.

— А это что?

— Пуш-ап.

Я вопросительно подняла глаза:

— Пуш-ап?

Джей наклонил голову, будто подбирая слова.

— Ну... он делает так, чтобы казалось больше, чем есть на самом деле.

Я провела пальцами по дополнительным вставкам и вдруг фыркнула.

— Так вот оно что. Всё-таки за двести лет ничего не изменилось. Люди по-прежнему пускают пыль в глаза.

Я покачала головой, откладывая «пуш-ап» в сторону.

— Хотя... этот способ гораздо удобнее, чем корсет. Мама использует «пуш-ап» всю жизнь. Просто её вариант пробивает пол, если его уронить.

Джей коротко рассмеялся и посмотрел на меня вопросительно:

— Так какой берёшь?

— Самый обычный. Тот, в котором я могу дышать. Этого достаточно... — Я сделала короткую паузу и озорно подмигнула. — Для начала.

* * *

Мы выбрались из магазина, нагруженные пакетами. Том сиял той особой улыбкой человека, который пережил изматывающее испытание и теперь вправе собой гордиться.

Я перебрала в голове покупки. Платье, пара футболок, которые сперва показались странными, но на деле оказались очень удобными. Мягкая кофта, которую просто не хотелось выпускать из рук. Короткие штанишки, которые выглядели как юбка. Выйти в них на улицу я, скорее всего, вряд ли решусь, но для дома, пожалуй, сойдёт. Впрочем, на всякий случай я прихватила и обычную юбку.

Все обзавелись бельём и носками. А вот с обувью всё оказалось куда сложнее.

Среди бесконечных полок, уставленных туфлями, ботинками и сапожками сразу бросилось в глаза невероятное чудо, возвышающееся на стеклянном подиуме в середине зала. Пара изящных туфелек с тонкими лямками сверкала так, словно ей место не в магазине, а в сокровищнице. Я невольно затаила дыхание и осторожно приблизилась, почти не моргая, будто боялась спугнуть это дивное видение.

Туфельки были плотно покрыты крошечными чёрными камнями, которые переливались завораживающим, почти гипнотическим блеском. Казалось, каждая грань таила в себе собственный источник света, и в этом таинственном сиянии было что-то древнее и почти колдовское. Подобные украшения могли позволить себе лишь королевы и герцогини моего мира, из-за них вызывали на дуэли, рушили союзы и даже начинали войны. А здесь это сокровище просто стояло посреди обычного магазина — без охраны, без стеклянного купола и даже без строгих предупреждений, что трогать запрещено.

— Джей... — осторожно позвала я, не отрывая взгляда от туфель. — Сколько стоит такое великолепие?

Джей подошёл ближе и бесцеремонно взял одну туфельку, небрежно перевернув её в руках.

— Семьдесят долларов.

Я растерянно моргнула, не сразу поверив собственным ушам:

— Семьдесят долларов? За туфли, усыпанные чёрными бриллиантами? Да у Тома футболка дороже вышла...

— Это не бриллианты, — пояснил Джей, явно забавляясь моей растерянностью. — Стразы. Искусственный минерал, его русские физики ещё в прошлом веке придумали. Но да, выглядят почти как настоящие драгоценности.

Я медленно покачала головой, всё ещё не до конца веря собственным ушам.

— В наше время даже за одну такую туфельку можно было получить полгорода...

Том вдруг оживился, и в его глазах загорелся знакомый озорной огонёк:

— Знаешь, Гек, когда соберёмся домой, обязательно прихватим с собой несколько пар таких туфелек. Купим себе остров.

— Точно, — подхватил Гек, — и сами себя назначим губернаторами.

Том мечтательно улыбнулся, представив эту картину:

— А если кто-то будет спрашивать, откуда наше богатство, скажем, что распродали обувь из будущего. Никто и не поверит.

Мы рассмеялись и приступили к примерке. Каждая пара обуви оказалась испытанием: привычное не подходило, а странное — напротив, вдруг оказывалось неожиданно удобным. Пока мы спорили и переобувались, незаметно прошло почти два часа. В итоге каждый нашёл себе что-то по душе и по ноге.

Нам осталось купить еду. Джей повёл наш караван с пакетами сквозь толпу торгового центра. Я шла, ощущая странное счастье от простых покупок, и вдруг заметила, что уже несколько секунд непроизвольно киваю головой в такт музыке, звучащей откуда-то сверху.

Я прислушалась. Песенка была простая, как детская считалочка.

"A, B, C, D, E, F... you"

Моя челюсть, кажется, отвалилась до пола и, словно старая ставня, повисла в таком положении. Я помотала головой, пытаюсь убедить себя, что мне это послышалось.

— Что?.. — выдохнула я и выронила из рук пакеты.

Но музыка беспечно продолжала звучать, даже не думая извиняться:

«F you and your mom and your sister and your job...»

Сердце забило быстрее. Я судорожно схватила Гека за руку.

— Гек! Ты это слышишь?! Что это такое?

Он остановился рядом. Внезапно глаза его округлились от изумления — слова песни дошли и до него.

— Да не может быть... — растерянно пробормотал он. — Она правда это поёт?..

В этот момент Том, заметив наше замешательство, резко развернулся:

— Эй, вы там что такое обнаружили?

— Просто послушай! — взмахнула я рукой вверх.

Том поднял ухо, прислушался и замер, как человек, который заглянул в самый благопристойный колодец и обнаружил там то, чего в таком месте быть категорически не должно.

— Это... это звучит на весь молл?!

— Я про что и говорю! — я повернулась к Тому, словно ища у него подтверждения абсурдности происходящего.

— Джей, честное слово, после такого хочется уши промыть! — возмущённо воскликнул Гек и с мольбой посмотрел на него. — Скажи, почему люди это слушают?

Джей поморщился, словно невольно надкусил что-то кислое, и тяжело вздохнул, глядя вверх с плохо скрытым отвращением:

— Потому что это просто и понятно. Простая мелодия, простая эмоция. Гнев, раздражение, обида. Услышишь один раз — и уже не выбросишь из головы.

Я потрясла головой, чувствуя себя обманутой:

— Но ведь музыка должна быть красивой! Она должна возвышать, вызывать в душе что-то хорошее...

Джей ответил с мягкой иронией, словно я сказала что-то наивное:

— Музыка должна быть популярной.

— А разве это не одно и то же?

— Если бы это было одно и то же, — усмехнулся он, — ты бы сейчас слушала совсем другую песню.

Я открыла рот, но слова застряли в горле. Джей, воспользовавшись моей заминкой, продолжил:

— Теперь музыка — это продукт. Компании, как фабрики, выпускают то, что гарантированно зайдёт на массовый рынок. Чем примитивнее, навязчивее и вульгарнее, тем больше шансов на успех. Слушатели привыкают, и в следующий раз компании выпускают ещё более примитивную песню. Получается замкнутый круг: чем хуже песни, тем больше их слушают, чем больше их слушают, тем хуже становятся песни. А музыканты вынуждены встраиваться в эту систему, чтобы их вообще услышали.

— Но если у кого-то есть настоящий талант...

— То ему гораздо сложнее, чем тем, у кого его нет, — закончил за меня Джей.

— Ты хочешь сказать, что... никто не хочет настоящего искусства?

Он посмотрел на меня серьёзно, без иронии:

— Я хочу сказать, что настоящее искусство выживает вопреки этой системе, а не благодаря ей.

Том задумчиво почесал подбородок.

— Иными словами... если бы Бетховен жил сейчас, ему бы пришлось написать трек под названием «F you»?

Джей хмыкнул.

— Если бы он хотел продаться — возможно.

— А если бы не хотел?

— Тогда он бы играл в маленьком баре перед пятью людьми, которые бы его по-настоящему слушали.

Том вдруг расплылся в улыбке и хлопнул себя по лбу.

— Если все так, как ты говоришь, то Старый Джек точно стал бы здесь суперзвездой!

Гек усмехнулся.

— Точно! Он бы писал лучше них всех!

Джей удивлённо повернулся:

— Кто это?

Том картинно вздохнул.

— Старый Джек был самым талантливым сквернословом в истории Сент-Питерсберга.

Гек кивнул с важным видом:

— Он не просто ругался — он создавал произведения. Мы с другими мальчишками бегали за ним, запоминая лучшие строки!

— Однажды обозвал старого судью так, что тот покраснел до кончиков ушей, но ничего не смог ответить, потому что вышло слишком изящно.

Том глубоко вдохнул и начал цитировать:

There is a story I might tell:

Of law and wisdom straight from hell,

And all the 'virtues' our judge has:

His greed and sloth, a massive...

(Дорогой читатель. Я не Старый Джед и не настолько силен в стихах, но, как умел, постарался сделать перевод максимально близкий по духу. Патетика значительно пострадала. Очень рекомендую читать в оригинале.

Послушай мой короткий сказ:

Его закон — продажный фарс.

Про право, что ведёт нас в ад,

Про жадность, лень... и жирный...

Прим. автора.)

— Том! Я не хочу это слышать еще и от тебя!

Мальчишки только рассмеялись. Я не знала, то ли смеяться, то ли возмущаться.

— Для города это была большая потеря, когда он утонул в канаве по пьяни, — чуть сокрушённо добавил Гек.

— Пастор потом даже упомянул его дар в надгробной речи, — подхватил Том. — Сказал, что у человека был редкий талант.

На несколько мгновений все притихли, невольно отдавая дань памяти старому Джеду.

Я снова посмотрела на динамики.

— А что, если я не хочу слушать вот это вот, а хочу настоящей талантливой музыки?

Джей повернулся ко мне и тепло улыбнулся:

— Тогда тебе придётся хорошо поискать.

Тем временем мы остановились перед входом в огромный зал, залитый ярким светом. Открывшаяся передо мной картина совершенно ошеломляла: полки уходили вдаль бесконечными рядами, а на них лежало всё, что только могла придумать самая богатая фантазия. Фрукты, овощи, ягоды со всех концов земли — яркие, спелые, такие, каких я даже на картинках не видела. Мясо и птица — сочные стейки с жиром и без, красиво упакованный фарш, целая и разделанная курица, и продукты для любого блюда, которое только можно представить. Рядом — огромные головы сыра, ряды аппетитных колбас, бесчисленные виды хлеба и воздушная, мягкая выпечка, аромат которой буквально сводил с ума.

Гек медленно оглядел это впечатляющее изобилие и заметил:

— Судя по количеству еды, голод человечество точно победило.

Он озадаченно покачал головой и с тихой благодарностью добавил:

— Слава богу, у нас есть Джей, иначе мы бы тут пропали навсегда.

Джей уверенно двинулся вперёд, ловко маневрируя между бесконечными рядами и методично наполняя тележку. Он явно заранее всё продумал и сейчас просто собирал продукты согласно какому-то своему внутреннему списку. Мы шагали за ним, пока вдруг не оказались в странном месте. Здесь вместо привычной еды стояли аккуратные баночки и коробки с яркими надписями: «Энергия», «Сила», «Здоровье», «Долголетие».

Том взял коробку в руки и прочитал вслух:

— "Комплексный нутрициологический препарат для поддержания энергетического баланса".

Я подняла брови.

— Джей, можешь перевести?

— Это как панацея от всех болезней, но с более умным названием и без гарантированного результата.

— Так это же патентованное средство! Не ожидал такого увидеть в двадцать первом веке, — усмехнулся Том, вытаскивая другую упаковку. — У тёти Полли полный комод этой дряни — только в её время на бутылках писали «эликсир» и в составе значились два пера совы или дерьмо мамонта.

— Том! — я резко обернулась, глядя на него с возмущением.

Он невозмутимо пожал плечами. Гек чуть приподнял брови и иронично заметил:

— Ну да, главное же верить.

Джей понимающе усмехнулся:

— В этом плане ничего не изменилось.

Чуть правее на полках стояли вполне привычные продукты: мёд, орехи, сушёные фрукты. Всё выглядело совершенно обычно, если бы не кричащие этикетки: «БИО!», «ЭКО!», «НАТУРАЛЬНЫЙ ПРОДУКТ!».

Я с подозрением взглянула на нашу почти полную тележку.

— Получается... всё, что мы уже набрали, не натуральное?

— Еда настоящая, — успокаивающе отозвался Джей. — Хлеб и спагетти из обычного зерна, мясо от самой натуральной коровы. Просто если написать «БИО» или «ЭКО», то сразу можно добавить пару долларов сверху.

Я взяла с полки стеклянную банку с золотистым мёдом и не смогла удержать смех:

— Подснежниковый мёд?! Серьёзно?

— Говорят, омолаживает, — заразился моим весельем Джей.

— Прямо вижу, как бедные, мёрзлые пчёлы кружат в заснеженных горах, тщетно пытаюсь найти хоть один цветок, прежде чем свалиться в сугроб.

Все захохотали.

— Некоторые люди, похоже, готовы на всё, чтобы жить вечно, — подытожил Гек.

Наша тележка была полностью забита едой, а сверху громоздились пакеты с одеждой и коробки с обувью.

— И как мы это всё повезём? — спросила я, прикидывая, смогут ли мальчишки унести хотя бы половину.

— Точно не на метро, — отозвался Том с лёгким отголоском недоверия.

— Значит, надо звать извозчика, — сделал вывод Гек.

— Уже вызвал, — по-деловому ответил Джей, доставая телефон.

Том удивлённо вскинул голову:

— Ты что, мысленно отправил посыльного за автомобилем?

— Нет, конечно. Извозчик сам приедет. Я вызвал его через приложение на телефоне, — пояснил Джей, и глянув экран продолжил. — Будет здесь через три минуты.

Мы переглянулись. Том принял позу человека, которому снова говорят что-то совершенно непонятное:

— Ладно, допустим. Но как он вообще узнает, куда ехать?

— По карте. Телефон передаёт ему, где мы и куда нам нужно.

Том прищурился и чуть подался вперёд, улавливая подвох:

— А кому ещё он это передаёт?

Джей слегка растерялся, будто впервые задумавшись об этом всерьёз:

— Ну... например, твоим друзьям. Если включить такую настройку, они могут видеть твоё местоположение.

— Полезно, — задумчиво кивнул Гек. — Чтобы в городе не потеряться.

— Да. А ещё полиция может запросить данные, если ты нарушишь закон.

— Уже не так полезно, — пробормотал Гек.

— Ещё компании собирают данные, чтобы знать, какие места ты посещаешь, куда чаще ходишь...

Том снова озадаченно нахмурился:

— И зачем им это?

— Чтобы легче было продавать тебе свои товары и услуги.

Том резко напрягся и почти возмущённо выдал:

— То есть... эта чёртова штука не просто знает, где я, а ещё и докладывает обо мне всякому проходимцу?! И весь мир знает, где Том Сойер в любой момент времени?!

— Можно сказать и так, — Джей развёл руками, словно признавая неизбежное.

В этот момент к нам плавно подъехала машина. За рулём сидела женщина средних лет в очках. Она оценила гору пакетов и ворчливо сказала, даже не глядя толком на нас:

— У меня такси, а не караван верблюдов.

Тон у неё был не злой — скорее привычное ремесленное ворчание, то самое, что, наверное, звучало из уст извозчиков любого века.

Мы загрузили багажник под завязку, несколько пакетов устроились в салоне. Стоило дверям хлопнуть, как машина рванула вперёд. Меня вжало в спинку сиденья, и на мгновение перехватило дыхание.

Том сразу оживился — глаза сияли, он тараторил без остановки, то касаясь кнопок на двери, то хлопая ладонью по мягкой спинке сиденья. Казалось, он оказался в волшебном замке на колёсах и теперь пытался потрогать каждую диковину.

Я, почти не слушая его, следила за женщиной-водителем. Она держала руль легко, движения были точными, уверенными, будто она и машина были единым целым. Я поймала себя на том, что сжав ладони на коленях, сама готовилась повернуть.

И мне стало ясно: в управлении автомобилем нет ни магии, ни чуда — только умение. И я тоже так смогу.

Глава 7

К вечеру всё казалось идеальным. После долгого дня в молле мы наконец вернулись домой, уставшие, но довольные. Одежда распакована, пакеты с продуктами были опустошены. Джей жарил куриные ноги по какому-то специальному рецепту и варил картофель для пюре. Гек не отходил от него ни на минуту, восторгаясь мастерством Джея и наслаждаясь расплывающимися по гостинной ароматами. Потом все ели, смеялись, обсуждали завтрашние планы.

Я наконец ощутила настоящую тишину внутри. Мы были сыты, у нас был дом, и впервые за всё это время у нас появился нормальный, пусть и временный, быт. После ужина мы разошлись по комнатам. Я закуталась в мягкое одеяло и, впервые за долгое время чувствуя себя в безопасности, заснула.

Но ненадолго.

Сон оборвался резко.

Тупая, тянущая боль разливалась по челюсти, будто кто-то сжал мои зубы в тиски и теперь медленно, но настойчиво затягивал винт. Я провела языком по зубам — и тут же резкая вспышка боли пронзила всю голову. От виска до уха, от уха до самого затылка — боль пульсировала, как эхо собственного сердца.

Я вцепилась в одеяло и постаралась выровнять дыхание.

— Нет. Нет-нет-нет... — вырвалось у меня сдавленным шёпотом.

Было ясно: это не пройдёт само.

Я закрыла глаза — и тут же передо мной встал старый страх.

— Держи крепче!

Голос дяди. Я вижу его руки, которые сжимают голову мальчишки. Мальчик — мой двоюродный брат. Он орёт, извивается, но дядя держит его железной хваткой.

— Доктор сказал не дёргаться!

Доктор... Да какой это доктор?! Мужчина с щипцами, похожими на палаческое орудие, раздирал рот мальчишке, вонзает в дёсны крючья, тянет, рвёт...

Крик.
Брызги крови.
Лязг железа.

И хруст.

Я жмусь к стене, но не могу отвернуться. Брат валится без сил, рыдает, с губы капает кровь. А «доктор» спокойно держит в руке вырванный зуб.

— Ну вот и всё, — произносит он, как ни в чём не бывало. — А вы боялись.

Я резко распахнула глаза и жадно вдохнула. Тьма комнаты казалась куда безопаснее этих картин. Но зуб снова пульсировал, возвращая меня в реальность.

Я не пойду к врачу. Никогда. Лучше умру.

В этот момент боль ударила так яростно, что я не сдержала стон. Схватила за щёку, слёзы выступили сами собой.

Нет. Так дело не пойдёт.

Думай, Бекки. Ты знаешь, что делать. Я крепче сжала пальцы на одеяле, пытаюсь сконцентрироваться сквозь боль. В детстве всегда находилось какое-то средство. Гвоздика. Лук. Чеснок. Спирт. Табак. Шалфей. Керосин. Дёготь. Ну и молитвы — их произносили, когда больше уже ничего не помогало.

Я зажмурилась, пытаюсь вспомнить детали.

— Гвоздику разжёвывают... спиртом полощут... лук... — бормотала я, пытаюсь вспомнить.

Я выбралась из-под одеяла, стараясь не разбудить Джея, и бесшумно вышла в гостиную. Шкаф скрипнул, когда я открыла дверцу. Я начала рыться по полкам.

— Так, вот гвоздика... — пробормотала я, доставая баночку с сухими бутонами.

— Чеснок... отлично.

— Лук есть.

Я снова пробежалась глазами по полкам.

— А спирт?..

Обычного спирта, конечно, не оказалось. Но на глаза попала бутылка прозрачной жидкости для уборки. На этикетке — крупное «99 %». В аптеке такое точно считалось бы хорошим спиртом.

Налила немного в стакан. Поднесла к носу — и тут же закашлялась. Да, определённо спирт. Или яд. Ну, разница несущественная, главное, чтобы снял боль.

— Надо попробовать всё сразу, — сказала я себе, ставя стакан на стол.

Я быстро нарезала лук, почистила чеснок, сложила рядом.

Остался последний шаг. Я сложила ладони и закрыла глаза.

— Господи... сделай так, чтобы боль ушла... или хотя бы дай мне уснуть.

Я вдохнула, взяла стакан, поднесла к губам, зажала в другой руке зубчик чеснока...

И в этот момент дверь в гостиную щелкнула замком и загорелся свет. Я подняла глаза. В дверях стоял Том. Он застыл на пороге, глядя на меня так, словно увидел привидение.

И тут я поняла, что он видит: я стою у стола в ночной сорочке, передо мной разложены нарезанные лук и чеснок, в одной руке стакан с чем-то крепким, в другой — зажат зубчик чеснока. А губы ещё шепчут молитву.

Мы просто смотрели друг на друга. Тишина растянулась. А потом Том, очень осторожно, с нотками искреннего ужаса спросил:

— Бекки... ты что, запиваешь свои грехи?!

Я быстро заморгала, лихорадочно пытаюсь придумать хоть какое-то оправдание. Врать Тому было бессмысленно — он всегда чувял подвох. Но вот запутать, отвлечь, наговорить кучу бессмысленных слов — это я умею.

— Это... ритуал удачи! — выпалила я, стараясь выглядеть максимально уверенной.

Том медленно моргнул.

— Что?

— Ну, ритуал! — я резко взмахнула стаканом, словно удивляясь его тупости. — Чтобы день прошёл хорошо, нужно выпить настоящую на чесноке воду и загадать желание!

Том повел носом, скосил взгляд на стол, потом снова на меня.

— Бекки... но у тебя же спирт. Воняет на всю комнату.

— Это... это очень сильный ритуал, — выдавила я. — Спирт отпугивает... эм... неудачи.

— Ага, — протянул Том. — И отгоняет демонов, да?

— Именно!

Я стиснула зубы... и тут же вскрикнула.

Острая вспышка боли пронзила челюсть до затылка. Я вскочила, схватившись за лицо; слёзы брызнули сами собой.

— Ай! Чёрт, чёрт, чёрт...

— Бекки?! — Том тут же оказался рядом, его руки легли мне на плечи.

Но я не могла говорить. Боль не отпускала, будто кто-то запустил в челюсть раскалённую иглу и медленно её проворачивал. Я скрючилась, стараясь дышать ровно, но слёзы текли без остановки.

На шум влетели Гек и Джей.

— Что случилось?!

— Да я сам не понял. Вроде сидела, колдовала с луком... и вдруг — бах! — выдохнул Том, озадаченно глядя на друзей.

Я не могла больше притворяться. Просто осела на пол, зажимая голову ладонями.

— У меня... зуб... — прошептала я сквозь слёзы.

Том тут же опустился рядом, обнял за плечи и прижал к себе. В его глазах была растерянность — он не знал, чем помочь, и просто сидел рядом, не выпуская меня из объятий.

Гек топтался рядом, мял пальцами пижаму, переводил взгляд с меня на Джея в поисках поддержки и наконец выдавил:

— Ох, беда...

Джей пару секунд молчал, потом сказал твёрдо:

— Спирт пока не трогай. Сейчас посмотрим, что у меня есть.

Он развернулся и ушёл в спальню. Мы слышали, как он копался в рюкзаке. Через минуту вернулся, присел на корточки и протянул мне две белые таблетки.

— Вот, держи. Это должно помочь.

Я уставилась на них, не решаясь взять.

— Это что?

— Обезболивающее, — ответил Джей. — Гек, принеси, пожалуйста, воды.

Гек с явным облегчением сорвался на кухню и быстро вернулся со стаканом.

Я напряглась.

— Обезболивающее? Как «Болеутолитель»?

Джей удивлённо поднял бровь, но кивнул:

— Да, иногда его ещё так называют.

— Я не готова, чтобы в добавок к зубной боли у меня ещё всё нутро выжгло адским пламенем, — вырвалось у меня.

Джей замер, не понимая, и Том пояснил:

— В Сент-Питерсберге это было популярное средство. Тётя Полли кормила им всех подряд — от простуды, от ушиба, от дурного настроения. А как-то раз я угостил им теткиного кота. Но он сам просил: тёрся о ноги, смотрел в глаза, прямо умолял! Ну я и дал ему капельку... и понеслось. Кот полчаса носился по стенам, как угорелый, весь дом тогда был на ушах.

Я сквозь слёзы невольно улыбнулась.

— Не волнуйся, Бекки, — сказал Джей мягко. — Ты не будешь бегать по стенам.

Я с сомнением покосилась на таблетки.

— Они точно не горькие?

— Не горькие.

— И не жгутся, как адский огонь?

— Нет. — Джей протянул мне стакан. — Просто глотай не разжевывая.

Я глубоко вздохнула, сунула таблетки в рот, запила водой. Они на миг коснулись языка — сухие, как маленькие, чуть сладковатые камешки, — и тут же скользнули внутрь.

Сил больше не осталось. Я сидела на полу, уткнувшись лбом в колени. Том обнимал меня за плечи и осторожно гладил по руке.

— Должно помочь, — тихо сказал он.

Я не ответила, только закрыла глаза. Боль ещё держалась, но с каждой минутой становилась тише, приглушённое. Гек и Джей переговаривались, но слова уже не доходили до сознания.

Наконец дыхание выровнялось.

— Уже лучше... — прошептала я.

Том поднял меня, отвёл в спальню и уложил на кровать.

— Всё, ложись, — сказал он. — Мы рядом.

Я медленно кивнула и перевела взгляд на него.

— К доктору я не пойду, — возразила я упрямо.

Он не стал спорить. Просто продолжил держать меня за руку, пока я не провалилась в сон.

* * *

Несколько секунд я лежала, прислушиваясь к себе. В гостиной звякнула посуда, Гек что-то проворчал, Джей ответил ему коротко и деловито.

Я осторожно подвигала челюстью. Сначала всё было тихо, но через миг внутри будто что-то сжалось и запульсировало. Я зажмурилась.

Нет. Я не дам этому начаться снова.

Сделав глубокий вдох, заставила себя расслабиться. Всё не так страшно. Главное — не показать виду.

Я села на кровати, потянулась, словно вообще ничего не случилось. Да, ноющая боль была, но не такая дикая, как ночью. С этим можно справиться.

Я не пойду к врачу.

Натянув на лицо бодрое выражение, я вышла в гостиную.

— Доброе утро! — объявила я весело, стараясь не шевелить губами слишком сильно.

Том сидел за столом и лениво вертел ложку в чашке. Услышав меня, он поднял голову и уставился прямо в лицо.

— Угу.

Джей стоял у плиты, заваривал чай.

— Как зуб? — спросил он, не оборачиваясь.

— Отлично! — слишком быстро отрезала я.

Том продолжал смотреть, будто взвешивая каждое слово.

— Ага, — протянул он недоверчиво.

Я плюхнулась на стул, взяла чашку и нарочито счастливо улыбнулась:

— Видите? Всё в порядке.

— Бекки, — сказал Том.

— Что? — я сбилась, чуть не расплескав чай.

Он не сводил с меня глаз.

— Ты уверена?

— Конечно! Абсолютно! — я сделала вид, что увлечённо разглядываю рисунок на скатерти.

Том молча отпил из своей чашки. Я чувствовала его взгляд, но не поднимала головы.

Тем временем боль возвращалась. Челюсть заныло ошутимее, неприятное давление потянулось к уху. Надо было что-то делать. Я отставила чашку и тихо, незаметно наклонилась к Джею, пока Том тянулся за печеньем.

— Джей...

— Хм?

— Дай ещё одну таблетку.

Он поднял глаза, вопросительно изогнул бровь.

— Тебе же лучше.

— Ну... — я бодро кивнула, словно это само собой разумеется. — Конечно! Но на всякий случай.

Джей помедлил, но не ответил. И тут раздался голос Тома:

— Бекки, а что ты там шепчешь?

Я дёрнулась, повернулась к нему слишком резко. Боль тут же полоснула по челюсти.

— Я? Ничего! Просто... спрашиваю, что у нас сегодня на завтрак!

Джей едва заметно усмехнулся, но промолчал. Том постучал пальцами по столу.

— Ну-ну.

Я выдохнула, решив, что всё пронесло. Но Том снова заговорил:

— Если тебе так хорошо... зачем ты пыталась выпросить ещё таблетку?

Я застыла.

— Я не пыталась.

— Правда? — он перевёл взгляд на Джея.

— Меня тут нет, — отозвался тот и занялся чайником.

Том тяжело вздохнул.

— Значит, всё-таки болит.

— Почти не болит! — торопливо оправдалась я.

— Почти?

Я закатила глаза.

— Это ничего не значит!

— Это значит, что само не пройдёт, — отрезал он.

— Ты же не врач! — вспыхнула я.

— Да, но здесь есть врачи, — спокойно сказал Том. — Давай просто сходим и посмотрим, что он скажет.

Я тут же покачала головой.

— Нет.

— Почему?

— Потому что я не хочу.

Он внимательно на меня посмотрел.

— Бекки... ты боишься?

— Нет!

— Тогда почему?

— Потому что знаю, чем это кончится! — выпалила я. — Скажут «посмотрим», а потом сразу щипцы!

— Сейчас не так, — вмешался Джей. — Сначала всегда пытаются сохранить зуб, а не вырвать.

Я настороженно посмотрела на него.

— Правда?

— Правда, — кивнул он. — Никто не станет рвать зуб без твоего согласия.

Том подался ближе.

— Мы будем вместе. Если тебе хоть что-то не понравится — уйдём.

Я закусила губу. Он говорил серьёзно.

— Ну... — пробормотала я.

— Это всего лишь осмотр, — сказал Джей.

Я вздохнула.

— Ладно. Но если мне не понравится — мы уходим.

— Договорились, — сказал Том и сжал мою руку.

Я упрямо закатила глаза, но возражать больше не смогла.

* * *

— Всё, договорился, — сказал Джей, убирая телефон в карман. — В одной клинике рядом с нами как раз есть экстренные приёмы. Сказали, можем прийти через двадцать минут. Я слотнула.

— «Экстренные приёмы»... звучит так, будто меня уже записали в список жертвенного забоя.

— Это просто осмотр, Бекки, — напомнил Том.

Я шумно выдохнула и попыталась успокоиться, хотя внутри всё ещё теплилась надежда, что за эти двадцать минут я успею придумать, как сбежать.

Но через двадцать минут мы уже вошли в клинику.

Я ожидала совсем другой картины — запаха крови, резких лекарств, металлического звона инструментов и приглушённых криков, как в моих воспоминаниях. Но вместо этого было тихо. Воздух пах свежестью и мятой. Свет мягко разливался по белым стенам, кресла у стены выглядели удобными, а на стойке регистрации стояли маленькие горшочки с цветами.

И медсестра.

Совсем не такая, как я представляла. Не суровая, не холодная, не с тем равнодушным взглядом, от которого мурашки бегут по спине. Она улыбнулась:

— Доброе утро! Чем могу помочь?

Я не смогла ответить. Просто стояла, впиваясь ногтями в собственную ладонь.

Джей шагнул вперёд:

— Мы звонили, у нас экстренный приём.

— Конечно, вы Бекки?

Я вздрогнула от того, как спокойно и привычно прозвучало моё имя.

— Эм... да.

— Отлично. — Медсестра быстро что-то набрала на компьютере. — Доктор скоро вас примет. Пока можете присесть, у нас есть вода, журналы...

Она посмотрела на меня внимательнее, и её улыбка стала мягче:

— Всё будет хорошо.

Я медленно опустилась на стул, всё ещё сжимая ладонь Тома. Он тепло смотрел на меня, но ничего не говорил — и именно это оказалось самым надёжным утешением. Я впервые за весь день засомневалась в своём страхе.

Врач оказался невысоким мужчиной в белом халате, с короткими тёмными волосами и добрым, но каким-то уж слишком внимательным взглядом. Я так и не смогла отцепиться от Тома, и когда он вошёл в кабинет вместе со мной, никто его не остановил и не попытался выпроводить — будто это было само собой разумеющееся.

— Бекки, да? — уточнил доктор, заглянув в монитор.

Я кивнула.

— Хорошо. Присаживайтесь.

Я всё ещё не доверяла этой обстановке, но медленно опустилась в кресло. Оно оказалось мягким, с удобным подголовником и совсем не похоже на жёсткий стул из моего детства. Расслабляться я, правда, не собиралась.

Доктор опустил спинку кресла и включил лампу, направив свет мне в рот.

— Давайте посмотрим. Откройте рот.

Я зажмурилась и приоткрыла челюсть.

Доктор взял зеркальце и какой-то тонкий инструмент и начал осматривать зубы. Несколько минут в кабинете стояла тишина, слышно было только лёгкое пощёлкивание инструментов.

Я жала подлокотники. Если он сейчас скажет: "Так, срочно рвать!" — я просто вскочу и убегу.

Наконец доктор отложил инструменты.

— В целом зубы у вас в порядке. Есть пара маленьких дырочек, их стоит подлечить, пока не стало хуже. Также рекомендую гигиеническую чистку.

— А этот? — я дотронулась до щеки.

— Здесь пульпит. Придётся обрабатывать три канала.

Ком подступил к горлу. Три канала звучало, как приговор.

— Это будет больно?

— Нет. Мы убираем боль полностью.

Я выдохнула. Том легонько сжал мою руку.

— Доктор, сколько будет стоить спасти зуб? — спросил он.

— Какая у вас страховка?

— Какая у нас... что? — вырвалось у меня.

Врач снова посмотрел на меня, теперь уже с ноткой удивления:

— Медицинская страховка покрывает часть лечения. Если она есть, пациент платит гораздо меньше.

— Нет у нас страховки, — сказал Том. — А сколько стоит лечение без неё?

Доктор развернул экран и пробежался глазами по таблице:

— Полный курс лечения трёх каналов, пломбирование и материалы — примерно две тысячи триста долларов.

— Две тысячи триста?! За один зуб?! — я подпрыгнула в кресле.

— Да, но сюда входит...

— Да мой отец за меньшую сумму купил дом и двести акров земли!

Доктор чуть улыбнулся, явно привыкший к подобным реакциям.

— Если хотите, можем оформить рассрочку.

— А если просто вырвать?!

— Удаление? Пятьсот долларов.

— Даже это безумие! Доктор Джонс в Сент-Питерсберге рвал зубы за десяток яиц!

Врач моргнул.

— Простите, кто?

— Доктор Джонс! У него были щипцы, бутылка виски и надпись на двери: «Пять минут боли — и зуба нет!»

Я кипела, а Том всё так же держал мою руку, не давая сорваться с места.

Доктор наклонился чуть ближе:

— Ваш зуб можно сохранить. Лечение дорогое, но восстановление удаленного зуба еще дороже. Подумайте. Я оставлю за вами место на сегодня. Если решитесь — просто скажите на ресепшене.

Я не ответила. Том кивнул.

— Спасибо, доктор.

Мы вышли из клиники, и только тогда я тихо, но очень выразительно выругалась.

— Чёрт!

Том вздохнул:

— Ну, теперь хотя бы есть выбор.

Он покачал головой и добавил:

— Почему никто не делает медицинскую страховку путешественникам во времени?

* * *

Несмотря на тёплый воздух улицы, по спине у меня бегали злые мурашки. Я шла, сжимая кулаки, и едва не клокотала.

— Ну, — протянул Том, — теперь хотя бы ясно, что делать.

— Да, — бросила я. — Найти Доктора Джонса и десяток яиц.

Том коротко усмехнулся и покачал головой:

— Бекки.

Я резко развернулась к нему.

— Ты сам слышал! Две тысячи триста долларов! За это можно купить...

— Мы помним, — перебил меня Том. — Дом и двести акров земли.

Я прикусила язык и пошла дальше, кипя от злости. Несколько шагов мы шли молча, потом Том вздохнул и уже миролюбивее сказал:

— Ну... можно продать ещё монет.

У меня внутри всё сжалось.

— Ты серьёзно?

— Конечно, — он посмотрел на меня так, будто не понимал, что тут вообще обсуждать.

— Это твой зуб, Бекки. Твоё здоровье.

Я покачала головой.

— Я не могу потратить такую сумму на один зуб.

— Почему?

Я вскинула руки.

— Потому что это безумие! Том, это один зуб, а не... я не знаю, не новый дом, не год еды, не сама жизнь!

— Это важно, — отрезал он.

Я упёрлась в него взглядом.

— Для тебя.

Он стиснул челюсть.

— Для тебя тоже.

Я прикрыла глаза. Да. Было бы хорошо оставить зуб. Но цена... Я не могу.

Не могу.

— Я вырву его, — сказала я твёрдо.

Том резко выдохнул.

— Это глупо, — вмешался Гек.

Я повернулась к нему.

— Глупо — тратить две тысячи триста долларов на один зуб!

— Глупо терпеть боль и уродовать себя, если можно решить проблему, — возразил он.

Я вскинула руки.

— Так что теперь?! Продать всё и сидеть без цента?!

Мы замолчали. Несколько секунд слышно было только, как машины проезжали по улице.

И тогда Джей, чуть замедлив слова, неуверенно произнёс:

— Есть ещё один вариант...

Я повернулась к нему.

— Какой ещё вариант?

— Мы можем обратиться к подпольному стоматологу.

Гек тихо присвистнул.

— Подпольному?.. Это как игорный дом или бордель, только вместо развлечений тебе лечат зубы?

— Ну, — пожал плечами Джей, — можно и так сказать.

— Офигеть, — протянул Гек.

Том резко выдохнул, сжав кулаки.

— Бекки не пойдет к какому-то коновалу-самоучке!

— Он не самоучка, — возразил Джей. — Он опытный врач. Просто без лицензии.

Я смотрела на него во все глаза.

— То есть ты хочешь сказать, что я должна довериться человеку, который не может даже получить официальное разрешение работать?!

— Потому что в этой стране нельзя просто взять и работать по специальности, если ты эмигрант, — объяснил Джей. — Нужно заново учиться или платить кучу денег за подтверждение диплома.

Я задумалась.

— И кто он вообще такой?

— Серб. У него была своя клиника в Белграде. В девяностых началась война. Он работал врачом во время бомбёжек. Потом экономика рухнула, и он, бросив все, приехал беженцем в Америку...

Он замолчал на мгновение, потом добавил:

— ...мой брат ходил к нему, когда... когда у нас было туго с деньгами... говорил, что врач толковый. Хоть и без лицензии...

Я глубоко вдохнула, сцепила руки на груди и с самым невинным видом посмотрела на Тома:

— Ну мы же можем только посмотреть?

Том тяжело выдохнул:

— Ненавижу, когда ты используешь мои же слова против меня.

* * *

Телефон жёг Джей ладонь, и он вертел его в пальцах, как горячий уголь, никак не решаясь нажать вызов. Мы прошли уже целый квартал, а он всё откладывал неизбежное.

— Ты собираешься звонить или просто заряжаешь его своей нерешительностью? — не выдержал Том.

Джей выдохнул, будто выпуская застрявший ком.

— Сейчас.

— Что? У тебя брат — глава мафии? — усмехнулся Гек.

— Нет. Мы просто... давно не общались.

Он сжал губы, на секунду прикрыл глаза, потом всё же нажал вызов.

Гудки.

— ...Эй. Да, это я.

Мы не слышали, что говорит его брат, но даже без слов было ясно — тот рад звонку. У Джея плечи чуть дрогнули, он отвёл взгляд в сторону, будто пряча от нас, что разговор задевает глубже, чем он ожидал.

— Да, да, всё нормально. Просто... мне кое-что нужно.

Короткая пауза.

— Нет, не деньги. Нужно попасть к твоему стоматологу.

После нескольких секунд молчания Джей скосил глаза вверх и слегка закатил их, словно слышал уже знакомый, надоевший вопрос.

— Нет, не мне. Не спрашивай, просто скажи, как записаться.

Он слушал, кивая, пальцы невольно постукивали по корпусу телефона, затем повторил вслух, чтобы запомнить:

— Белград... отель «Москва»... Понял.

Том нахмурился.

— Это точно стоматолог, а не вербовка в русскую разведку?

Я фыркнула, но Джей нас не услышал.

Судя по выражению его лица, брат что-то предложил. Лёгкая тень тревоги на миг сменилась другим — почти забытым теплом.

— Ну, можно пересечься в городе. Я не против.

Он улыбнулся. Не широко, но... по-настоящему. Слово кусочек старой жизни на секунду вернулся.

— Ладно, спасибо. Я потом напишу.

Звонок закончился.

Джей набрал другой номер и включил громкую связь.

Гудки.

— Туристическое агентство "Балканский Бриз", добрый день, — раздался приятный, но чуть уставший женский голос.

— Что?! — Я едва не задохнулась от неожиданности, но я тут же зажала рот ладонью.

Боль врзалась в челюсть, но я не могла остановить смех, он вырвался каким-то сдавленным хрипом.

Том повернулся ко мне, его губы дёрнулись.

— Соберись, — прошептал он, но я видела, что он сам еле держится.

Но Джей был абсолютно серьёзен.

— В Белграде сегодня хорошая погода? — спросил он самым сухим деловым тоном.

Я кусала губу, чтобы не застонать от боли и не заржать одновременно.

— Что ты несёшь? — прошептал Гек, сжав переносицу.

Но в трубке без малейшего сомнения ответили:

— Погода отличная. Хотите забронировать отель?

— Да, — кивнул Джей. — Что можете предложить?

— Metropole Palace. Очень рекомендуем.

— Предпочитаю гостиницу Москва.

Я сжалась, плечи тряслись от сдерживаемого смеха.

— Вас поняла, — голос в трубке стал чуть теплее. — Насколько срочно нужен вылет?

Джей бросил взгляд на меня.

Я пыталась дышать ровно, но каждая пульсация в зубе напоминала, что у меня буквально нет выбора.

— У нас срочные дела. Желательно сегодня.

Опять стук клавиш.

— Могу предложить рейс на сегодня, в 15:30. Вам подходит?

Том посмотрел на меня. Я развела руками.

— Куда уж деваться.

— Тогда подтверждаю бронь, — сказала оператор. — Вы в первый раз путешествуете с нами?

— Да.

— Тогда приходите к нам за двадцать минут до вылета для регистрации. Мы находимся по адресу Бэй-Ридж-авеню, Бруклин. Спасибо, что выбрали "Балканский Бриз".

Связь оборвалась.

Мы стояли в молчании секунду — и тут же сорвались: Гек согнулся, хлопая себя по коленям, Том загоготал в голос, а у меня от смеха и боли текли слёзы.

— Бэй-Ридж, — сказал Том, едва переводя дыхание. — Что там?

— Балканская диаспора. Сербы, хорваты, албанцы... В основном рестораны, бары, авто-сервисы.

— И подпольные стоматологи, — добавил Гек, и мы снова разом сорвались в хохот.

Так мы и двинулись на наш рейс на Белград.

* * *

На вид это было самое обычное турагентство. Вывеска «Балканский Бриз», за стеклом — рекламные плакаты с видами Адриатического побережья, виноградников и старинных крепостей. Внутри — стойка, компьютеры, полки с брошюрами.

За стойкой сидела женщина лет тридцати, с гладко зачёсанными тёмными волосами. Она внимательно посмотрела на нас, слегка приподняв брови.

— Добрый день, чем могу помочь?

Джей сделал шаг вперёд.

— Мы звонили. Нам до Белграда.

Она несколько секунд молча смотрела на него, потом кивнула.

— Кто летит?

— Она, — сказал Джей, кивая на меня.

Женщина бросила на меня оценивающий взгляд, затем указала на дверь сбоку.

— Остальные подождут здесь. Проходите.

Том плотнее сжал губы, но ничего не сказал. Я выдохнула и шагнула вперёд.

Менеджер провела меня в небольшую комнату. Всё выглядело просто: стол, два стула, шкаф с папками и каталогами. Женщина закрыла дверь и, не теряя времени, протянула ладонь, требовательно глядя на меня.

— Телефон.

Я моргнула.

— Что?

— Телефон, — повторила она ровным голосом.

Я выпрямилась, стараясь сохранить видимость спокойствия.

— У меня нет телефона.

Она склонила голову набок, оценивающе глядя на меня.

— Мне нужно проверить.

Она сделала шаг вперёд. Я попятилась, но стена оказалась слишком близко. Холодок пробежал вдоль позвоночника, дыхание стало прерывистым, будто воздух вдруг стал тяжелее.

— Это... обязательно?

— Да.

Я попыталась дышать ровнее, пока её ладони быстро и уверенно скользнули по бокам, карманам, запястьям. Жесты были деловыми, без намёка на грубость, но именно от этой отстранённой сухости становилось особенно неприятно, будто меня превращали в вещь, которую надо проверить и поставить галочку.

— Всё.

Женщина отступила, бросила короткий взгляд на меня, затем набрала код на панели у двери. Раздался короткий электронный сигнал, дверь щёлкнула, открывая узкий коридор.

— Теперь можете пройти, — спокойно сказала она.

Я замерла на мгновение, ощущая липкий пот на ладонях и странный зуд под кожей, словно её прикосновения оставили след. Но выбора не было. Я подняла голову и шагнула вперёд.

Коридор оказался коротким, метра три, и в конце — ещё одна такая же дверь. Я глубоко вдохнула, взялась за ручку и открыла её.

Кабинет был похож на тот, где я была утром. Такое же длинное кресло с подголовником, та же машина с множеством трубок, тот же медицинский запах. Только помещение было меньше, без окон, и врач здесь был один.

Он поднялся навстречу: высокий, широкий в плечах лысоватый мужчина лет пятидесяти, с крупным лицом и доброй улыбкой.

— Доброшли! Я Боян. — Голос у него оказался низкий, раскатистый, с твёрдыми «р», будто каждая вибрировала в воздухе, но звучал он не сурово, а тепло, радушно.

— Я Бекки.

— Сразу прошу прощения за мою ассистентку, — сказал он. — Отличный сотрудник, но слишком любит шпионские романы, иногда так вживается в роль, что чувствует себя супергентом. Присаживайся.

Я послушно села. Кресло мягко наклонилось, он поправил подголовник и включил лампу.

— Удобно? Отлично. Теперь открой ротик... ага, чуть шире... хорошо.

Инструменты пробежались по зубам, а Боян продолжал:

— «Гостиница Москва» — её идея. Иногда я сам отвечаю на телефонные звонки — и стоит услышать пароль, меня всякий раз разбирает смех. — Он гоготнул, и его смех тёплой волной прокатился по кабинету. — Давай посмотрим на твой зуб изнутри.

Он взял небольшую пластинку с проводом и плотно прижал к больному зубу.

— Потерпи немного, не шевелись.

В тот же миг зуб отозвался острой вспышкой. Я вцепилась в подлокотники. Боян быстро поднёс к щеке странную короткую трубу и щёлкнул кнопкой.

Почти сразу на экране напротив появилась картинка. А на ней...

— Это мой жуб? — не смогла я сдержать удивления.

— Он самый, — начал пояснять Боян, показывая зеркальцем. — Здесь корень, тут идёт нерв... а вот это тёмное пятно — воспаление. Из-за него зуб и болит. Видишь?

Я забыла про боль — всё внимание поглотил экран. Там разворачивался странный пейзаж: белые линии корней тянулись вниз, как стволы и ветви деревьев, прозрачные тени ложились мягкими слоями почвы, а тёмное пятно у основания напоминало грозовую тучу, нависшую над тихой равниной. Я сидела неподвижно, замороженная этим зрелищем, и страх, ещё недавно сковывавший грудь, исчез так же внезапно, как и боль.

— Это... красиво, — сорвалось у меня.

Боян одобрительно кивнул.

— Ничего страшного. Работа на два визита. В пятьсот долларов уложимся.

Я замерла, глядя на него во все глаза. С плеч свалился огромный камень.

— Правда? — только и смогла выдохнуть я.

Доктор улыбнулся и кивнул, будто подтверждая очевидное.

— Оплата не должна быть страшнее самой болезни, — сказал он и, довольный своей мыслью, снова гоготнул.

Боян работал спокойно, сосредоточенно, но при этом с такой лёгкостью, будто всё это было для него так же естественно, как дышать. Ни на секунду он не замолкал:

— В конце августа снова поеду навестить родителей в Белграде. Каждый год туда езжу. С отцом, ему скоро 80, будем гнать ракию. Это как виски, только из фруктов.

Я многозначительно вращала глазами, поддерживая разговор.

— Город теперь красавец стал: разросся, отстроился после бомбёжек. А я помню другой Белград... Пациент в кресле уже два часа с открытым ртом сидит — и тут, в паре кварталов, как рванёт! Бомба в китайское посольство угодила. Стены затряслись, свет вырубил. Пациент в панике хочет сбежать, а я на него рычу: «Лучше уж совсем помереть, чем сейчас работу не доделать». Велел ему сидеть, а сам вниз, заводить генератор. Мощности еле хватало, но я всё доделал как надо.

Я смотрела на его руки и понимала: это не просто врач, а человек, который умеет удерживать мир в порядке, даже когда он рушится вокруг.

— Ну вот, — сказал он, убирая инструменты. — Полдела сделано. Я положил лекарство под временную пломбу. Нужно пару недель, чтобы оно поработало. Зуб еще несколько дней может ныть, пей обезболивающее. Жду через две недели. Если вдруг станет сильно хуже, звони.

Я вышла к друзьям и попыталась сказать что-то бодрое, но язык тут же предал меня.

— Жуб болшке не болхит.

— Ну и слава богу! Том улыбнулся, на миг в его глазах отразилось облегчение, но оно тут же сменилось озорством.

— Тебе жабу за щеку посадили?

— Нет! Дхоктор ошлтишний, — возразила я, но мальчишек уже было не удержать.

— Отличное заклинание, настоящий змееуст, — прыснул Гек.

Я, не говоря больше ни слова, с кулаками налетела на Тома. Он поймал меня за руки и примирительно добавил:

— Зато у тебя теперь есть официальный повод нести любую чушь.

Я уже собралась снова броситься на Тома, но в этот миг из кармана Джея раздался невычный писк. Джей удивлённо покосился и достал телефон:

— Хм... такого сигнала я ещё не слышал... — Он несколько секунд озадаченно смотрел на экран и вдруг радостно улыбнулся. — Нам прилетело Gold Thanks. На... триста долларов!

— Это что за «спасибо» такая, что в долларах измеряется? Её что, в карман положить можно или на хлеб намазать? — фыркнул Гек. — И зачем нам её прислали?

Джей чуть качнул головой:

— Это настоящие деньги.

— Да ладно... — Гек присвистнул. — За просто так? Мы ж ни на какую работу не нанимались и продавать нам особо нечего. Заботливых родственников мы тут тоже пока не нашли. С чего бы кому-то взять да и отправить нам свои кровные триста долларов?

— Это Gold Thanks, — начал закипать Джей. — Такая штука в интернете: если кому-то нравится то, что ты делаешь, он жмёт кнопку, кидает деньги и пишет комментарий. Понял, Гек? Это всё равно что шляпа уличного музыканта — только шляпа у меня в телефоне!

— Ага, — протянул чуть примирительно Гек. — И что же так понравилось нашему... э-э... дарителю «спасибов»? — Он шагнул ближе к Джею и заглянул в экран. Том и я с азартом потянулись следом.

— Это же наше видео из метро! — воскликнули мы почти хором.

Том распахнул глаза:

— Подождите, подождите. Ты хочешь сказать, что этот человек... посмотрел, как я просто захожу в метро, и за это перевёл нам деньги?!

— Да. Но, если честно, было на что посмотреть, — усмехнулся Джей.

Том замер, в его глазах промелькнула искра, но на лице отразилось замешательство:

— Ага... и это точно не преступление?

— Абсолютно.

Джей промотал вниз, нашёл комментарий и зачитал: — «Улётный видос! Купи себе нормальную камеру и снимай ещё».

Я медленно повернулась к Тому. Он не отрывал взгляда от экрана. Кто-то только что заплатил ему за то, что он, по сути, ничего не делал. Я видела, как его лицо меняется, как внутри него щёлкает какая-то скрытая пружина.

— О нет, — прошептала я.

— О да, — губы Тома растянулись в широкой улыбке, а глаза загорелись азартом. — Это куда круче тёткиного Забора! Думаю, здесь мы сможем выручить куда больше, чем дохлую крысу на верёвочке и пару алебастровых шариков!

Гек закатил глаза:

— Ну вот и всё. Можете махать платочком — Том Сойер уплыл в страну лёгких денег.

Но Том уже что-то обдумывал. Он словно видел перед собой бесконечный забор, бесконечное число вёдер и бесконечную очередь желающих заплатить за возможность махнуть кистью.

Глава 8

Когда мы только попали в этот век, мне казалось, что он сожрёт нас заживо. Здания выше гор, улицы без лошадей, люди ходят с коробками, которые светятся в их руках. Всё вокруг — странное, опасное и непонятное. Но оказалось, что если не дрожать от страха, а просто прикинуться частью местного цирка, то можно неплохо устроиться.

Прошло уже несколько дней с того момента, как Бекки вылечила зуб, и за это время мы немного освоились. Теперь каждое утро мы просыпались, натягивали свои "исторические костюмы", а Джей вытаскивал нас из дома и вёл показывать что-то новое. Том называл это "записывать хронику нашего путешествия". Джей называл это "делать контент". А я называл это "попрошайничеством на продвинутом уровне".

Но главное — это работало.

Первый настоящий успех пришёл после видео, где Том впервые спускается на эскалаторе. Люди смотрели, смеялись, обсуждали, и кто-то даже отправил нам деньги.

Потом был лифт. Я никогда раньше не видел, чтобы Том так быстро терял мужество. Как только двери захлопнулись, он понял, что заперт в ловушке, а когда кабина пошла вниз, его вопли были слышны за три квартала. Том вцепился в поручень, как будто его утаскивал сам дьявол, и даже когда двери открылись, ещё минуту не двигался, явно ожидая подвоха.

А вчера Том увидел в витрине рекламу золотого телефона. Цена кусалась, телефон был в три раза дороже чем другие модели. Том взял его, повертел в руках и скривил лицо в озадаченной гримасе:

— Лёгкий. Слишком лёгкий. Кто-кто, а уж Том Сойер знает, сколько весит слиток золота, и никакой фальшивкой его не провести.

Он подкинул телефон в ладони, постучал по корпусу и уже почти попробовал его на зуб, но его вовремя остановил продавец.

— Эй, пожалуйста, не надо его кусать!

Том разочарованно обернулся к продавцу.

— Но как я еще проверю, если он из золота?..

— Нет, он не из золота. Это просто бренд. — Продавец показал на заднюю панель, где поблескивало надкусанное яблоко.

Том скривился ещё сильнее.

— Вот жулики! Вместо того, чтобы сделать телефон из настоящего золота, они просто вонзили в него зубы. Мол, кто-то уже куснул, остался доволен — значит, и ты поверь. Что, есть простачки, которые на это покупаются?

Джей записал это на камеру. В тот же день интернет рыдал от смеха над Томом Сойером и его теорией. А к вечеру сотни людей наперебой ломали зубы о свои телефоны и гордо выкладывали это в сеть.

* * *

Я как раз наливал себе сок, Том с Джем листали комментарии к последнему видео, а Бекки ковырялась в волосах перед зеркалом, когда дверь внезапно распахнулась. На пороге стояла невысокая мексиканка в униформе, с тележкой, полной свежего белья.

Мы замерли, стараясь слиться с мебелью.

Она глянула на нас, будто мы были не постояльцы, а странный гриб, проросший сквозь ковёр. Её брови сошлись, лицо стало озадаченно-серьёзным.

— ¡Ay, Dios mío![1]

Это прозвучало необнадёживающе.

Она сделала резкий шаг назад, взглянула на номер комнаты, потом снова на нас.

— ¿Qué es esto? ¿Qué hacen aquí? ¿Ya no deben estar aquí![2]

Мы не ответили, потому что не поняли ни слова, но явно ничего хорошего она не говорила. Том вскочил на ноги и убрал телефон в карман.

— Эм... доброе утро? — сказал он с максимальной душевностью и расположением, на которое только был способен.

Но его приветствие только вызвало у неё раздражение. Казалось, таких непрошенных постояльцев она уже не раз встречала. Женщина резко замахала руками и заговорила на смеси английского и испанского.

— No guests! Finito! ¡Vamos! You go, go![3]

— Том... кажется, она говорит, что мы тут не должны быть, — тихо сказала Бекки.

В детстве меня регулярно откуда-то прогоняли — то с крыльца, то из лавки, то из чужого сарая. Но за время жизни у вдовы я подзабыл, как легко мир пинает тебе прочь. А тут вдруг кольнуло особенно сильно: в этой квартирке было тепло и уютно, она была нашим единственным якорем в этом мире. Я взглянул на Джея, ёрзавшего на диване и огрызнулся:

— Ну, это она, конечно, зря. No vamos. Мы здесь живём.

Но горничная и не думала отступить. Она замерла на секунду и недоумённо пробормотала: «¿No vamos? ¿Cómo que no vamos?»[4] — а затем резко завопила:

— ¡POLICÍA! ¡POLICÍA!

От неожиданности Бекки подскочила, Том отшатнулся, а я чуть не пролил свой сок.

— Стоп-стоп-стоп, зачем сразу полицию?! — Том попытался жестами объяснить, что всё в порядке.

Горничная уже не слушала. Она развернулась и бросилась по коридору, громко тараторя что-то про нелегалов, воров, призраков, возможно, демонов — я не был уверен.

— Она... она убегает! — ахнула Бекки.

— Не просто убегает, она бежит за подмогой!

Мы вчетвером одновременно рванули за ней, перепрыгивая через порог, едва не сбивая друг друга. Беглянка неслась как загнанная лошадь, подол униформы развевался позади, а руки размахивали в такт её крикам:

— ¡BOSS! ¡BOSS!

Она взлетела по лестнице так стремительно, будто всю жизнь только этим и занималась. Мы едва поспевали. На самом верхнем этаже она резко затормозила у единственной двери и начала молотить в неё кулаками.

— ¡Señor! ¡Abra! ¡BOSS! ¡Problema![5]

Прошло несколько секунд. Ничего. Изнутри не раздалось ни звука. Мы пытались перевести дыхание после забега. Она стукнула ещё раз, на этот раз сильнее. Из-за двери послышалось нечто вроде недовольного бурчания, потом приглушённый звук шагов. И вот, наконец, дверь медленно, крайне неохотно отворилась.

На пороге стоял молодой мужчина лет двадцати четырёх — двадцати восьми, который, судя по всему, больше всего на свете не хотел, чтобы его тревожили.

Волосы у него были растрепаны, чистая футболка была изрядно помята и висела мешком, а шорты явно пережили лучшие времена.

Мужчина оглядел и нас и горничную с одинаковым раздражением, прикрыл глаза, потом снова открыл с надеждой, что мы волшебным образом пропадем. Но мы никуда не делись. Он тихо вздохнул, потёр лицо и лениво спросил:

— Что случилось?

Я сразу узнал его голос. Именно он «любезно» приветствовал нас и давал инструкции из стены у двери.

Горничная тут же набрала полную грудь воздуха и застрекотала, будто сорока, надрывающаяся на весь двор:

— ¡No guests! ¡No pago! ¡Dos días! ¡Dos días, señor![6]

Её голос летел по коридору, звенел в ушах, но хозяин квартиры лишь глубже погрузился в состояние абсолютного нежелания разбираться в происходящем.

— Боже... — простонал он и устало привалился к дверному косяку, будто этот день уже успел его вымотать, хотя он, похоже, совсем недавно встал с кровати.

Том выпрямился, сделал шаг вперёд и откашлялся. Потом, выбрав паузу в стрекоте горничной, он, со всей возможной вежливостью и достоинством, произнёс:

— Сэр, видимо, произошло какое-то недоразумение.

Горничная подхватила слово «недоразумение» и тут же завопила:

— ¡Sí! ¡Misunderstanding! ¡No pago! ¡Dos días![7]

Хозяин медленно качнул головой.

— Ага.

Он посмотрел на нас впервые осмысленно, чуть нахмурился. Том не дрогнул. Он поднял подбородок, сложил левую руку за спину, правую протянул для рукопожатия и, с видом человека, который решает вопросы государственного масштаба, произнёс:

— Позвольте представиться. Томас Сойер.

Том выдержал паузу, будто перед ним был не человек в мятой футболке, а монарх в парадном мундире.

— А теперь, сэр, назовите своё имя.

Мы одновременно перевели взгляд на хозяина. Он застыл на секунду, глядя на Тома. В глазах едва промелькнул интерес:

— Натан. Натан Тэтчер, — наконец сказал он и пожал протянутую руку.

В один момент две эпохи столкнулись лбами. Бекки тихо охнула, глаза её расширились от потрясения, губы приоткрылись, но слова так и застряли где-то внутри. Том же, напротив, будто нашёл твёрдый островок в болоте. Он засиял так, словно на него с неба упало давно потерянное сокровище.

— Извините, сэр, за мою возможную бестактность, но могу я предположить, что вас назвали в честь Натаниэля Тэтчера, джентльмена, который, как нам известно, построил этот великолепный дом?

Натан не смог сдержать удивления: брови взлетели вверх, в глазах мелькнул живой интерес. Он уже не выглядел отрешённым — напротив, скука слетела с него, словно плохо сидящая маска. Несколько секунд он пристально изучал нас, потом шагнул ближе и недоверчиво спросил:

— Да... но как вы узнали?

Не давая ему опомниться, Том принялся развивать успех.

— Я объясню, сэр! Мы прибыли из Миссури, из самого сердца Америки, где имена вашей семьи до сих пор звучат как символ силы и основательности. Наше путешествие — не праздная прогулка, не пустое любопытство. Мы поставили себе цель: глубже изучить историю семьи Тэтчер, каждую ниточку, что тянется из прошлого в сегодняшний день.

Он сделал паузу, будто подчёркивая вес слов.

— И когда судьба привела нас в этот дом, мы поняли, что перед нами — не просто стены и камень, а живая летопись, которую нельзя назвать иначе, как одной из величайших жемчужин нашего пути.

Я чуть не фыркнул, но вовремя взял себя в руки.

— А теперь мы имеем ещё большее удовольствие видеть, что дом не утрачен, не забыт, но до сих пор находится в руках его хранителя.

Натан моргнул, словно проверяя, не сон ли это.

— То есть, вы хотите сказать...

Он помассировал висок и посмотрел на горничную, которая по-прежнему тараторила себе под нос "dos días, no pago".

— Что вот это всё... туристическая экспедиция?

Том благосклонно кивнул, как профессор, удовлетворённый ответом ученика.

— Скорее исследовательская, сэр.

Джей, который всё это время молча наблюдал за происходящим, неожиданно добавил:

— Мы волонтеры.

Натан поднял бровь.

— Волонтеры?

— Ну да. В некотором смысле. Мы помогаем сохранять историческое наследие.

Натан всё ещё держался настороженно:

— Понятно... Но какое вам вообще дело до нашей семьи?

— Позвольте представить моих спутников, и тогда все встанет на место, — Том изящным жестом указал на нас.

— Хакльберри Финн, человек, знающий жизнь не по книгам, а по собственному опыту.

Я неуверенно кивнул, всё ещё пытаюсь понять, как мы умудрились зайти так далеко.

Том повернулся к Бекки.

— Мисс Ребекка Тэтчер, достойная наследница славного рода.

Бекки сразу выпрямилась, гордо подняла подбородок и торжественно кивнула.

А потом Том повернулся к Джею и споткнулся.

— А это...

Джей приподнял бровь, явно понимая, что Том не знает его фамилии.

— Джей, — вставил он сам.

Том не растерялся, плавно перехватывая разговор.

— Джей — наш проводник по этому удивительному миру.

Натан массировал висок, всё ещё осмысляя услышанное. Он выглядел так, словно не до конца понимал, насколько всё это абсурдно, но, к нашей удаче, не спешил нас вышвыривать.

— Погодите... — наконец пробормотал он. — Тэтчеры из Миссури...

Он замолчал, сосредоточенно перебирая в памяти какие-то обрывочные воспоминания.

— Честно говоря... я что-то слышал.

Мы затаили дыхание.

— Но это было ещё при прадедушке.

Бекки сразу оживилась, словно получила подтверждение своей важности.

— Вот видите! Мы были уверены, что след семьи ещё можно восстановить.

Натан вздохнул, потом посмотрел на горничную.

— Лусия, всё в порядке. Я разберусь.

Лусия поджала губы, бросила на нас последний колючий взгляд, но всё же кивнула. Мы тут же дружно поклонились и выдали хором:

— Gracias, señora![8]

Она фыркнула, махнула рукой и, пробормотав что-то насчёт "locos gringos"[9], спустилась по лестнице.

В коридоре стало тихо. Натан пару секунд смотрел в пространство, и тот интерес, что на миг оживил его лицо, постепенно угас. На его место пришло усталое сожаление, будто его день окончательно покотился под откос. Тем не менее он тяжело выдохнул, открыл дверь шире и махнул рукой:

— Ну ладно, проходите, раз уж вы тут.

Мы переглянулись и вошли внутрь.

Сразу за порогом нас окутала тишина. Не мёртвая, как в заброшенном доме, а вязкая, та самая, что накапливается, когда слишком долго живёшь один. Квартира не выглядела грязной, Лусия явно хорошо делала свою работу, но в ней чувствовался застой: тёплый, тяжёлый воздух с привкусом вчерашнего кофе и запахом недоеденных ужинов. Плотные шторы были наглухо задвинуты, а мягкий приглушенный свет лился из складок потолка. В углу на черном столе мерцал экран компьютера. Перед ним — кожаное кресло, слишком удобное и, по видимости, неприлично дорогое. Слева — небольшой холодильник с прозрачной дверцей, заполненной жидкостью, в которой медленно поднимались вверх пузырьки воздуха. Холодильник был заставлен банками с газировкой и пивом.

Главным тут, без сомнения, был телевизор. Он занимал всю стену. Я не смог бы его обхватить, будь у меня руки в полтора раза длиннее. Вообще было непонятно, как его сюда затащили. Телевизору прислуживал огромный диван, занимавший половину комнаты. По стенам и на потолке стояли и висели звуковые колонки, выглядящие чересчур мудрёно, даже для этого века.

— Идеальная задротошная, — прошептал Джей мне на ухо так тихо, что остальные не услышали.

Натан плюхнулся на диван, включил телевизор и совсем перестал обращать на нас внимание, словно мы стали прозрачными. Том, как и я, с интересом рассматривал комнату. Но пауза затянулась — и когда стало очевидно, что от хозяина мы не дождёмся ни звука, Том наконец задал самый очевидный вопрос:

— Ты тут живёшь?

Натан лениво поднял голову, посмотрел на него, будто вопрос не стоил ответа, но всё же ответил:

— Живу и работаю.

Мы переглянулись.

— Работаешь? — переспросил я.

— Да. Управляю апартаментами.

Мы ожидали какого-то продолжения, но Натан снова уставился в телевизор, показывая, что уже сказал всё, что счёл нужным.

— Как управляешь? — Бекки чуть нахмурилась в непонимании.

— Принимаю бронирования, слежу за заявками, оплачиваю счета, размещаю рекламу. Гости приезжают, уезжают, я слежу, чтобы всё работало. Вот, смотрите.

Натан что-то набрал на телефоне, и его экран тут же отразился на телевизоре. Пара жестов — и перед нами открылось приложение: длинный список бронирований, в котором непрерывно мигали разноцветные уведомления.

— Лусия убирается в номерах, её муж чинит, если что-то ломается. Они отправляют отчёты, я решаю вопросы. Почти всё автоматизировано. Это не занимает у меня много времени, — он многозначительно глянул на нас и с лёгким оттенком сарказма в голосе добавил: — Если, конечно, не случается «неожиданностей»...

Том почувствовал, что почва под ногами становится скользкой, и тут же выдал:

— Хитро придумано, можно вообще из дома не выходить.

Натан даже не моргнул.

— Ну, я и не выхожу.

Мы переглянулись.

— Вообще? — уточнила Бекки.

— Вообще.

Он пожал плечами, словно это был самый логичный выбор на свете, снова отвернулся и занялся бронированиями.

Тишина повисла густо, мы никак не могли переварить его слова. В моём веке людей держали взаперти только по нужде: преступников — за решёткой, больных духом — в сумасшедшем доме. А тут он сам себя закрыл. Добровольно.

Том первым не выдержал, резко выдохнул и заговорил:

— Ну, допустим. А как ты питаешься?

— Я заказываю еду на дом. Из лучших ресторанов Нью Йорка. — Натан открыл другое приложение, и на телевизоре появилось яркое меню дорогого заведения. — Не нужно бронировать столик за три недели. Просто выбираю блюдо, нажимаю кнопку — и через полчаса у меня на столе свежая еда. Плюс почти всегда скидка и приличная экономия на чаевых.

Он листал меню, и на огромном экране одно за другим вспыхивали блюда — утка с ягодным соусом, сочный стейк сухой выдержки с прожилками, паста, усыпанная тёртыми трюфелями. У меня в животе предательски заурчало: каждое блюдо манило и сулило неземное удовольствие. Цены, правда, тоже были космическими.

— А это не слишком пафосно? — спросил Том, сглатывая слюну.

— А зачем иначе? — в голосе впервые прозвучало что-то похожее на оживление. — Это ведь не просто еда, это моя коллекция. Смотрите сами.

Он открыл галерею фотографий, и на экране замелькали идеальные тарелки с едой, запечатлённые в разном освещении, с разной сервировкой.

— Ты что, собираешь фотографии тарелок? — хмыкнул я.

— Это не просто тарелки, — увлеченно продолжил Натан, не заметив подкола. — Это мои трофеи. Каждый снимок напоминает вкус, обстановку, настроение. Я могу открыть их в любой момент и пережить всё снова. За такие деньги я обязан вытянуть максимум удовольствия.

— Ну ладно, еда, — Том махнул рукой. — А если тебе нужна одежда?

— Вот тут я настоящий шопоголик.

Мы перевели взгляд на его мятую футболку и потрёпанные шорты.

— Серьёзно? — не сдержалась Бекки.

— Почти каждый день заказываю что-то новое.

Натан с энтузиазмом сменил альбом. В галерее были сотни его фотографий в самых разнообразных, но очень недешевых, нарядах. На одной фотографии он прохаживался по улицам города, на другой махал нам с парусника, на третьей выглядывал из спортивного автомобиля, будто собирался сорваться с места.

— Подожди, — Джей нахмурился. — Но ты же сказал, что вообще не выходишь. Тогда откуда все эти фотографии?

— А, это, — Натан чуть усмехнулся, — я делаю фото с хромакеем и потом подкладываю любые фоны, какие понравятся.

— Хрома... что? — переспросил Том с подозрением.

— Это как фотография на фоне картинки, — пояснил Джей. — Только фон можно заменить на любой: город, горы или пляж.

Том оживился.

— А-а, понял! В Сент-Льюисе тоже такое было. Фотостудия брала картонный задник — хоть схватка с индейцами, хоть вид на Ниагарский водопад. Становишься перед холстом, фотограф щёлкает, и вот ты уже герой. Выходит, у тебя то же самое, только картон поменяли на эти... хромакеи?

На этот раз Натан не усмехнулся, а словно надулся. Впервые за весь разговор он выглядел слегка обиженным, будто Том сравнил его гордую коллекцию с ярмарочным трюком.

Я поспешил сменить тему.

— А где ты хранишь все эти костюмы? — В комнате явно не было ни гардероба, ни полок с одеждой.

Натан даже не удивился вопросу.

— Я не храню. Примеряю, фоткаюсь и отсылаю обратно.

Мы зависли.

— Ты... покупаешь одежду, носишь её один раз и возвращаешь?

— Да.

— Но зачем?!

Натан посмотрел на нас как на недоумков, не понимающих самых простых вещей.

— Это же очевидно! Куда мне в ней ходить?

Он на секунду задумался и добавил почти с вызовом:

— Я делюсь фотографиями. Друзья оценивают, советуют, спорят. В этом и есть смысл.

— У тебя есть друзья? — осторожно спросила Бекки.

— Конечно, — Натан пожал плечами, словно удивляясь вопросу. — А что в этом странного?

Мы переглянулись.

— Но ты же не выходишь, — уточнил я.

— И что? — он привычным жестом открыл мессенджер на телефоне и развернул экран к нам. — У меня сотни друзей. Мы общаемся каждый день, созваниваемся, играем, обсуждаем новости, пьем вино.

— Как это "пьете вино"?! — воскликнула Бекки.

— Ну, я у себя дома, они у себя. Но мы вместе сидим в видеочате. Разговариваем, чокаемся. Вы привыкли, что люди должны таскать друг друга по улицам, чтобы считаться друзьями. Это архаика.

У меня не укладывалось в голове, как можно считать себя частью мира, если ты никогда в нём не бываешь. Но Натан, похоже, не чувствовал, что чего-то лишён.

— Да я вообще не вижу причины для удивления, — продолжил он. — Я не сижу в пустой комнате и не смотрю в стену. У меня концерты, музеи, театры, всё, что угодно.

Как по мне, именно этим Натан и занимался. Только стена была с картинками. Я саркастически фыркнул:

— Музеи, говоришь? Тебе что, экспонаты тоже на дом привозят?

— Вот, например, мой любимый — Лувр, — Натан и бровью не повёл. Он открыл ещё одно приложение на телефоне, и телевизор ожил новым изображением. На экране потянулись идеально снятые залы — пустые, сияющие, без единого человека. Камера скользила вдоль полотен, можно было рассмотреть каждую трещинку, каждый мазок. — Сколько бы мне пришлось толкаться в очереди, чтобы посмотреть на Мону Лизу? А так я могу приблизить, прочитать описание, разглядеть все детали без сотни голов перед носом. И никакого риска, что тебя обольют супом какие-нибудь очередные дикие активисты.

Это было непохоже на ложь. Натан действительно верил в то, что посетил Лувр так же, как если бы там находился. Правда мы вообще не поняли, при чем тут суп и что за непотребство поливаться им в музее. Возможно, это какая-то новая музейная традиция, которую Натан, судя по тону, не особо одобрял. Чтобы не показаться некультурными людьми, мы не стали уточнять.

— Я вчера смотрел и слушал прямую трансляцию рок-фестиваля, — продолжил он. — Дома, в своём кресле, на этой звуковой системе. И, поверьте мне, это было в сто крат круче, чем толкаться в толпе среди пьяных и орущих фанатов, в дыму, поту. Мне важна музыка, а не экраны чужих телефонов перед глазами, закрывающие сцену.

Бекки переводила взгляд с телевизора на Натана и обратно, явно колеблясь, стоит ли спрашивать. Она поёрзала на месте, чуть покраснела, но всё же решилась:

— А любовь?

Натан поднял глаза от экрана, слегка удивлённый вопросом.

— Что?

— Ну... ты вообще с кем-то встречаешься?

Натан непринужденно кивнул:

— У меня есть подруга.

Мы втроём переглянулись.

— Ты хочешь сказать... в смысле... ты с кем-то в отношениях? — уточнил Том.

— Ну да. — Бекки уже открыла рот, чтобы снова высказать удивление, но Натан ее перебил. — Мы созваниваемся, переписываемся, делимся событиями дня, иногда ругаемся. В общем, всё, как у всех.

Том покосился на нас, явно пытаясь понять, мы слышим то же самое, что и он, или он сошёл с ума.

— А... и ты её... видел? — осторожно спросил я.

— Конечно. У неё отличная камера.

Мы онемели. Натан жил в мире, где любовь могла существовать без прикосновений, без встреч, без прогулок под звёздами. И, похоже, его это вполне устраивало.

Он откинулся на диван и буднично добавил:

— И, кстати, она совсем недорого мне обходится.

Мы по инерции кивнули, будто речь шла о ценах на хлеб. Но стоило словам осесть, как смысл ударил в виски. Меня передёрнуло. У Бекки на лице начала проступать брезгливость. Джей мгновенно понял, что разговор уже балансирует на острие ножа, и, не дав нам шагнуть дальше, резко перевёл его в сторону:

— И давно ты так живёшь?

Натан перевёл на него взгляд, задержался на секунду, как будто подсчитывая, потом ответил:

— Пять лет или около того. С тех пор, как начался карантин.

— С тех пор, как что? — уточнил Том.

— Как всех закрыли по домам из-за мировой эпидемии.

— Эпидемии страшны, — тяжело сказал Том. — В Сент-Питерсберге в последний раз умерла треть города.

Натан медленно повернул голову в его сторону и с округлившимися глазами переспросил:

— Треть?

— Да.

Я вспомнил, как улицы становились всё тише, пустынное, как закрывались лавки, как запах болезни впитывался в стены, а потом сменялся запахом гари от костров, где жгли трупы и вещи умерших. Как люди перестали здороваться за руку, а потом и вовсе перестали выходить из домов. Как на рынках продавцы кричали, чтобы не подходили близко, а потом исчезали со своих мест. Как какие-то дома оставались закрытыми всё дольше и дольше, пока не приходили незнакомые люди и не забивали их окна и двери досками.

— Моя мама тогда умерла, — сказал Том глухо. — У Гека тоже. А мой дядя, когда пошла хворь, посадил тётю Полли с детьми на пароход и велел плыть вниз по реке, подальше от города. Меня с собой взяли.

— Сам он выжил? — спросил Натан.

Том покачал головой.

Натан приподнял брови, будто что-то прикидывая:

— Странно. Я не помню новостей про вспышку с такой высокой смертностью... Видимо, демократы все замяли, чтобы не наводить панику и не рушить рейтинги. Вполне в их духе — *fake news*.

Он помолчал, и в голосе на миг появилась лёгкая горечь:

— У меня дед не пережил пандемию.

— Тоже заболел? — спросил Том.

— Нет, — он пожал плечами. — Отменили плановую операцию у кардиолога. Артерия забила или что-то такое. Ему было всего 85... Мы сами чуть не загнулись... Границы закрыли, туристов не стало, мы были на грани банкротства. Если бы не субсидии, я бы тогда совсем разорился. Еще и родители...

— А что с ними?

— Уехали в Мексику от всего этого кавардака, — равнодушно ответил Натан. — И не вернулись. Мне пришлось разбираться со всем самому.

Мы стояли, не зная, что сказать. Наши истории про смерть, дым, заколоченные окна повисли в воздухе рядом с его «не пережил» и «уехали».

Натан же смотрел на нас и пытался понять, что его сподвигло более четверти часа откровенничать с абсолютно незнакомыми людьми. Он перевёл взгляд на дверь, в которую недавно колотила Лусия, и будто очнулся.

— А вообще... она чего так завелась?

— Кто? — спросил Том. Мы и сами на секунду забыли, как оказались здесь.

— Лусия. Вы же вместе пришли...

Том замялся и непроизвольно почесал нос

— Ну... мы тут чуть подзадержались.

— Чуть подзадержались? — уточнил Натан.

— Ну, может, на пару дней. Или около того, — осторожно признался Том.

— То есть вы жили здесь без оплаты?

— Технически — да, — выдохнул Том. — Но не специально. Мы, конечно, всё компенсируем. Это просто... небольшая накладка. Как-то все очень просто прошло с заселением...

Бекки энергично закивала.

— Абсолютно верно! Нам даже в голову не пришло, что...

Она осеклась, потому что Том выразительно на неё посмотрел, явно давая понять, что не надо перегибать.

— ...что бронирование закончилось.

— Мы бы хотели продлить аренду, если это возможно, — подытожил Том.

Натан молчал, глядя на нас с непроницаемым лицом. Том неловко одернул рукав и добавил:

— Глупо вышло. Только приехали в большой город и так опростачиться...

Натан неожиданно энергично подался вперед.

— Повтори, что ты сказал?

— Мы бы хотели продлить...

— Нет, после этого.

Том чуть нахмурился, не понимая.

— Я сказал, что неприятно быть простаком в Нью-Йорке.

Натан аж подпрыгнул на диване, хлопнул ладонями по коленям и выпалил:

— Да чтоб меня! Простаки из прошлого! Главные звёзды интернета у меня в гостях!

Он рассмеялся, разглядывая нас, будто впервые видел по-настоящему.

— Ну конечно! Я сразу заметил знакомые лица, но без костюмов не узнал! Вы ещё меня сбили своей «исследовательской экспедицией» — я и подумать не мог, что это вы!

Натан уже держал телефон, включил камеру и заговорил с тем азартом, которого в нём прежде никто не видел:

— С вами Натан! Сегодня у меня по-настоящему особенный выпуск. Эти ребята сделали самый живой проект, который интернет видел за последние годы. И через секунду вы убедитесь, что в жизни они ещё круче!

Он повёл камерой к нам, Бекки спешно пригладила волосы.

— У меня в гостях — *Простаки из прошлого!* Том, Гек, Бекки и их продюсер Джей!

Мы неловко помахали в объектив.

— Вы показали просто next level! — продолжал Натан, захлёбываясь восторгом. — Как вы добиваетесь такой достоверности?

— Ну, мы стараемся... — ответил Том, глядя в камеру.

— У вас идеальные реакции, натуральная речь! — не унимался Натан. — Вы что, месяцами готовите сценарий?

— Ну, типа того, — вставил Джей.

Натан повернулся к телефону, сияя:

— Подписывайтесь на мой канал, ставьте лайки — и я обещаю эксклюзивный контент от *Простаков!*

— А про какой такой контент от Простаков ты сейчас говорил? — спросил Джей, когда Натан выключил камеру.

— Я хочу предложить вам сделку, — сказал Натан, не теряя энтузиазма. — Мы запилим коллабу!

— Прости, кого запилим? — уточнила Бекки озадаченно.

Натан рассмеялся.

— Вы и сейчас в образе. Отлично! Мы записываем совместный выпуск. Вы рекламируете мои апартаменты, а я даю вам ещё неделю проживания. Годится?

Мы переглянулись.

— Справедливое предложение, — одобрительно покивал Том.

Я схватился за лоб:

— Я не знаю, как он это делает.

Бекки выдохнула:

— Это просто Том.

[1] О, боже! (*исп.*)

[2] Это что такое? Что вы здесь делаете? Вас тут не должно быть! (*исп.*)

[3] Нет гостей! Конец! Уходите! Вы, идите, идите! (*исп. — англ.*)

[4] Не уйдете? Почему не уйдете?

[5] Сеньор! Откройте! Босс! Проблема!

[6] Нет гостей! Нет оплаты! Два дня! Два дня, сеньор (*исп. — англ.*)

[7] Да! Недоразумение! Нет оплаты! Два дня! (*исп. — англ.*)

[8] Спасибо, сеньора! (*исп.*)

[9] Сумасшедшие гринго (*исп.*)

Глава 9

Натан оказался куда нетерпеливее, чем мы могли предположить. Он постоянно проявлялся в нашей гостиной под любым предлогом: то приносил кофе и перекус, то спрашивал, не нужно ли прибраться. Но неизменно задавал один и тот же вопрос — как идут дела и какие идеи.

Но очень скоро выяснилось, что работать на заказ — это не то же самое, что пугаться на камеру или спорить с лифтом. Страх всегда выглядел честно, а вот вдохновение под контролем — будто мустанг, которого заставили идти строевым шагом. Оно упрямылось, сбивалось с ритма и в конце концов просто легло поперёк дороги.

Каждое утро Том ходил по дому с видом человека, которому осталось только выбрать угол и снять гениальный кадр. Но кадры не складывались. Камера будто видела фальшь и отказывалась ловить свет.

На четвертый день Натан принёс нам, как обычно, кофе и сказал, что, если вдохновение не придёт завтра, он сдаст апартаменты обратно в аренду.

Том ходил по комнате взад-вперёд, как подраненный лев, и в воздухе от его нервов будто потрескивало. Бекки первой не выдержала.

— Том, — сказала она, — давай выйдем на улицу. Просто прогуляемся, может, на свежем воздухе что придет в голову.

Он молча кивнул, поджав губы.

Мы быстро собрались. Я чуть задержался, возясь с ботинками — шнурки, как назло, снова запутались. Когда наконец справился, дверь захлопнулась, и друзья уже спустились вниз.

Я выскочил в коридор, перепрыгнул через две ступени — и тут взгляд сам упал на перила. Гладкие, чуть блестящие от лака, они так и манили. Не раздумывая, я плюхнулся и поехал.

Дерево скользнуло под штанами, воздух зашуршал в ушах, а сердце ухнуло вниз вместе со мной. Я ловко приземлился... и понял, что все смотрят на меня.

Джей даже рот приоткрыл и выдавил с придыханием:

— Это гениально.

— Чего? — не понял я.

— Вот он, наш ролик для Натана! И новая рубрика!

Я тараторил на Джея, не улавливая смысла.

— Какая рубрика?

— *«Забывтые умения»!* — сказал он с воодушевлением. — Мы напомним людям, как это делается! Раньше катание на перилах было настоящим искусством, а теперь оно потеряно! Везде поручни с зазубринами, металлические перегородки... Поколения растут без важнейшего навыка! А ты — природный талант!

Я потёр нос, польщённый, всё ещё глядя на него. Вот умница! Всегда видит суть вещей.

— Ты прав, Джей! — Том аж подпрыгнул. — Мы не просто так попали в этот век! Как наследники благородных традиций прошлого, мы обязаны передавать утерянное знание!

Бекки громко фыркнула, но промолчала.

Мы выскочили в холл, нашли Натана и вывалили на него нашу идею разом, перебивая друг друга.

Он долго пытался, морщился, оценивая риски.

— Безумие, — наконец сказал он. — Но, чёрт возьми, звучит свежо. Только снимайте на задней лестнице — её ещё не ремонтировали.

Том расправил плечи, его глаза вспыхнули:

— Отлично! Значит, у нас есть площадка!

Задняя лестница помнила руки дяди Натаниэля и тётки Элеоноры. Теперь она стояла расхошаяся, с трещинами в ступенях, но поручни оставались удивительно гладкими — отполированными тысячами рук и десятками лет.

— Эта лестница явно не рассчитана на каскадёров... — попыталась вразумить нас Бекки, но ее уже никто не слушал.

Я поднялся наверх и готовился к первому спуску, а внизу Джей выбирал ракурс. Том принял позу профессора, поднял указательный палец и через мгновение уже начал лекцию:

— Первое и самое важное правило, — торжественно произнёс он, — это правильный выбор штанов. Слишком гладкие приведут к неконтролируемому ускорению. Слишком шероховатые вызовут трение и могут остановить вас в самый неподходящий момент.

Он сделал паузу, взглянул в объектив и добавил с академической важностью:

— Нужен баланс. В идеале — холщовые штаны средней плотности.

— Угу, — сказал я, разгоняясь по перилам и врезаясь в стену.

— Второе правило! — не моргнув глазом, продолжил Том, пока я карабкался обратно. — Техника посадки! Нельзя просто плюхнуться на перила и надеяться, что оно как-нибудь само поедет. Нет! Нужно учесть угол наклона, давление тела, распределение веса...

Я продемонстрировал своё «умение», соскользнув вниз боком, по всем параметрам нарушив всё, что только что вещал Том. Не учёл угол, не рассчитал давление — просто сел и поехал, как придётся.

— В-третьих, — продолжал Том, не обращая внимания на хаос вокруг, — основа всех трюков: правильное отталкивание! Если хотите эффектно спуститься — используйте силу инерции!

Я использовал. Инерция ответила взаимностью.

Я несся быстрее ветра, лестница жалобно застонала, потом хрустнула и под моим весом несколько балясин подломились. Я чудом успел соскочить, перекувырнулся, сгруппировался, но всё равно знатно приложился.

Я лежал, пытаюсь поймать воздух, когда над головой раздался вдохновлённый голос Тома.

— Идеальное исполнение! — воскликнул он, раскинув руки. — Смелость и полное отсутствие здравого смысла — вот признаки истинного мастера!

Он мельком взглянул на меня и сразу же вернулся к камере, не сбиваясь с тона лектора:

— Как видите, мы не можем продолжить демонстрацию, но я надеюсь, эти три правила послужат основой для вашего совершенствования!

Том сделал жест рукой, словно открывал театральную завесу:

— Мы выражаем величайшую благодарность нашему спонсору — апартаменту «Тэтчерс Холл», любезно предоставившему нам это прекрасное помещение и несчастную лестницу, павшую в борьбе за возрождение традиций! Ваш вклад в развитие культуры скольжения по перилам — неоценим! Подписывайтесь на канал, ставьте лайки и пишите в комментариях, какие ещё забытые умения вы хотели бы вернуть человечеству!

Джей выключил камеру и бросился ко мне. Я застонал.

— Жив? — спросил он, наклонившись и заглядывая сверху.
Я посмотрел в его глаза, и боль, будто по команде, отступила. Я поднял руку и показал большой палец.

Видео с «великим возрождением катания на перилах» за день собрало рекордные просмотры. Комментарии лились рекой, люди смеялись, пересматривали и, что самое удивительное, даже пытались повторить! Волна #перильнаяреволюция захватила сеть.

У популярности оказалась и обратная сторона. За два дня отель Натана был раскуплен на полгода вперед. Каждый постоялец считал свои долгом сфотографироваться на лестнице Гекельберри Финна.

А нам пришлось искать новое жилье. Даже появившийся источник дохода не давал повода тратить деньги бездумно. Нью-Йорк оказался слишком дорогим, а значит, стоило поискать что-то попроще.

Натан познакомил нас со своим риэлтором, и тот подобрал нам более бюджетный вариант в Нью-Джерси. Это была вполне приличная квартира, хоть и без изысков. Том, конечно, ворчал, но уступил, потому что "хороший финансист должен уметь считать деньги".

Переезд дал нам передышку, но ненадолго. Уже через пару дней Том заявил, что собирается научиться водить автомобиль. Он сказал это с тем же выражением, с каким обычно объявляют о покорении нового континента.

— Это важнейшее умение современного джентльмена! — провозгласил он.

— Это просто необходимость, если не хочешь всю жизнь зависеть от автобусов, — поправил его Джей.

Самым большим сюрпризом стало то, что Бекки тоже вызвалась учиться вместе с ним.

— Но зачем? — искренне удивился Том.

— Тебя же не удивляет, что я могу управлять конной повозкой. Автомобиль — просто новый способ ехать туда, куда мне хочется, — фыркнула она.

Так началась их подготовка. Вечерами они сидели за учебником, превращая квартиру в смесь дипломатических переговоров и школьного съезда: они спорили до хрипоты, но потом почти всегда приходили к согласию.

Если со знаками Том ещё как-то справлялся, то приоритетность движения стала для него настоящим испытанием.

— Так, стоп. Если я еду прямо, а навстречу кто-то поворачивает направо, но у него ещё этот знак «уступи дорогу» — кто первый едет?!

— Тот, кто не забудет включить мозги, — язвительно заявила Бекки. — Вы можете ехать одновременно. Ваши траектории даже не пересекаются.

— А если я всё равно сомневаюсь?

— Съезжай на обочину, остановись и звони мне. Главное не создавай хаос, — отрезала она.

Том покачал головой:

— Они правда хотят, чтобы я помнил всё это наизусть? Может, проще, как раньше — у кого револьвер больше, тот и главный!

Бекки закатила глаза:

— Я боюсь представить тебя на дороге.

— А я — всех этих людей, которые по таким правилам ездят, — парировал Том.

Жизнь постепенно вставала на рельсы. Днём мы снимали новые ролики и осваивали город. После, когда Том и Бекки шли разбираться с приоритетами на дорогах, мы с Джейм уходили гулять.

Он играл на улице — садился прямо на бордюр, доставал гитару, и струны звенели поверх городского шума. Люди останавливались, кидали монеты, кто-то снимал его на телефон. Я ходил со шляпой и шутил со зрителями.

По пути домой мы заскакивали на фермерский рынок и закупались продуктами, из которых Джей почти каждый вечер готовил очередной шедевр, а я был на подхвате.

Сегодня шедевром должны были стать домашние такос.

— Лук мельче, — бросил Джей, помешивая сковороду.

— Как скажешь, шеф, — ответил я.

Он тепло улыбнулся. В кухне стоял запах лайма и специй, и казалось, что весь мир сузился до нашей кухни.

— Попробуй, — Джей зачерпнул ложкой кусочек курицы, подул, чтобы остудить, и поднёс прямо к моим губам. Я машинально наклонился и попробовал.

— Чёрт... я в жизни ничего вкуснее не ел! — я закатил глаза от восторга. — Ты волшебник!

Джей засмеялся и хотел что-то ответить, но в кухню ведя носом, как пёс на запах, вошёл Том.

— Я не могу сосредоточиться, когда так вкусно пахнет. Скоро будет ужин?

— Через пять минут всё будет готово, — ответил Джей. — Накрывайте на стол.

После ужина всем было лениво и хорошо. Мы включили телевизор и пока Джей выбирал фильм, Том собрал тарелки и отнес на кухню. Через пару минут он вернулся и пробормотав «Пусть техника поработает на благо человечества», уселся рядом с Бекки.

На экране ещё шли вступительные титры, когда Джей прислушался и спросил:

— Вы это слышите? Какой-то странный звук.

Том даже не повернул головы:

— Это просто посудомойка. Я поставил на самую мощную программу, чтобы не перемывать по три раза.

Мы переглянулись, но промолчали.

Шум за стеной продолжался: сначала ровное гудение, потом к нему добавилось негромкое бульк-буль, как будто кто-то под водой пытался кашлять.

Прошло минут пятнадцать. Бекки нахмурилась.

— Том, ты уверен, что с ней всё в порядке? Очень странный звук. Раньше она так не делала.

— Всё под контролем, — отозвался Том, но глаза у него метнулись к двери.

Шум становился всё громче и настойчивее. Потом добавился ещё один — глухой пых-пых, будто в недрах кухни кто-то готовился к побегу.

— Том, сходи посмотри, — сказала Бекки и пнула его в бок.

Он неохотно поднялся и пошёл на кухню. Прошла минута. Потом ещё одна.

— Том? — позвала Бекки.

Тишина.

— Том! — громче сказала Бекки. — Что там происходит?

Ответа не было. Только из-за двери донёсся какой-то глухой звук, похожий на шлёп и сдвоенное «Ой...».

Мы бросились на кухню. Джей привычным движением зацепил телефон и включил камеру.

Кухня больше напоминала вулкан в стадии извержения. Из посудомойки хлестала пена — густая, розоватая, помидорно-бобовая, перемешанная с остатками соуса. Она лезла из щелей, капала с ящиков и уже добралась до пола.

Посреди этого хаоса стоял Том, вооружённый половником и полотенцем. Он метался вокруг, пытался затыкать щели, вычерпывать ее половником, но пена только разлетелась веером, облепив его с ног до головы.

— Том! — крикнула Бекки. — Что случилось?!

— Не знаю! Я просто... сложил посуду, налил немного «Жирноты», буквально унцию! — задыхаясь, ответил он.

— Унцией можно отмыть все грехи человечества! — Джей подбежал к посудомойке и нажал кнопку. Машина издала жалобный писк и затихла.

Том выпрямился, тяжело дыша. Он был похож на Санта-Клаус после взрыва на фабрике игрушек.

— Я победил? — спросил он.

— Технически — да, — сказал Джей. — Но кухне теперь понадобится генеральная уборка.

Остаток вечера мы провели в чистке и спасательных работах. Мыли, сушили, тёрли, смеялись и ворчали попеременно. В итоге кухня была вычищена до блеска, но посудомойка отказывалась работать. Она набирала воду, грустно попискивала и останавливалась.

— Джей, её ведь можно отремонтировать? Я же её не убил? — Том беспомощно суетился перед ней, словно перед живым существом, которому причинил боль.

— Утром поищем сервис, — сказал Джей, выключая свет. — А пока идёте спать.

Том пол-ночи не давал мне заснуть: сначала он ворочался, потом воевал с пеной, а под утро начал извиняться перед всеми кухонными приборами мира по очереди. Поэтому проснулись мы уже ближе к полудню.

Наскоро позавтракав, Том сделал ещё одну попытку оживить прибор. Посудомойка на секунду оживала, набирала воду, грустно пикала и снова замирала.

— Джей, где люди ремонтируют вещи, когда они ломаются? — взвыл он. — Где найти ближайшего кузнеца или иного мастера?

— У каждого производителя есть свои сервисные мастерские, — ответил Джей. — Посмотри сбоку на дверце: обычно там телефон или веб-сайт.

Действительно, сбоку была приклеена табличка с номером. Том, не раздумывая, позвонил.

— Джей, тут какая-то музыка играет. Это точно мастерская?

— Подожди. Видимо, все заняты. Сейчас ответят.

«Сейчас» растянулось на четверть часа. Металлическая мелодия, гоняемая по кругу, впиивалась в мозг. Когда Том уже готов был нанести увечья своему телефону, в трубке, наконец, щёлкнуло:

— Добрый день. Сервисный центр. Чем можем помочь?

— Добрый день! У нас посудомойка не работает...

— Залили «Жирноту»? — без паузы уточнил голос.

Том застыл.

— Простите... что?

— Моющее средство. «Жирнота».

— Да... а как вы узнали?

— Случай негарантийный, — без единой эмоции продолжил оператор. — Проще купить новую машину.

— Но она же просто заполнилась пеной! Может, её можно промыть или что-то заменить? — Том уже умолял.

— Можем прислать мастера на диагностику. В четверг через две недели вас устроит?

— Две недели?! Раньше никак?

— Сегодня все как с цепи сорвались с посудомойками. Календарь забит, даже с учётом сверхурочных. Диагностика — 150 долларов.

Том напрягся:

— А ремонт?

— Пока не знаю. Порядка двухсот долларов, скорее всего.

— Так новая стоит пятьсот!

— Я же сразу сказал, купите новую. У нас сейчас большие скидки. А вашу заберём с бонусом — восемьдесят долларов.

— Мне нужно подумать... — Том медленно опустил телефон и посмотрел на нас с обречённым видом. — Я только что позвонил не в сервис, а в магазин по продаже новых посудомоек.

Он выглядел растерянным, и было видно — его мучает не только перспектива ремонта.

— Джей, а как научиться читать мысли?

— Том, — Джей удивлённо поднял брови, — ты хочешь вступить в телепатический контакт с посудомойкой и договориться, чтобы она ожила? Нет. Даже в двадцать первом веке это невозможно.

— Но откуда тогда мужик из сервиса знал, что я залил «Жирноту»? — спросил Том озадаченно.

Джей хотел снова состричь, но вдруг замер, побледнел и резко схватил телефон.

— Кажется, я знаю, — пробормотал он, листая экран. Через секунду его лицо вытянулось. — О нет... Что же я наделал?!

Мы напряглись.

— Джей, объясни толком, что случилось?

Он сглотнул.

— После... нашей битвы на кухне мне не спалось. Я по-быстрому смонтировал и выложил ролик... — он замялся и показал экран. — И, кажется, запустил новый челлендж. #Унци-яЖирноты. Смотрите сами.

Мы сгрудились вокруг телефона.

Посмотреть действительно было на что. Всю ночь тысячи идиотов со всего света соревновались в количестве пены, которое можно выжать из кухонного помощника и гробили свои посудомойки. Каждый изгалялся по-своему.

Сначала все мерялись количеством «Жирноты», которое можно залить в поддон, но как быстро выяснили, половина бутылки — оптимальное количество и добавление средства свыше не давало дополнительного эффекта. Тогда начали смешивать «Жирноту» с краской. Должен признать, оранжевая или голубая пена выглядела значительно наряднее чем бобовая, особенно в ускоренной съёмке.

Постепенно смерть посудомойки стала самоцелью челленджа. В машины лили масло, уксус, растворители, сыпали цемент... Многие потом повторяли эксперимент со стиральной машиной. Больше всего досталось публичным прачечным...

— Это я их всех убил, — прошептал Том, опуская голову.

Бекки подошла и осторожно положила руку ему на плечо.

— Ты никого не убил, Том. Мы просто выложили видео. Никто не просил людей издеваться над техникой.

— Она права, — сказал я, глядя на побледневшего Джея. — Это не наша вина. Просто... люди.

Джей глубоко вздохнул, чуть приободрился и снова пролистал экран.

— В этот чёрный для кухонной техники день мы хотя бы набрали прилично донатов, — сказал он с кривой усмешкой.

Он пролистнул ещё пару уведомлений и добавил:

— И, кстати... Нам уже написали несколько магазинов техники. Хотят сотрудничать. Готовы бесплатно прислать новую посудомойку на распаковку. Ещё и заплатят сверху.

Том выпрямился.

— Нет, — твёрдо сказал он. — Мы не будем менять машину. Мы починим нашу.

— Даже если это будет стоить дороже новой? — уточнил Джей.

— Она заслужила второй шанс. В память о всех ее погибших братьях.

Том весь день рылся в интернете, как енот в мусорной куче. Щёлкал по ссылкам, звонил по бесконечным номерам, но везде разговор заканчивался одинаково:

— Купите новую посудомойку и не морочьте людям голову.

После очередного звонка он откинулся на спинку стула, мрачно глядя на экран.

— Я уже точно слышал этот мерзкий голос! — выругался он. — Хоть сайт и номер другие!

— Очень может быть, — отозвался Джей. — За всеми сайтами из топа выдачи стоят одни и те же люди: байеры крупных сетей или рекламные агентства. У них огромные бюджеты, отлаженные скрипты, оптимизация. Они как загонщики — ведут клиентов по стойлам, пока те мычат от восторга над очередной «скидкой века».

Том уставился на него:

— Я половины не понял из того, что ты сейчас сказал. Ты где такого нахватался?

— От брата. Он подрабатывает в рекламе, — ответил Джей и, как бы передразнивая, напыщенно, протянул: — *«Строчку кликбейт для лидирующих брендов! Создаю мощные заголовки!»* — и добавил уже своим голосом: — Ну да, придумывает всякое вроде «Семь признаков, что ваша стиральная машина вас ненавидит». Его гордость.

Мы все рассмеялись. Джей на секунду замолчал, потом тихо сказал:

— Вообще, он учится на журналиста. Мечтал писать тексты, которые людям хоть немного света добавляют. А пока...

— Как же пробиться через весь этот мусор? — практически простонал Том.

— Попробуй, — ответил Джей, — написать как человек, а не как потребитель.

Том несколько мгновений обдумывал варианты, потом быстро набрал в поисковой строке: «Посудомойка умирает, а я не хочу её хоронить».

«Нетрадиционные обряды прощания»,

«Похороны домашних питомцев»,

«Как правильно заморозить бабушку и получать её пенсию».

Том зачитал заголовки с горькой усмешкой. Он уже тянулся закрыть вкладку, когда среди всего этого бреда увидел строчку, отличавшуюся от остальных: «Почему проще похоронить посудомойку, чем отремонтировать».

Ссылка вела на сайт какой-то торговой ассоциации. Выглядел он невзрачно, даже скучно: ни кричащих заголовков, ни ярких привлекающих картинок. Просто текст. Но мы, начав читать, сразу залипли.

Там говорилось, что за последние полвека техника стала дешевле и доступнее для покупателей, но теперь каждый проданный прибор приносит производителям в разы меньше прибыли. Поэтому им жизненно важно, чтобы вещи умирали: чем короче срок службы, тем быстрее люди бегут за новой коробкой. И никого особо не волнует, что весь мир уже завален электронным мусором.

Некоторые производители в своём стремлении к «оптимизации бизнеса», доходят до того, что делают свои продукты практически одноразовыми: корпуса даже крупных приборов конструируют неразборными, аккумуляторы намертво вклеивают, и, порой, проще найти схему атомной станции, чем сервисные коды к стиральной машине.

— У тёти Полли до сих пор маслобойка стоит, которая бабушке в приданое досталась, — Том отвёл взгляд в сторону, будто снова видел теткин у кухню. — Доски почернели, обручи

ржавые, толкач отполирован руками до блеска. Она стонет, скрипит, но работает... А теперь, выходит, машинки дохнут быстрее, чем ты к ним привыкнуть успеешь.

«Цель нашей ассоциации — поддерживать тех, кто делает технику с шансом на вторую жизнь и борется с электронным хламом, — прочитали мы дальше на сайте. — Мы призываем потребителей голосовать долларом за наши идеи: перед покупкой проверьте в нашем рейтинге ремонтпригодности, насколько легко будет починить ваш прибор. Если у вас что-то сломалось — найдите мастера рядом с вами».

— Кажется, мы, наконец, нашли то, что нужно, — Том заметно оживился.

Форма поиска оказалась простой и удобной. Мы ввели наш почтовый индекс — и сразу получили список ближайших мастерских с контактами.

Том с надеждой набрал первый номер в списке:

— Алло, это мастерская?

— Да. Чем могу помочь?

Том коротко объяснил ситуацию.

— Вызов и диагностика — семьдесят баксов, но, если делаем ремонт, они вычтутся из общей суммы.

Мы переглянулись. Это звучало слишком хорошо, чтобы быть правдой.

— Оплата только наличными, сразу предупреждаю, — добавил мастер.

— Эм... Ладно, — ответил Том.

— Серьёзно, только нал. Никаких переводов, карт, чеков.

— Да-да, поняли, — кивнул Том, хотя мастер не мог этого видеть.

— Диктуйте адрес, — Том продиктовал наш адрес.

— Недалеко, — хмыкнул мастер. — Завтра утром зайду. Часов в девять-десять. Устроит?

— Отлично. Как вас зовут?

— Джим.

— Я Том. Тогда ждём вас завтра, Джим.

— Угу, — сказал мастер и без прощальных фраз отключился.

Утром в дверь позвонили. Я оказался ближе всех и пошёл открывать.

На пороге стоял мужчина за пятьдесят, седой, широкоплечий. Он улыбнулся уголком губ и протянул мне крепкую ладонь.

— Добрый день. Где пациент?

Джим быстро разулся и твердой походкой проследовал за мной на кухню. Там он осмотрел посудомойку, отключил её от электричества, что-то ловко открутил и одним движением вытянул её из-под столешницы.

— Так, ну посмотрим, что у вас тут, — сказал он себе под нос, снимая боковую стенку.

Кузнец в Сент-Питерсберге не терпел зевак. Стоило нам сунуть нос в кузницу, как он тут же размахивал клещами и гнал нас прочь, мол, нечего над душой стоять. Я был почти уверен, что Джим сделает то же самое. Но когда я опустился на корточки рядом, тот даже не взглянул в мою сторону.

— Какая штука... хитрая, — выдохнул я.

— Штука хитрая, но не сложная, — отозвался Джим. — Смотри. Вот циркуляционный насос. Он всасывает воду из поддона и направляет ее в форсунки. За счет этого круговорота посуда моется.

— Это... невероятно.

Джим усмехнулся и продолжил:

— Тут теплообменник — нагревает воду. Это — сливной насос, он выгоняет грязную воду в канализацию.

Он с щелчком снял небольшую деталь и покрутил её в руках, рассматривая. Затем достал из сумки небольшую коробочку со стрелкой и проводами и коснулся ими контактов. Ничего не

произошло. Джим удовлетворенно кивнул, словно только что подтвердил собственные подозрения.

— Ага... Ну вот и причина. Датчик уровня воды сдох. Если он не работает, система не знает, сколько воды подавать и выдает ошибку.

Он поставил новый датчик, закрепил, включил машину, и... она ожила: загудел насос, пошли потоки воды.

— Это было круто! — я не смог сдержать восхищения.

Тут на шум воды с радостным воплем в кухню влетел Том:

— Она работает?!

— Да, Джим просто волшебник, — сказал я, не в силах оторваться от работающего механизма.

Джим улыбнулся и хлопнул меня по плечу.

— Ладно, парни, с вас семьдесят долларов, как договаривались.

Было видно, как гора свалилась с плеч Тома. Он сразу полез в карман. И я не припомню, чтобы он когда-нибудь расставался с деньгами с таким воодушевлением.

— Если что, звоните. Всегда рад помочь.

— А почему только наличные? — убирая кошелек спросил Том.

Джим взглянул на него и чуть скривил губы, будто не в первый раз отвечал на этот вопрос:

— Потому что всё остальное для меня не работает.

— В смысле? — Том поднял брови. — Карта-то у тебя есть?

— Карта есть, — кивнул Джим. — Только на неё ничего не приходит, а то, что там лежит, я не могу потратить.

— Как это? — Том нахмурился.

— Ну вот так, — пожал плечами Джим. — Любая транзакция или блокируется, или уходит на проверку на несколько дней. Покупка в магазине? «Ожидайте подтверждения». Перевод? «Требуется дополнительной проверки». Билет? «Ошибка системы».

Он достал из кармана телефон, разблокировал экран и ткнул в список уведомлений. Там мелькали одинаковые строки: «Платёж отклонён», «Операция не выполнена», «Подозрительная транзакция».

Том присвистнул.

— Это что, банк так с тобой шутит?

— Было бы смешно, если бы это был банк, — Джим убрал телефон в карман. — Банков много... Но тут другое.

— Что тогда? — я уставился на Джима в непонимании.

Джим оперся на стол и вздохнул.

— Когда-то всё было нормально. Кредитка, чековая книжка, обычная жизнь. А потом однажды я купил билет на самолёт — и платёж завис. Проверка на 72 часа. Ну ладно, думаю, глюк. Попробовал ещё раз — та же история. Потом начал замечать, что деньги на карту приходят, но я их снять не могу. А потом уже и приходиться перестали.

— И как ты с этим живешь? — спросил Том, всё ещё не веря.

— Как в старые времена: только живые доллары, — развёл руками Джим.

Том озадаченно тёр подбородок.

— А ты пробовал как-то с этим разобраться?

Джим усмехнулся.

— Почти год промучился, пока не опустил руки. Где-то стоит пометка, что я подозрительный. То ли совпал с чьим-то именем, то ли кто-то что-то перепутал, но итог один: все эти электронные штуки больше не для меня.

Том сжал губы, переваривая услышанное.

— То есть... ты не можешь доказать, что ты не тот, за кого тебя приняли?

— Некому доказывать, — выдохнул Джим. — В какую дверь стучать, если никто не скажет, где она? Это не суд, не полиция, не банк. Это какая-то система, которая просто решила, что я угроза.

Том пошел пятнами от разгорающегося негодования.

— Это же какое-то... цифровое рабство, — сказал он, глядя Джиму прямо в глаза. — Тебя просто вычеркнули из нормальной жизни.

Джим только грустно усмехнулся.

— Верно подмечено, парень, — кивнул он. — Я пашу, как все, плачу налоги, но для системы меня нет.

— Мы сделаем все возможное, чтобы освободить тебя! — выпалил Том.

— Можешь попробовать, — Джим пожал плечами. — Я-то что? Я уже привык.

Было видно — он не верит, что что-то изменится. Но всё равно рад, что хоть кто-то пытается.

Когда Джим ушел, Том долго вытаптывал ковёр в гостиной, хмурился и теребил лоб. Наконец, он пришел к решению:

— Я думаю, кто-то уже сталкивался с такой фигнёй. Джей, Бекки, давайте поищем похожие случаи. Ну... хоть что-то, что даст нам направление.

Том и Бекки заняли стол. Джей устроился в кресле, поджав ногу. Мне телефона не досталось и пришлось подсесть вплотную к Джейу, заглядывая ему через плечо. Он не смутился, лишь наклонил экран, чтобы мне было лучше видно.

Полчаса прошли почти в полной тишине. Мелькал поисковой мусор, чьи-то жалобы, крики в пустоту.

И вдруг Бекки выпрямилась:

— Вот это интересно. Смотрите.

Она коротко набрала воздух и начала:

— Парень из Техаса. Его сначала перестали сажать на рейсы, потом по очереди закрыли все счета. Он долго не мог понять почему. И только когда старый друг-банкир пригласил его лично на закрытие последнего счёта... понял.

— И? — нетерпеливо вставил Том.

— Банкир, нарушив все должностные инструкции, рассказал, что его имя полностью совпало с именем латиноамериканского наркобарона и теперь светится в базе, — продолжила Бекки. — И банку проще закрыть счёт, чем вручную проверять каждую покупку жвачки за полдоллара.

Том фыркнул грубо:

— Имя твоё — враг твой. Гек, помнишь, как Тома Джордана приняли за его тезку-конокрада и уже веревку мылили?

— Такое на забудешь! Нашего Джордана спас геморрой, из-за которого он на стуле сидеть не мог, не то, что в седле. Та еще была сцена, когда он его шерифу предъявлял.

— До сих пор за свой геморрой отдельную молитву произносит.

Мы с Томом от души расхохотались. Бекки по очереди сверлила нас взглядом, пока мы не притихли.

— И чем всё закончилось у техасца? — наконец спросил Том.

— Парень два года пытался бороться. В итоге он сменил имя. Сейчас всем, кто попал в подобную ситуацию, советует не терять время, а сразу идти в Центр идентификации и писать заявление.

— Похоже, таких бедолаг, как Джим и этот техасец, немало, — сказал Джей и зачитал:

«Я работал учителем младших классов в Эвансвилле. Друзья вытащили меня на уикенд в Вегас. Мы хорошо повеселились, я и не заметил, как лишился своей сумки с документами. Так

как все деньги к тому времени были успешно проиграны, я не придавал этому большого значения. А через год меня уволили из школы.

Я ходил на собеседования, но каждый раз на последнем этапе получал отказ. Я уже был в отчаянии, когда один из директоров бросил мне: "Ты хороший парень, но с судимостями доступ к детям тебе закрыт". Через центр идентификации я запросил свое досье и был шокирован: кто-то под моим именем в Неваде засветился в ряде мошенничеств и подлоге. Более того, по официальным данным, я уже три месяца как отбывал наказание в окружной тюрьме.

Я дошел до суда в попытках снять с себя судимость. Судья посмотрел материалы, обозвал всё это 'бардаком' и за полчаса вынес решение в мою пользу. Но запись из базы до сих пор не удалили.»

— Вот же... — Бекки тихо выдохнула. — Человека взяли и раздавили не пойми за что.

— Ага. Просто жил, работал, детей учил. А по бумажкам выходит — аферист и сиделец. — Он задумчиво подпер нос пальцем. — Вы тоже заметили, что в обеих историях всплывает этот Центр идентификации? Посмотрим, что это за контора.

На портале Центра идентификации были собраны все мыслимые услуги — от регистрации самолётов до голосования за президента. Глаза просто разбегались от разделов, подразделов и бесконечных формочек. Было видно, что сайт очень хотел нам помочь. Одно за другим на нас начали выскакивать окна. «Полезные услуги» предлагали зарегистрировать питомца, заплатить налог и получать бесплатные гигиенические пакетики. «Новое на портале» обещало что-то совсем непонятное, но выглядящее чертовски важным: «Автоматизация DEI для микро-компаний: повышаем разнообразие от 200 %. Пакет на трёх сотрудников — всего \$499 в месяц».

— У нас полгода уйдёт только на беглое знакомство с этим монстром, — мрачно выдал Том.

Тут из угла экрана вылез рисованный человечек и замахал рукой. Следом всплыл пузырь со спасительной надписью: «Нужна помощь?». Том, не раздумывая, кликнул, и пузырь развернулся в чат.

Алекс: Здравствуйте! Меня зовут Алекс. Я онлайн-консультант Центра идентификации. Я буду вашим гидом по порталу. Как я могу к вам обратиться?

Том хмыкнул и быстро ответил:

Том.

Алекс: Очень приятно, Том! Чем я могу помочь, Том?

Том собрался с мыслями и напечатал:

У моего друга, Джима, какая-то дикая ошибка в ваших базах. Ему не продают билеты — ни на поезд, ни на самолёт. Его карты и чеки вообще не работают: деньги не приходят и не уходят, все операции блокируются. И выходит, что Джим живёт как на Диком Западе: только наличка, иначе ни купить, ни заплатить, ни поехать.

Нам нужно понять, почему система решила, что он подозрительный, и вернуть его к нормальной жизни.

Алекс: Понимаю вас, Том! Если невозможно купить билеты на поезд и на самолёт, тогда попробуйте другой вид транспорта. Например, автобус!

Том: Алекс, дело не в транспорте. У него карты не работают!

Алекс: Прекрасно, Том! По статистике, наиболее частая причина отказа в обработке карт — недостаток средств или превышенный кредитный лимит. Попробуйте пополнить счёт или повысить кредитный лимит! Хотите сделать запрос в бюро кредитных историй и получить достоверную оценку ваших кредитных возможностей?

Том: Ни одно пополнение не проходит! Система считает Джима подозрительным!

Алекс: Рад, что могу помочь, Том! Вот подробная инструкция “Как вести себя на подозрительных сайтах и избежать мошенничества”.

Том: Что?!! Я же про другое, Алекс! Нам нужно понять, где ошибка!

Алекс: Понял вас, Том. Если вы считаете, что на нашем сайте есть ошибка, заполните форму “Сообщить о проблеме”! Мы очень благодарны за вашу обратную связь. Она помогает нам становиться лучше.

Том уже был готов сорваться.

Том: Тупая машина! Как мне поговорить с живым человеком?

Алекс: Вы можете записаться на личный приём в Центр идентификации по телефону 555-0134. Я могу вам ещё чем-то помочь?

— Хватит уже с меня такой помощи, — Том резко встал из-за стола. — Полчаса жизни угробил на этого вежливого идиота... Если и по телефону мне ответит железяка — я не знаю, что сделаю!

Он уже тянулся за телефоном.

— Давай лучше я, — Бекки ловко перехватила трубку. — Пока за тобой полицию не прислали.

На четвёртом гудке в телефоне прозвучало:

— Центр идентификации граждан, добрый день.

— Извините, а вы живой человек?

— Скорее полуживой. От таких тупых вопросов. Что вы хотели? — без сомнения бездушная машина была не способна так от души хамить

Бекки невольно улыбнулась, вдохнула поглубже и подробно рассказала о нашей проблеме.

— Ситуация, конечно, неприятная... — задумчиво ответил голос. — По телефону я вам помочь не смогу. Приходите на личный приём в офис. Могу записать вас на завтра, на одиннадцать. Устроит?

— Конечно.

— Приносите все подтверждения, которые сможете собрать: письма, уведомления, скриншоты. И возьмите доверенность от вашего друга — простой формы хватит. Образец есть на нашем сайте...

— Я могу вам ещё чем-нибудь помочь? — спросил оператор.

— Спасибо! Правда, спасибо! — выдохнула Бекки.

Тома передёрнуло от одной мысли, что ещё раз придётся иметь дело с Алексом.

— В нашем деле, э... наметился маленький прогресс. Предлагаю перерыв на чай? Все будут чай? — выдал он нарочито бодро и, не дожидаясь ответа, сбежал на кухню.

Мы проводили его смехом.

— Я покопаюсь на сайте и найду доверенность, — сказал Джей. — Гек, позвони, пожалуйста, Джиму, договорись о встрече сегодня.

Я набрал номер.

— Джим, здравствуйте снова. Это Гек. Вы сегодня у нас были, ремонтировали посудомойку.

— А, Гек, рад слышать. Что-то опять с машиной?

— Нет, всё в порядке. Мы всё утро разбирались с вашей проблемой и записались на приём к офицеру на завтра. Нам от вас нужны примеры отказов — всё, что сможете найти — и доверенность.

— Я сейчас на вызовах, — ответил Джим. — Вернусь в мастерскую около пяти. Заскакивай, буду рад компании.

Когда я вошёл, меня накрыл уютный хаос. Мастерская была просто забита телефонами, ноутбуками, тостерами, мотками проводов. Из угла на меня косился своим единственным глазом старый пылесос.

— Привет, заходи, — бросил Джим. Он возился возле огромного холодильника, который здесь едва помещался. — Там табуретка сбоку, садись.

Несмотря на внешний хаос, весь инструмент у Джима был развешан по стенам в идеальном порядке: отвёртки, ключи, разные приспособления; на стеллажах стояли подписанные коробки с запчастями.

— Классно ты тут устроился.

— Ну... люблю, когда всё по местам, — ответил Джим, не отвлекаясь, но в его тоне слышалась гордость бобра, рассказывающего о своей хатке.

Он посветил странным фонариком с фиолетовым лучом на трубки внутри холодильника. В этом свете металл зазеленел, прям как гнилушка в ночном лесу.

— А я и не знал, что внутри холодильника живет стая светлячков, — вырвалось у меня.

— Точно подмечено, парень! — Джим добродушно расхохотался. — В масло добавляют светящийся краситель. Он показывает, если в системе появилась дыра и рабочий газ утекает. Вот тут, видишь? Сейчас запаяем.

Джим достал горелку, повернул вентиль, и голубоватое пламя вспыхнуло, озарив мастерскую странным колеблющимся светом. Внутри у меня поднялся тот же восторг, что и в первый раз, когда я видел, как Джим разбирает посудомойку.

— Джим... а научи меня всему этому?

Он приподнял бровь:

— Чему именно?

— Ну... отремонтировать технику. Я же вижу, ты ее не просто чинишь, а будто спасаешь от смерти.

Джим хмыкнул.

— Тебе придётся мотаться со мной по городу. Смотреть, учиться. Готов к этому?

Я, не раздумывая, кивнул.

— Ещё как!

— Тогда, договорились. С понедельника присоединяйся, будешь помогать.

Я хотел всего пару минут еще посидеть, но они незаметно растянулись на часы. Когда Джим закончил с холодильником и стал раскладывать инструмент, за окнами уже загорелись уличные фонари.

— Чуть не ушёл с пустыми руками, — усмехнулся я, вспомнив, зачем вообще пришёл.

Джим достал из стола аккуратную стопку бумаг.

— Я собрал это, когда сам пытался что-то решить. Забирай. Надеюсь, у вас выйдет лучше.

* * *

В Центре Идентификации пахло бумагой, кофе и правилами. Мы подошли к стойке, за которой сидел клерк с абсолютно невозмутимым лицом. Но в глазах его все же проглядывал живой человек, хоть и плотно замотанный в инструкции.

Том суетливо выложил бумаги Джима на стойку.

— Здравствуйте, у нашего друга проблема... — начал он сбивчиво.

Клерк остановил его жестом:

— Сэр, прежде чем мы перейдем к вашей проблеме, назовите себя и предъявите удостоверение личности.

— Я Томас Сойер... А вот удостоверения у меня нет...

— С собой нет?

— Нет. Вообще.

Клерк моргнул, сохраняя фирменную вежливость.

— И как же вы в банк ходите?

Том развёл руками:

— А я и не хожу. Судья Тэтчер решает все дела с нашим банком. Я, можно сказать, доверяю человеку.

Клерк чуть усмехнулся уголком губ.

— Удобно. Но, к сожалению, с этого года всё строго: без документа я не могу вам помочь.

Том покачал головой.

— И где же я его возьму, если у меня никогда не было?

— Начнём с начала, — мягко сказал клерк. — У вас есть свидетельство о рождении?

— Нет.

— Не страшно. Вы пришли правильное место, чтобы это исправить. Мы можем выдать свидетельство о рождении с поздней регистрацией.

Он повернулся к экрану и быстро набрал несколько команд.

— В каком году и где вы родились?

— В Сент-Питерсберге, штат Миссури в тысяча восемьсот тридцать втором от Рождества Христова

— Вот это дата... — протянул клерк и приподнял брови. — Ну что ж, у нас всё предусмотрено даже для долгожителей.

Он постучал по клавиатуре.

— Любопытно. В архиве действительно есть электронная запись — Сент-Питерсберг, Миссури. Имя совпадает. Но мне, кроме метрики, будут нужны еще два подтверждения.

— Какие ещё подтверждения? — спросил Том несколько с вызовом, но все-таки уважительно. — Если нужно, Гек и Бекки подтвердят, что я — это я. Мы с детства вместе.

Клерк улыбнулся — вежливо, чуть устало, но без издёвки.

— По закону я могу принять только одно свидетельство. И, — он взглянул поверх очков, — у молодых людей тоже должны быть собственные документы.

Том нахмурился.

— В смысле?

— Без собственных документов их подписи не имеют юридической силы, — пояснил клерк. — Видите ли, по правилам никто не может доказать чужое существование, пока не подтвердил своё.

Он наклонился вперёд, понизил голос почти до доверительного:

— Не стоит отчаиваться. Попробуйте поискать. Иногда старые бумаги всплывают в самых неожиданных местах. Газеты, архивы, фотографии... всё, что угодно. Принесёте — я вас зарегистрирую.

Мы вышли из Центра и зашагали без определенного направления.

— «Газеты, архивы, фотографии...» — бормотал себе под нос Том, размышляя. — Чтоб его...

Через два квартала он решил, что мысль достаточно созрела, чтобы разделить ее с нами.

— Ребята... мы же в Сент-Питерсберге личности известные. Не раз в газеты попадали. Помнишь, Бек, как мы из пещеры вышли — сколько народу вокруг щёлкало этими ящиками с линзами? А клад... за ним вообще репортёр из самого Сент-Луиса приезжал — «документировать историческое событие», — он так и сказал.

Он осёкся и покачал головой:

— Только где достать газету, которой сто восемьдесят лет? Что, кататься по деревням и спрашивать, не завалилась ли у кого подшивка в старом нужнике?

Джей от души расхохотался.

— Том, экспедицию в деревенские туалеты предлагаю пока отложить. Мы с исследованием наследия семьи Тэтчер ещё не до конца разобрались.

Он отсмеялся, выдохнул и уже спокойнее добавил:

— Почти всё можно найти в библиотеках. И чаще всего это будет уже в электронном виде.

— Как это — в электронном? — оживился Том.

— Всё просто, — сказал Джей. — Старые газеты давно отсканировали. Есть электронные подшивки, городские архивы. Пойдёмте перекусим и поищем.

Мы устроились в небольшом кафе и сделали заказ.

— Какой период смотрим? — спросил Джей. — Восемьсот сорок четвертый год, начиная с июня, — ответила Бекки. — Сразу после моего дня рождения.

Ещё не успели принести заказ, как Джей поднял голову от телефона:

— Нашёл.

На экране — пожелтевшая страница, выцветшие буквы и снимок.

«Юные жители Сент-Питерсберга спасены из пещеры МакДугала. Томас Сойер и Ребекка Тэтчер живы.»

Бекки прикрыла рот ладонью, а Том медленно выдохнул, будто увидел собственное прошлое, проступившее сквозь газетную краску.

Через минуту Джей кликнул дальше, и экран вспыхнул новой полосой. Крупный заголовок кричал:

«Найден клад десятилетия!»

Под ним шёл короткий, плотный текст:

«Томас Сойер и Гекльберри Финн нашли сундук с золотом! По слухам, найденное сокровище может быть связано с печально известной бандой Меррелла, долгие годы промышлявшей вдоль Миссисипи. Горожане празднуют находку и поздравляют юных искателей с невиданным успехом.»

На фотографии — мы с Томом: я держу лопату, Том — тачку с мешком, туго набитым монетами.

— А вы и впрямь легенды, — негромко сказал Джей. В его голосе не было ни шутки, ни иронии — только уважительное изумление.

— Джей, ты сам просто клад, смог все это раскопать! — воскликнул я, и в голосе прозвучало чуть больше, чем просто благодарность.

— Гек, Бекки, так теперь можно нам всем документы сделать. Мы официально существуем!

Обратно в Центр идентификации мы летели, как на крыльях. Даже полный желудок не тянул к земле. Том шёл первым, держа распечатки, как штандарты победы. Двери распахнулись, он почти подбежал к стойке.

— Мы нашли! — выпалил он, выкладывая страницы перед клерком. — Вот они — две публикации. Фото, имена, даты. Всё по правилам!

Клерк несколько раз перевел взгляд с фотографий на нас и обратно, будто перед ним внезапно ожили музейные экспонаты.

— Прекрасно, — сказал он наконец. — Рад, что поиск подтверждений не занял у вас много времени. Сейчас оформим вам свидетельство о рождении.

Он просмотрел страницы, сверил имена, и вскоре принтер зашипел, выплёвывая свежий лист.

— Томас Сойер, дата рождения — первое января 1832 года, — прочитал клерк и поставил печать.

Том торжественно взял бумагу.

— А теперь, — сказал он, — моим друзьям. Фотографии как доказательства, и мое поручительство.

Клерк кивнул и, по уже знакомой нам процедуре, уточнил у меня и Бекки даты и место рождения, занёс всё в форму. Потом повернулся к Тому, протянул ему две бумаги и произнес:

— Поднимите правую руку, скажите: *«Клянусь, что приведённые сведения верны, насколько мне известно»*. И подпишите.

Том со всей серьёзностью дал клятву. Клерк поставил подпись, печать, принтер снова зашуршал, и вскоре на стойку легли два новеньких свидетельства.

— Готово. Ребекка Тэтчер и Гекльберри Финн. Дата рождения — первое января тысяча восемьсот тридцать второго года.

Мы с Бекки переглянулись.

— Минутку, — сказал я. — Это ведь тот же день, что и у Тома?

Клерк кивнул без тени смущения:

— Так положено. Если точная дата неизвестна, по инструкции ставим первое января.

Том хмыкнул:

— Ну, значит, у нас теперь общий день рождения.

Джей усмехнулся:

— Зато удобно. Одна вечеринка на троих, да еще и в Новый год.

Клерк передал нам бумаги.

— Теперь вам нужно обратиться в Центр социального страхования для получения номеров SSN. После этого сможете оформить REAL ID. Я могу ещё чем-то помочь?

Мы переглянулись. Внутри всё радостно колотилось.

— Да, — сказал я, делая шаг к стойке. — Наш знакомый... Джим. У него есть всё — и номер, и дата рождения, — но банки и службы его не видят, будто он исчез. Вот история его злоключений.

Клерк взял бумаги, внимательно их просмотрел и застучал по клавиатуре.

— Хм... вижу его запись. Всё чисто: дата рождения, SSN, судимостей не зарегистрировано. — Он на секунду задумался, взгляд стал сосредоточенным. — Я не вижу никаких причин для блокировок. Попробуйте обратиться в Департамент по борьбе с киберпреступностью. Возможно, там знают, почему на него могли наложить ограничения.

Он вернул бумаги и улыбнулся уголком рта:

— У нас есть инструкции практически на все жизненные случаи. Но иногда система спотыкается о саму себя. Желаю вам удачи в вашем деле. До свидания.

— Всё-таки никакой, даже самый умный, «Алекс» не может заменить живого человека! — Том буквально сиял, пока мы тряслись в метро. — Уверен: в департаменте по борьбе с киберпреступностью тоже работают люди, и они обязательно нам помогут!

Офицер за стеклом, видимо, слишком долго работал среди компьютеров, отчего сам стал каким-то механическим. Он абсолютно без эмоций выслушал историю Джима и выдал нам форму на тридцати листах к заполнению. Если бы не Джей, мы бы там и сгнили между пунктами «13.4.5.a» и «13.4.5.b».

Полтора часа спустя мы вернулись к окошку.

Офицер даже не глянул на пункты ниже имени и фамилии Джима. Он вбил имя в компьютер и через несколько секунд все также равнодушно озвучил:

— Поиск по списку подозрительной активности выдал положительный ответ на имя, по которому сделан запрос.

— И что это значит? — уточнил Том.

— Это значит, что особа с таким именем может быть временно ограничена в получении электронных услуг из соображений безопасности.

— Это мы уже поняли... — Том барабанил пальцами по стойке. — А как Джим туда попал? Чем таким он показался подозрителен?

— Этой информации нет в доступе.

Том подался вперёд:

— Но это же живой человек, а не просто запись в компьютере! Должен же быть путь, как ему помочь!

— Конечно, способ есть, — кивнул офицер, не меняя выражения лица. — Вы можете обратиться в ведомство, которое внесло запись. Оно рассмотрит обращение и, при достаточности оснований, удалит ограничение.

— Прекрасно. Куда обращаться? Какое ведомство? Вы же можете узнать?

На этот раз офицер даже голову слегка повернул — жест почти человеческий.

— Ответ утвердительный. Узнать я могу. Но вам не скажу, так как это секретная информация.

— Что же нам теперь, писать запросы во все инстанции подряд? — в голосе Тома прорезалось отчаяние.

— Ваша идея не лишена смысла, — ответил офицер задумавшись. Он снова постучал по клавиатуре. — Хотите распечатаю список всех возможных инстанций, кто имеет доступ к базе? Тут всего тысяча триста позиций...

— По всей видимости, у Алекса есть старший брат. И он тоже работает на правительство, — ехидно заметил Джей, когда мы вышли на улицу. Но Том пропустил колкость мимо ушей. Он отрешенно смотрел в пустоту.

— Томас Сойер, ты не можешь просто так взять и сдаться! — голос Бекки прозвучал резко, будто удар плетью.

— Бекки, ты же сама слышала, нам предложили биться головой об стену.

— И что? Кто мне говорил, что, если делать это достаточно долго и настойчиво, она рано или поздно треснет?

— Но это не просто стена. Это государственная машина!

— Именно поэтому не стоит пытаться сдвинуть ее в одиночку, Том. У любой машины есть винтики и шестерёнки, которые направляют её в нужную сторону. Нужно найти тех, кто знает, как их смазать.

Том смотрел на Бекки все еще не до конца понимая.

— Ты хочешь, чтобы я...

— Да.

— Но кому это вообще может быть интересно?

— Ты не знаешь, кто тебя смотрит. Но они знают тебя. Может, среди них есть те, кто понимает, как работает эта система. Дай им шанс.

Том ещё мгновение стоял неподвижно, а потом медленно кивнул.

— Джей, включай камеру.

«Я знаю, что обычно вы смотрите меня, чтобы поугорать. Чтоб увидеть, как мы тут разбираемся с этим миром, как я снова туплю. Я знаю. И мне нравится, что мы можем смеяться вместе.

Но сегодня не до шуток.

Я приехал сюда из маленького города. У меня здесь не так много друзей. Но один из них попал в настоящую беду.

Его имя Джим. Он живой человек, он работает, не преступник. Но он застрял в цифровой ловушке: его имя висит в списке подозрительной активности, и никто не может объяснить почему.

Мы пытались решить это через официальные службы. Нам сказали, что эту блокировку может снять только тот, кто её установил. Но кто это — секретная информация.

Я не знаю, что с этим делать. Но, может быть, кто-то из вас знает.

Я не прошу денег. Мне не нужны лайки, репосты, реакции. Мне нужны люди. Те, кто знает, как это работает. Может, вы юрист. Может, вы работали в банке. Может, у вас есть знакомый, который хотя бы подскажет, где искать выход.

Я впервые прошу вас о чём-то серьёзном. И это способно реально изменить жизнь человека.

Этот мир не так уж плох. И я верю, что он должен принадлежать людям, а не бездушным системам.»

Глава 10

Я рассматривала карточку в руках — моё новое водительское удостоверение. Холодный пластик приятно согревал душу, как маленькое доказательство моего первого личного завоевания в этом мире.

Управлять автомобилем оказалось даже проще, чем упряжной повозкой: машина всегда слушалась приказов, не шарахалась от собак и взлетающих из-под копыт голубей, не пыталась выскочить из упряжи и перевернуть повозку. А еще ее не нужно было полчаса запрягать перед десятиминутной поездкой.

Сложностей, конечно, хватало. Других автомобилей на дороге, как по мне, было слишком много. Поначалу я подпрыгивала и покрывалась краской от каждого гудка в мою сторону. Но на третий или четвертый выезд в город страх поутих. Я начала замечать, что в кажущемся беспорядке, все ведут себя достаточно предсказуемо и стараются следовать правилам. Исключение составляли дикие самокатчики, которых мой инструктор поминал на каждом уроке, будто они были отдельным видом природной опасности. В какой-то момент я поймала себя на том, что мне действительно нравится быть за рулём.

У Тома все было иначе. Будучи одним из лучших наездников в Сент-Питерсберге, он обращался с автомобилем как с диким мустангом: окликал его издали, гладил по «холке», сопровождал каждый поворот похлопыванием по рулю или присвистом. Эта привычка в итоге сыграла с ним дурную шутку на экзамене.

Он неплохо проехал маршрут, хотя все его причмокивания жутко бесили не только меня, но и экзаменатора. Но на финальном перекрестке какой-то лихач решил подрезать «тормоза-новичка». Том применил экстренное торможение... так, как сделал бы это верхом: он рванул «поводья» на себя и уперся обеими ногами в педали как в стремяна. Машина взревела двигателем, потом взбрыкнула, и только вовремя среагировавший инструктор спас нас от столкновения.

Так что теперь у меня в руках была пластиковая карточка, а у Тома — уязвлённая гордость и пересдача через две недели.

Удивительно, как быстро мы вкатились в новый ритм: съёмки, монтаж, работа с подписчиками — теперь это было нашей рутинной. Каждое утро начиналось с мозгового штурма по поиску идей для новых видео. Мы собирались в гостиной. Гек с Джем почти всегда оказывались вместе на диване. Том задумчиво ходил из стороны в сторону, скрестив руки за спиной, словно генерал, обдумывающий стратегию перед битвой. Мне же привычнее было работать за столом — я открывала блокнот и делала пометки, фиксируя то, что могло пригодиться. Туда же я выписывала вопросы и предложения зрителей.

Идеи приходили не сразу. Иногда мы теряли по несколько часов, перебирая десятки вариантов и отменяя их один за другим. После первых вирусных видео было не так просто удерживать планку, ведь теперь зрители ждали от нас не просто чего-то нового, а чего-то, что их снова заставит смеяться или удивляться.

Зато сами съёмки были самой приятной частью нашей работы. Мы забирались в самые неожиданные места, знакомились с удивительно добрыми и открытыми людьми, дурачились от души. Я показывала, как печь хлеб, как правильно доить козу и корову; ранчо вообще стало одной из наших любимых локаций. Там, несмотря на кучу хитрых устройств и современную технику, всё равно пахло домом.

За одну вылазку мы снимали «материал» — да, я и сама не заметила, как нахватались блогерского сленга — сразу на два-три выпуска. За монтаж отвечал Джей, а мы с Томом «работали с комментариями».

Комментариев было море. Больше половины составляли послания от вульгарных дамочек:

**"Том, ты мой герой!" "Как можно быть таким харизматичным?!"
"Мне кажется, Том Сойер — это мой идеальный мужчина."**

И ещё эти сердечки. Вся страница усыпана смайликами с поцелуями, влюблёнными глазами и обморочными розовыми облачками.

Конечно, мне тоже иногда присылали добрые слова и сердечки. И это выглядело... мило. Как тепло ладони, задержавшейся на мгновение дольше обычного.

Но здесь... Они летели пёстрой, наглой толпой, перекрикивая друг друга.

Я нисколько не ревновала, но глядя в экран не могла отделаться от чувства, как меня будто что-то грызет акульими зубами изнутри. Кто вообще решил, что без сердечек нельзя нормально выразить свои мысли?

К счастью, Том вообще не обращал на эти сообщения внимания. Его больше заводили перепалки с «троллями». Почти всегда они заканчивались фразой «Ну-ка, приходи и скажи мне это в лицо, я тебя точно вздую!». Том даже пару раз назначал разборки и ездил на них на другой конец города, но никто, конечно, на них не объявился. Другим зрителям нравилось наблюдать, как Том выходит из себя. Это порождало новую волну комментариев и популярность канала росла.

Гек в это время почти не сидел дома. Он с головой ушёл в работу с Джимом. Сначала он просто ходил с ним по вызовам и учился, то теперь сам мог разобраться и с холодильником, и со стиралкой. После истории с #унциейжирноты Том предложил всем, кто угробил технику, починиться со скидкой у Джима. Так что теперь заказов было столько, что с головой хватало на двоих.

По выходным Джей выбирался играть на улицу. Он находил уютное место, брал в руки гитару и начинал петь, как в те времена, когда это было единственным способом заработать несколько монет. Гек всегда был рядом.

Как-то раз по дороге Геку попало пустое пластиковое ведро из-под краски. Он прихватил его с собой, чтобы использовать как табуретку. Держа его под мышкой, как-то само собой он стал наступать на него простой ритм под шаги. Джей хмыкнул и засвистел в ответ, дразнясь и подстраиваясь. Потом он скинул футляр с плеча, достал гитару и заиграл всерьёз.

С того дня Джей и Гек играли вместе. В их музыке было что-то завораживающее — они растворялись в ней, а весь остальной мир просто исчезал.

Мы достаточно быстро освоили все прелести доставки еды и товаров на дом, поэтому я не удивилась, когда на пороге обнаружила коробку. Она была самая обычная, из дешёвого картона с хорошо узнаваемым логотипом. Вот только адресная этикетка была оторвана, а вместо неё приклеена красиво оформленная карточка с моим именем.

Я наклонилась и подняла коробку. Она была не тяжелая, внутри что-то мягко переваливалось. Я в предвкушении повертела ее в руках: без сомнения, Том приготовил мне какой-то милый сюрприз.

Джей с Томом что-то обсуждали в гостиной.

— Какой-то заказ приехал? — как ни в чем ни бывало спросил Том, мельком взглянув на коробку у меня в руках.

— Сейчас посмотрим, — решила поддержать игру я и быстро вскрыла упаковку.

Внутри был альбом. Не просто альбом — прекрасно сделанный, тёплый, уютный, с вниманием к каждой детали: обложка мягкая, с золотым тиснением, страницы плотные и глянцевые. Всё выглядело так... будто сделано только для меня.

Меня обдало волной тепла.

— Ой, ну... Том! — я рассмеялась и повернулась к нему, прижимая альбом к груди.

— Том, спасибо! Это так мило. Такой замечательный сюрприз!

Я подскочила к нему, повисла у него на шее, сжала его крепко, как могла, и в порыве чувств чмокнула в щёку.

— Ты у меня лучший!

Том застыл, как вкопанный.

— Эм... что?

Я не отпускала его, продолжая восторженно тараторить:

— Ну, хватит уже притворяться. Ты же знаешь, как я обожаю такие вещи! И цвет мой любимый!

Я чуть отстранилась от Тома и с сияющими глазами развернула альбом.

— Какие классные фотки! Почему ты мне их раньше не показывал? Ты незаметно снимал, пока я не видела, да? Или Джей? Ну вы и хитрюги!

Том наконец пришёл в себя и попытался что-то сказать.

— Бекки, я...

— Это самый лучший подарок, который ты только мог придумать! — перебила я его, совершенно не обращая внимания на его замешательство.

Теперь Том вел себя совсем странно. Вместо того, чтобы стоять с видом победителя, он мрачно хмурился.

— Бекки, послушай... Я не делал этот альбом. Я даже не знал, что он существует.

Я уже собиралась ткнуть его локтем, но каменное лицо Тома остановило меня. Улыбка медленно сползла с моего лица.

— Но...

Я повернулась к Джею. Я очень хотела, чтобы он рассмеялся и сказал что-то вроде *"Ну да, Том помог, но в основном это моя работа."*

Но Джей только покачал головой.

Я как сомнамбула листала страницы альбома.

— Но это же... Это мои фотографии! Они такие удачные, такие красивые, такие...

Я — сосредоточенная за рулем учебной машины.

Я — нелепая пытаюсь откусить большой кусок гамбургера.

Я — задумчивая подстригаю кусты перед домом.

Я — беззаботная в припрыжку скачу по улице.

На последней странице с той же безупречной аккуратностью была сделана рамочка из бумаги. Внутри нее ровным почерком кто-то написал:

"Место для наших совместных воспоминаний."

Мир вокруг меня в секунду сжался. Я подняла голову.

— Но... если это не вы, тогда кто?

Повисла тишина.

Том подошёл ко мне, забрал альбом из рук и крепко обнял, словно хотел закрыть от всех напастей сразу.

— Кто бы это ни был, — сказал он, не отпуская меня, — как он нас нашёл? Как узнал, где мы живём?

Джей лишь на секунду задумался.

— Это не так сложно. Достаточно пары кадров с улицей, чтобы Гугл выдал точный адрес...

Он осёкся на полуслове. Слова будто догнали его самого. Джей сглотнул и быстро отвернулся, словно ему вдруг стало трудно дышать.

— Я... — он попытался продолжить и не смог. — Я же всё время снимал вас возле дома...

Он уставился в пол и часто заморгал, будто надеясь, что слёзы можно просто не выпустить наружу.

— Чёрт... — выдавил он. — Какой же я болван... Бекки... — он наконец поднял на меня уже мокрые глаза, — Это из-за меня тебя выслеживает и фотографирует непонятно кто. Это я выставил тебя как мишень. Прости меня, пожалуйста...

Джей закрыл лицо ладонями и разрыдался, не сдерживаясь, всхлипывая и задыхаясь, как плачут подростки, когда тяжесть становится слишком большой, чтобы её удержать.

Мне было страшно, и слёзы тоже подступали, но вид Джея — не собранного и ироничного, а растерянного и перепуганного — неожиданно придал сил.

— Джей, здесь нет твоей вины, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Ты не можешь предугадать поступки других людей и тем более отвечать за них.

— Я должен был подумать... — всхлипнул Джей. — Нам об этом сто раз говорили в школе... Про основы безопасности в сети и вообще...

— В школе!? Ты еще проповеди вспомни, — Том заметно повеселел. — Кто же слушает весь тот нудный бред, который говорят в школе?

Мы хихикнули. Джей тоже улыбнулся сквозь слёзы.

— Если всё так, как ты говоришь... значит, альбом прислал кто-то из зрителей?

Ответить Джей не успел. Его телефон коротко нервно завибрировал. Джей взглянул на экран, отбросил телефон и снова разрыдался.

Это было короткое сообщение в директ:

«Джей, Бекки понравился мой подарок?»

Отправитель: Идущий_рядом.

У меня в голове словно что-то щёлкнуло. Все детали, все странности, которые раньше не складывались, вдруг встали на свои места.

Это был наш первый стрим. Мы сидели на диване в нашей гостиной. Том, как всегда, чувствовал себя хозяином положения, жестикулировал, шутил, ловил вопросы из чата и отвечал с присущим ему самоуверенным блеском в глазах. Я же волновалась так, что голос постоянно срывался и я «ловила петуха». Всех это веселило, от чего я краснела, а от того, что краснела, сбивалась ещё сильнее. Гек поначалу сидел тихо, как мышь под веником, но стоило разговору зайти о кладе, заметно оживился.

— ...и вот индеец Джо начинает карабкаться по лестнице... — Том смаковал каждое слово, при это азартно изображая руками поступь.

— Том, правильно говорить «коренной американец», — поправил Джей.

— Да? Ну хорошо. — Том даже не моргнул. — И вот этот коренной американец Джо карабкается вверх по лестнице, чтобы наверняка открутить нам бошки.

— Натерпелись же мы страху... — Гек мотнул головой. — Никогда ни до ни после я так не боялся!

— Я уже слышал, как он тяжело дышит... — Том наклонился к камере и сделал паузу, выдержав момент. — А потом лестница подломилась, и метис со страшными ругательствами рухнул на пол!

Мужская часть чата добродушно загудела:

«Вот складно брешет! Одно удовольствие смотреть!»

Том довольно улыбнулся.

— А как мы в итоге завладели кладом, — продолжил он, — мы расскажем завтра нашим патронам. Ссылки на канал, как всегда, в описании. Для всех остальных откроем эту тайну на следующем стриме. Не забудьте нажать на колокольчик, чтобы не пропустить.

Я могла пересказать эту историю за Тома слово в слово, но всё равно ловила себя на том, что слушаю с интересом.

Том взял стакан с водой и промочил горло. Повисшую паузу заполнил голос Джея из-за камеры:

— Вот очень популярный вопрос. Как выглядели школы в старые времена? Какие технологии воспитания применялись?

— *Тех-но-ло-жи!*? Воспитания!? — Том поперхнулся водой и едва не захлебнулся от смеха. Переведя дыхание, он всё же продолжил: — Да если бы наш мистер Доббинс услышал такое выражение, он бы сперва перекрестился, а потом вlepил бы «технологию» прямо по месту, где знания лучше усваиваются.

Он покачал головой, всё ещё ухмыляясь:

— Вся его «технология» уместалась в линейке, розгах и железной руке.

— Да уж, — поддержала я, — очень прямой, но действенный метод пробуждения знаний.

Мы все трое рассмеялись, а Джей замер с открытым ртом:

— Подождите... Это сейчас была не шутка? Вас действительно секли прутьями? И тебя, Бекки?

— Ну... — протянула я, чуть смутившись. — Один раз я была очень близка к этому. Это целая история.

Чат тут же ожил:

«Рассказывай!» «Бекки, что ты вообще могла натворить?»

Я вздохнула — слова сами легли на язык.

— У мистера Доббинса была любимая книга — анатомический атлас с картинками. Он его разглядывал по делу и без дела. Однажды я заметила, что ящик стола, в котором она лежала не закрыт. Я открыла ящик, и... так получилось, что книга порвалась.

«Какое бестактное нарушение личных границ!»

Я покачала головой, вспоминая.

— Когда Доббинс это заметил, у него лицо стало таким, что у меня внутри всё оборвалось. Я представить не могу, как бы пережила это унижение. Мне до сих пор снится, как он называет меня по имени и спрашивает: «Ребекка Тэтчер, это ты сделала?»

Чат взвился:

«НЕЕЕЕТ! Он не посмел бы пороть девочку?!» «Бекки, можно же было соврать!» «Какой травматический опыт.»

Я набрала воздуха, и с гордостью посмотрела на Тома:

— А потом Том встал — прямо перед всем классом — и сказал, что это *он* разорвал книгу.

Чат взорвался:

«Том, ты мой краш!!!» «Вот это РОМАНТИКА!» «ТОООМ! ЖЕНИСЬ НА МНЕ!»

— Ему тогда крепко досталось от Доббинса. Он потом неделю сидеть толком не мог. Том смущённо, но довольно хмыкнул, глядя в камеру:

— Ну... оно того стоило. Правда же?

Чат наполнился сердечками.

Том легко приобнял меня:

— Вот такой странный случай нас и соединил.

— И розга Доббинса, — вставил Гек, вызвав новую волну смеха.

В этот момент в чате мелькнул новый вопрос.

"Бекки, ты веришь в судьбу? В то, что какие-то люди должны встретиться?"

Я даже не посмотрела, кто его написал. Просто задержала взгляд на Томе — и улыбнулась так, будто отвечала только ему:

— Верю ли я в судьбу? Иногда она сводит людей... очень необычными путями.

Где-то в чате появилось короткое сообщение, тут же утонувшее в потоке:

Идущий_рядом: "Вот видишь, мы все связаны судьбой..."

После стрима атмосфера в комментариях начала меняться. Если в ролике были только Том и Гек, всё было... обычно. Стоило же мне появиться в кадре, как лента пропитывалась ядом. «Идущий_рядом» всегда был там.

Поначалу он просто писал мне комплименты, стараясь привлечь мое внимание. Такое мне писали каждый день, поэтому я практически никогда не реагировала.

Тогда он стал глупо нападать на Тома и Гека:

Идущий_рядом: "Бекки, как обычно вытянула весь ролик. Эти два клоуна на ее фоне смотрятся убого."

Меня это злило, я даже пару раз хотела заступиться за друзей и уже взялась писать ответ, но, не найдя правильных слов, стирала.

Но нападок на Тома и Гека Идущему_рядом было явно недостаточно. Очень скоро он начал атаковать всех зрителей, кто хоть как-то проявлял ко мне симпатию:

"Как же мне нравится её голос!" → "Ты её недостоин. Заткнись, ничтожество." "Бекки такая красивая!" → "Убери свои гнусные мысли, она даже не знает, что ты существуешь." "Хотел бы я встретить такую девушку!" → "Она для тебя как звезда на небе. Грязными руками не дотянешься."

Смотреть на все это было также неприятно, как наступить на слизняка. В один момент, когда он совсем перегнул палку, я просто забанила его и заставила себя больше об этом не думать. И вот теперь этот сетевой кошмар преследует меня в моем городе, на моей улице, рядом с моим домом.

— Кажется, я знаю, кто прислал альбом, — сказала я и коротко пересказала всё, что вспомнила.

— Давайте пойдём в полицию, — Джей всё ещё был расстроен, голос у него дрожал.

— И что мы им скажем? — спросил Том.

— Ну как что? — торопливо заговорил Джей. — Что какой-то урод преследует Бекки.

Что он следит за ней, пишет ей, что он...

— ...прислал Бекки красивый фотоальбом? — закончил за него Том.

У меня внутри всё сжалось.

— Думаешь, они ничем не помогут?

— Вспомни, — сказал Том. — Он хоть раз тебе угрожал? Может нападал как-то?

Я покачала головой.

— Тогда они скажут, что формально он ничего не нарушил. Для них это просто странный поклонник.

Взгляд Джея заметался по гостиной, будто угроза была повсюду.

— Мы можем переехать. Найти другую квартиру. Не показывать её на видео.

— И что потом? Вечно бегать и скрываться? — я посмотрела на Тома, ожидая, что он найдет решение.

Том сосредоточенно думал.

— Согласен, просто переехать не поможет, — он сделал паузу и набрал в грудь воздуха.

— Мы должны удалить наш канал. Исчезнуть из сети.

— Что? — выдохнула я.

— Найдём другой способ заработка.

— Том, но разве наш канал — это не то, о чем ты мечтал всю жизнь?

— Может быть... Но ты для меня важнее.

— Ты же сам сказал, что пока не было ни угроз, ничего такого... — С каждым словом во мне закипала злость. — Томас Соьер, я запрещаю тебе закрывать канал. И я никогда не прощу себя, если ты так поступишь.

Том опешил. Еще секунду назад собранный и решительный он стоял и хлопал глазами.

— Хорошо, — наконец выдавил он. — Но ты... мы должны быть максимально осторожными. Бекки, тебе нельзя больше никуда выходить одной. Даже за почтой.

Я открыла рот, чтобы возразить, но, встретившись с его взглядом, просто кивнула.

Джей выпрыгнул из комнаты и через несколько мгновений вернулся с непонятной штукой в руках.

— Вот возьми, это электрошокер, — сказал он и, поймав наш немой вопрос, добавил: — Незаменяемая вещь, если живёшь на улице. Вырубает на раз. Я покажу, как им пользоваться. Всегда носи его с собой.

Телефон Джея снова завибрировал. Он вздрогнул, посмотрел на экран и тут же протянул его Тому.

— Том, если это снова он, заблокируй, пожалуйста.

Том быстро пробежал глазами по сообщению и покачал головой.

— Нет. Тут что-то другое. Нам прислали запрос на сотрудничество.

Он прочитал вслух:

«Здравствуйте, команда “Простаков в будущем”.

Мы внимательно следим за вашим каналом. Ваш взгляд на цифровые технологии в обществе во многом совпадает с нашей позицией.

От имени конгрессмена Райли Кинсли мы хотели бы обсудить возможные форматы сотрудничества.

Просим вас оставить контактный номер для связи.

PR-служба Райли Кинсли,
представителя 7-го округа, Нью-Джерси.»

Мы переглянулись.

— Да уж, — сказала я. — День сегодня богат на сюрпризы.

Том снова и снова вчитывался в текст.

— Написано вроде английским языком, а ничего непонятно. Джей, это могут быть мошенники?

— Все политики мошенники, так мой отец говорил, — Джей собрался и стал похож на себя обычного. Он забрал у Тома телефон и что-то быстро проверил. — Но это сообщение пришло с верифицированного аккаунта.

— Интересно, чего им от нас понадобилось?

— Так давай ответим и узнаем!

Телефон зазвонил после обеда, когда Гек уже вернулся с работы. Том, не раздумывая, ответил и включил громкую связь.

— Аллю.

— Здравствуйте. Меня зовут Дэниел Ховард, я представляю офис конгрессмена Кинсли. Через два дня у конгрессмена запланировано выступление на форуме по цифровой безопасности в Вашингтоне. Мы полагаем, участие вашей команды в этом форуме может быть полезным — и для вас, и для нашего офиса.

— Мы тоже должны будем выступить и о чем-то рассказать?

— Нет, нет. Программа давно утверждена. Будет достаточно лишь вашего присутствия.

— Тогда... почему именно мы? — Было видно, что Том уловил идею, что ему предстоит выступить свадебным генералом, но пока не понимал, чем удостоился такой чести.

— Мне импонирует ваша скромность, — Дэниел сделал паузу, подбирая слова. — Понимаете, вы — такая известная сетевая медиаперсона, представитель молодого поколения. И вы не боитесь поднимать острые социальные вопросы... К тому же, вы отлично смотрите в кадре.

Том вопросительно окинул нас взглядом. Это был шанс оказаться далеко отсюда. Подальше от этого дома. Подальше от человека, который преследовал меня. Я энергично закивала головой. Джей и Гек тоже не возражали.

— Дэниел, — Том сделал паузу, входя в образ «известной медиаперсоны», — приглашение, мягко говоря, неожиданное...

— Я понимаю. Наш офис постарается сделать всё, чтобы вы не испытывали неудобств. Мы гарантируем хороший отель. Вы предпочитаете самолет или поезд?

Том повернулся к Джею, явно ожидая подсказки, но я уже ухватила его за локоть и наклонилась к телефону:

— Машина! Мы поедem на машине.

Том уставился на меня так, будто я только что вписала его в дуэль на рассвете. Но голос в трубке продолжил:

— Хорошо... если вам так удобнее, мы компенсируем аренду и топливо. Ждём вас послезавтра.

Том и Дэниел тепло распрощались.

— Я начну собирать вещи, а вы, мальчики, найдите нам подходящий автомобиль!

Том собирался что-то сказать, но я уже развернулась и ушла в нашу комнату.

* * *

Как-то раз отец решил купить новую лошадь для хозяйства и взял нас с Джеффом с собой на постоянный двор, где шла бойкая торговля.

Кони лоснились, были бодры и гарцевали. Вокруг них также бодро скакали продавцы, нахваливая свой товар. Они чуть не целовали покупателей, стараясь втереться в доверие.

Отец не спеша осматривал лошадей, проминал ноги и попутно показывал нам, как распознать уловки недобросовестных торговцев.

— Вот хитрая подкова. За счёт мягких вкладок она временно облегчает ход, но через неделю лошадь всё равно захромает.

— А на этого коня вылили столько масла, что на нём картошку жарить можно.

— Посмотри на того мерина с седой мордой. Он просто излучает энергию. Скорее всего, ему натолкали перца в зад...

Когда мы вошли в офис прокатной конторы, я испытала дежавю. Нет, там не было лошадей, но взгляд менеджера был точно таким же, как у тех конеторговцев.

Джей забронировал автомобиль и оплатил практически все опции, которые могли пригодиться нам в дороге: в том числе полную страховку и помощь на трассе.

Менеджер мельком глянул на заказ — и заметно скис. Но ровно на секунду. Потом в его взгляде вспыхнул азарт, и он пошёл в наступление:

— Сегодня у нас действует специальное предложение на повышение класса. Всего за сорок долларов доплаты в день вы получите автомобиль премиум-сегмента. Дополнительная безопасность, комфорт, престиж...

Том быстро перебил его:

— Спасибо, престиж нас не очень волнует, и выбранная машина нас вполне устраивает по комфорту.

Менеджер кивнул, но напора не сбавил:

— Тогда могу порекомендовать дополнительную страховку...

— Но у нас уже оплачена полная страховка от угона и происшествий. Мы даже стёкла и шины застраховали, — вступился Джей.

— Я могу только порадоваться за вашу предусмотрительность, — без тени иронии ответил менеджер. — Но еще можно застраховаться от... ущерба, причинённого дикими животными.

Он произнёс это так, будто сам удивился услышанному, но тут же взял себя в руки. Мы переглянулись. Том осторожно уточнил:

— Какими дикими животными?

Менеджер замялся. Похоже, в зоологии он разбирался куда хуже, чем в разводе клиентов.

— Ну, например... белки. Они бывают очень агрессивными.

Я еле сдержала смех. Том выдержал паузу, потом глубоко вздохнул и несколько высокопарно ответил:

— Мы готовы пойти на такой риск.

Менеджер попытался ещё раз:

— Детское кресло?

Том строго посмотрел на него:

— Не думаю, что в ближайшую неделю вы обзаведемся детьми.

— Как же я сразу не заметил! У вас не включена опция «молодой водитель», — наш «конеторговец» буквально засиял от предвкушения.

— Мистер, большое спасибо за комплимент даме, но посмотрите на дату рождения, — по тону было ясно, что Том задумал какую-то штуку.

Менеджер бросил взгляд на мои права, и его глаза полезли на лоб.

— Извините... я не... — начал было лепетать он, но Том его перебил:

— Не извиняйтесь, откуда вы могли знать, что для нас, вампиров, время течёт несколько иначе. Главное — вовремя пополнять запасы крови...

Менеджер икнул и принялся стучать по планшету с утроенной скоростью.

— Машин выбранного вами класса сейчас нет в наличии. Но, поскольку лояльность клиентов является наивысшим приоритетом нашей компании, мы подготовили для вас автомобиль премиум-класса без необходимости доплаты!

Том посмотрел на нас, едва скрывая улыбку, и подмигнул:

— Что ж, неудобства такого рода мы вам, пожалуй, простим.

Двести миль до Вашингтона пролетели незаметно. За полдня мы побывали в пяти разных штатах и сделали почти десяток остановок, чтобы поглазеть на разные интересные места и записать шортсы.

Я невольно сравнивала эту поездку с нашим выматывающим путешествием до Нью-Йорка: сначала паром, потом бесконечная смена дилижансов... Почти три недели пути. На автомобиле я бы смогла проехать этот маршрут за день. Эта новая степень свободы, которую я получила, грела душу и делала дорогу особенно приятной.

Отель, как и обещал Дэниел, был отличным. Мы вволю наплескались в бассейне, потом согрелись в SPA-центре и отправились на ужин.

Ресторан встретил нас бесчисленным множеством блюд. Вдоль стен тянулись красиво сервированные столы — блестящее серебро, блюда под стеклянными колпаками, аккуратные таблички. Одной только выпечки я насчитала с полтора десятка видов. В одном углу повар в высоком колпаке ловко растягивал тесто для пиццы, напротив нарезали сочные стейки прямо с гриля.

— Джей, это что, пир в нашу честь? — Том сглотнул слюну.

— Не задирай нос, — усмехнулся Джей. — Такой ужин здесь подают каждый день. Формат называется *all you can eat*.

Гек поднял бровь:

— «Съешь сколько сможешь»?

— Звучит как вызов, — оживился Том. — Гек, мы же готовы к вызовам?

Гек жадно оглядел зал.

— Я бы не стал недооценивать задачу, — бросил он и двинулся вперед.

Через час Том и Гек с трудом, тяжело дыша, дотащились до номера, и синхронно рухнули на кровати.

— Напомни мне больше никогда на такое не соглашаться, — простонал Том, не открывая глаз.

* * *

Форум по цифровой безопасности оказался очень официальным и достаточно скучным мероприятием. Всю первую половину дня мы были предоставлены сами себе, слоняясь между стендами компаний, которые, судя по надписям, занимались управлением облаками. Я не стала уточнять, насколько велик их вклад в то, что погода на Восточном побережье за всё время нашего пребывания была вполне комфортной, и во сколько это обходится жителям.

Нас довольно часто узнавали и просили сфотографироваться. Каждый раз угощали кофе и печеньем. Никогда в жизни я не пила столько кофе.

К круглому столу с участием конгрессмена все заметно оживились. Журналисты поспешили занять места поближе к сцене, все проходы были забиты камерами. Нам выделили места в первом ряду.

— По моему сигналу вы поднимаетесь на сцену. Не волнуйтесь, — начал инструктаж Дэниел. — Просто стойте рядом, улыбайтесь и кивайте в нужные моменты. Всё остальное делает конгрессмен.

— То есть нам даже говорить не надо? — уточнил Гек.

— Лучше не стоит, — улыбнулся помощник и исчез за кулисами.

Обсуждение тянулось вяло. Со сцены говорили о вещах, которые, судя по всему, имели огромное значение, но для меня сливались в сплошной поток незнакомых слов. Райли Кинсли слушал какое-то время, затем подался вперёд и перехватил инициативу:

— Вы много говорите о персональных данных, об абстрактном понятии приватности в сети, — сказал он. — Но вы забываете о тех, кто живёт не в интернете, а в реальном мире. О простых рабочих людях. Вам не кажется, что вы заигрались в свои технологии?!

По залу прокатился гул — никто не понял, к чему клонит конгрессмен.

— Я пригласил в этот зал небезызвестных вам «Простаков в будущем», — продолжил Кинсли. — Ребята, поднимитесь, пожалуйста, на сцену.

Дэниел замахал нам руками, подгоняя. Мы поднялись на сцену и встали рядом с конгрессменом. Зал встретил нас аплодисментами.

— Эти ребята подняли очень важный, наверное, один из самых важных вопросов нашего общества: а как технологии влияют на жизни людей? Могут ли они, добавляя очередной миллиард к капитализации IT компаний, навредить нашим гражданам, нашим избирателям?

Кинсли обвел зал взглядом в ожидании ответа.

— К сожалению, могут. Как показали молодые люди, стоящие рядом со мной, системы, созданные для защиты и безопасности, вовсе не безупречны. Из-за ошибки или недоработки в алгоритме они способны поймать человека в цифровую ловушку и почти разрушить его жизнь. Я говорю про историю Джима из Нью-Джерси. Он оказался отрезан практически ото всех электронных сервисов. Система лишила его элементарных социальных благ, которые мы привыкли считать само собой разумеющимися.

Кинсли выдержал паузу.

— И если такое случилось однажды, кто может гарантировать, что завтра это не произойдёт снова с любым из нас? Кто может гарантировать, что IT корпорации не превратятся в инструмент подавления и контроля?

Кто-то из участников круглого стола попытался возразить, но Кинсли его перебил.

— Сегодня я горжусь возможностью объявить вам, что моя команда разобралась с этой конкретной ошибкой системы. Джим снова полноценный гражданин Соединённых Штатов Америки. По моему запросу с него были сняты все ограничения.

Зал взорвался аплодисментами, вспышки ослепительно засверкали.

Несколько секунд мы просто стояли, оглушённые. Потом волна радости накрыла нас всех. Гек не выдержал, потянулся к микрофону и громко выдал:

— Э-э... Джим, ты снова настоящий! И... гм, мы очень рады за тебя, старина! И вам спасибо, господин конгрессмен! Мы вас... ну, в общем, вы крутой!

По залу прокатился одобрительный смех. Джей с широкой улыбкой взял Гека за руку и негромко прошептал:

— Красиво сказал, Гек.

Я же повернулась к Тому, вскрикнула от радости и бросилась ему на шею, чуть не сбив с ног:

— Том, у тебя получилось! Ты смог, ты правда смог!

Не дожидаясь его ответа, я крепко прижалась к нему и, не раздумывая, поцеловала его, совершенно забыв про камеры, вспышки и официальную атмосферу.

Том сначала опешил, но тут же обнял меня в ответ, крепко, горячо, не стесняясь ни журналистов, ни самого конгрессмена.

— Мы это сделали, Бекки, — прошептал он, прижимая меня ещё сильнее. — Без тебя я бы не справился.

Я наконец отстранилась и почувствовала, как горят мои щёки. Гек и Джей стояли рядом, касаясь плечами, и аплодировали вместе со всеми.

Кинсли был явно довольным произведённым эффектом. Он снова обратился к залу, подняв руку:

— Именно ради таких моментов мы и работаем. Чтобы ни один избиратель моего округа, ни один гражданин не оказался без помощи. Сегодня мы доказали, что можем побороть любую несправедливость, и я обещаю вам, что пока я представляю вас в Конгрессе, каждый мой избиратель будет защищён и услышан.

Когда аплодисменты стихли, зал начал понемногу пустеть. Кинсли повернулся к нам. Профессионально подставив «рабочую сторону» под объективы, он энергично пожал руки всем по очереди.

— Отличная работа, ребята. Вы сделали важное дело.

Затем он чуть понизил голос, заговорив менее официально:

— Сегодня вечером мы организуем небольшой дружеский ужин в Old Hobbit Grill, это в центре. Будут бизнесмены, общественники, несколько моих коллег. Обязательно приходите. Сможете завести полезные знакомства и просто приятно провести вечер.

К выходу нас проводил Дэниел. Он был сильно возбужден и щебетал, не переставая:

— Обожаю такие истории: бюджет нулевой, польза очевидная, и все считают нас героями. Удивительно, как демократы проворонили такую возможность.

* * *

Меня по-настоящему удивило, что политики собираются обсуждать свои важные государственные дела в салуне — пусть даже в самом старом салуне Америки.

Я прежде никогда не бывала в таких заведениях — приличным девушкам вход туда закрыт, — но этот выглядел именно так, как я их себе представляла: длинная стойка бара, тёмное дерево, плюшевые диваны, летающие лебеди под потолком и крокодилы на стенах. Всё это выглядело пошловато, но по-своему уютно.

Зал был наполнен плотным гулом. Люди беспрерывно перемещались от столиков к бару и обратно, переговаривались на ходу, здоровались, чокались бокалами, ловили друг друга за локти. Казалось, все здесь давно знают друг друга.

Мы мыкались как неприкаянные среди всех этих незнакомых людей. Чтобы хоть чем-то себя занять, принялись разглядывать меню, крупными буквами напечатанное на стене у бара. Названия звучали витиевато и непонятно, а половину блюд, как выяснилось, предлагалось есть сырыми. Это только усиливало нашу неуверенность.

Гек покраснел, как омар на льду, которого ловко пронёс мимо нас официант, и даже Джей не находил себе места. Мы уже обменялись многозначительными взглядами, почти решившись дать дёру, как вдруг откуда-то сбоку на нас буквально свалился Дэниел. Он подхватил нас под руки и потянул вглубь зала.

— Вы очень правильно поступили, что пришли. По себе знаю, каково это — быть чужим на празднике, — говорил он без остановки, умудряясь на ходу приветствовать, жать руки и кивать сразу нескольким гостям. — С вами хочет познакомиться один очень интересный человек. Кстати, именно он прислал мне ссылку на ваше видео про Джима.

Мы подошли к круглому столу, сервированному на пять персон. За ним сидел высокий мужчина с лёгкой, приятной улыбкой и уверенным взглядом. Он поднялся нам навстречу и протянул руку.

— Милон Таск.

Это имя мне ничего не сказало. Тому и Геку — тоже. Только Джей удивлённо уставился на нашего нового знакомого.

Мальчики представились и пожали ему руку, я сделала книксен.

— Я с вами уже немного знаком, — продолжил Милон. — Я внимательно слежу за вашим каналом. Несмотря на мой плотный график, не пропускаю ни одного выпуска.

Том слегка растерялся, но всё же улыбнулся:

— Очень приятно это слышать, мистер Таск.

Милон усмехнулся:

— Зовите меня Милон.

— Очень приятно это слышать, Милон, — тут же поправился Том.

Дэниел тем временем также внезапно испарился, и Милон подозвал официанта. Как-то легко и без высокомерия он заказал на всех вина и попросил помочь нам с выбором еды, после чего терпеливо ждал добрую четверть часа, пока мы делали заказ.

Официант налил вина, и Милон поднял бокал.

— Том, сегодня с твоей помощью совершилось доброе дело, — начал речь Милон, попеременно переводя взгляд на каждого из нас. Он смотрел одновременно доброжелательно, но при этом как-то изучающе. — Ты проявил себя как настоящий лидер. Столкнувшись с несправедливостью, ты смог сплотить вокруг себя людей и побороть ее. Поэтому я хочу поднять бокал за новое поколение лидеров.

Мы выпили. Том неловко поправил галстук, не зная, куда себя деть от такого внимания, и я поспешила вмешаться:

— Том всегда был таким, сколько я его помню. Ещё в школе мог собрать вокруг себя ребят и увлечь их какой-нибудь затеей. Он и Гека постоянно втягивал в разные приключения, — я улыбнулась.

Гек тут же подхватил:

— Да, с Томом всегда легко было попасть в какую-нибудь передрагу. Никогда не знаешь, чем закончится, но всегда интересно.

Милон рассмеялся и снова взглянул на Тома:

— Том, в этом и заключается редкий талант вождя. Он не просто ведёт, он делает это так, что за ним идут с удовольствием, даже если впереди неизвестность.

Милон сделал короткую паузу.

— Но знаешь, Том, время таких вождей прошло.

Том еще больше смутился, не понимая к чему клонит Милон, и автоматически повторил:

— Прошло?

— К сожалению. Сейчас вожди никому не нужны, — Милон сказал это с едва заметной горечью. — Кто сегодня ведёт за собой людей? Уже не герои и не революционеры. Теперь это *инфлюэнсеры*. Раньше вождь стоял на вершине холма, размахивал знаменем и собирал вокруг себя тех, кто был готов идти за ним до конца. А теперь он сидит дома перед камерой и машет селфи-палкой. Раньше вождей выбирала история, а теперь — алгоритмы соцсетей.

Джей согласно кивнул. Том, наконец, собрался с мыслями и включился в разговор:

— А эти... инфлюэнсеры... Куда *они*ведут людей?

Милон улыбнулся, явно довольный вопросом:

— Правильно мыслишь, Том. Современные лидеры больше никого никуда не ведут. Вместо этого они просто направляют внимание. Они не создают новых смыслов, но перераспределяют лайки и просмотры. Лидерство заменено технологиями.

— Погодите, — Том сдвинул брови. — А как же конгрессмен Кинсли? Он помог нам, помог Джиму. Он тоже, получается, результат работы технологий?

Таск покрутил бокал, наблюдая, как вино медленно стекает по стенкам

— Кинсли хороший человек. И друг. Искренний. Не глупый. Но он не возник сам по себе. Он — результат работы команды. Политтехнологов, аналитиков, таких людей, как Дэниел. Его образ, его слова, даже паузы — всё это собрано, выверено и упаковано. А то, что иногда из этой работы получается что-то по-настоящему стоящее, — скорее побочный эффект, чем цель.

Таск поднял бокал, и мы снова выпили. Вино было превосходным. Густое и насыщенное, оно не затуманивало мозг, но снимало скованность.

Том несколько секунд размышлял над сказанным, потом подался вперед и спросил:

— Милон, но если все так, как вы говорите, то получается, что президентом страны может стать просто... хороший актер?

Таск чуть не подпрыгнул от возбуждения.

— В точку! Более того, даже клоуны сейчас управляют государствами и ведут войны! Современные технологии загнали демократию в ловушку. Теперь выигрывает не самый талантливый, не самый образованный и уж точно не самый достойный, а тот, кто умеет быть гибким и красочным перед камерой. Главное — понравиться публике.

Гек почесал затылок.

— Я понимаю, что можно хоть чёрта в попы выбрать, — сказал он медленно. — Но как он служить-то будет?

Милон рассмеялся, явно наслаждаясь разговором.

— А вот этого как раз больше и не требуется, Гек. Ты можешь прогуливать физику в школе, при этом спокойно предлагать заменить атомные станции на ветряные мельницы «для озеленения энергетики». Один к одному. Это красиво звучит, тебя поддержат. А потом все искренне удивятся, почему люди зимой мёрзнут, а электричество подорожало в десять раз. Решения сегодня принимают люди, которые не живут с их последствиями.

Разговор уже вышел за рамки застойной болтовни, но харизма Милона не позволяла ему скатиться в занудство. Я на секунду поймала себя на вопросе, почему он так откровенен именно с нами, но тут появился официант с нашей едой.

После вчерашнего обжорства Том и Гек взяли по обычному гамбургеру с картошкой. Перед Милоном появилась тарелка со стейком.

— Вот еще одна прекрасная иллюстрация того, о чём я говорил. Слышали ли вы когда-нибудь про искусственное мясо? — продолжил Таск, когда все немного подкрепились, а официант обновил бокалы.

Мы удивлённо подняли головы:

— Искусственное... что?

— Искусственное мясо, — терпеливо повторил Милон. — Казалось бы, коровы тысячами исправно давали фермерам мясо. Но сейчас появились деятели, которые решили, что производить мясо традиционным способом неправильно. Теперь его пытаются выращивать в лабораториях. Из пробирок.

Гек, застывший с вилкой в руке, медленно и очень подозрительно посмотрел на свой бургер:

— А вот это... оно настоящее?

Милон усмехнулся и кивнул:

— Не волнуйся, Гек. Сегодня у нас всё натуральное. Пока ещё.

Том почти перестал жевать — разговор явно занимал его куда сильнее.

— Но зачем это делать, если коровы уже есть?

Милон развел руками:

— Некоторые уверены, что с помощью лабораторий можно накормить весь мир доступным белком, полностью исключив страдания животных. Звучит красиво, правда?

— Это ведь хорошо, разве нет? — осторожно спросила я.

— И да, и нет, — мягко ответил Милон. — Мегакорпорации увеличат свою долю на рынке. Менеджеры выполняют красивые планы и получают премии. Но что будет дальше? Миллионы фермеров останутся без работы, традиционные хозяйства исчезнут, сельская экономика рухнет. Парадоксально, но борьба с голодом может привести к ещё большей бедности и, соответственно, к новому голоду. Так всегда происходит, когда за решение серьёзных проблем берутся люди, которые, мыслят только лозунгами.

Том помотал головой:

— Милон, вы хотите сказать, что в мире все еще есть голод, несмотря на все эти изобретения и технологии, что нас окружают?

— Голод давно уже не аграрная проблема, Том, — кажется, неведение Тома ни капли не смутило Таска. — Это проблема исключительно социальная. Сегодня в мире еды более чем достаточно, чтобы накормить всех. Но одни страны буквально утопают в продуктах, а другие гибнут от нехватки пищи. И знаешь, почему?

Том не отводил взгляда Милона в ожидании ответа.

— Потому что сегодня голод возникает не от плохих урожаев и бедной земли. Голод — это результат жадности, коррупции, глупости и безответственности тех, кто управляет государствами. Это социальная проблема. Пока правительство принимает решения, руководствуясь не здравым смыслом, а картинками из презентаций, голод никуда не денется, сколько бы мяса ни было произведено.

— Простите, мистер Таск, — резко вставил Джей, подавшись вперёд. — Но ведь животноводство вредит климату. Коровы выделяют метан, это опасный парниковый газ. Из-за него растёт температура и тают ледники. Нам про это в школе постоянно талдычили.

— Джей, ты привёл, пожалуй, самый яркий пример того, как светлая идея вырождается и искажается под напором бюрократии и корысти, — ответил Милон. — Казалось бы, что может быть правильнее и нужнее, чем спасти нашу планету, делать её чище и лучше для будущих поколений?

Мы переглянулись и согласно кивнули.

— Но что нам предлагают политики и корпорации? — продолжил Милон с явной иронией. — Может, они повсеместно продвигают основанное на науке скотоводство, которое восстанавливает почвы, поддерживает биоразнообразие и сохраняет влагу? Или, может быть, кто-то всерьёз взялся за пластиковый мусор, которым завалены бедные страны, а океаны превращены в плавающую свалку?

Милон обвёл нас взглядом.

— Конечно, нет. Вместо этого они всерьёз озаботились тем, что коровы, да простят меня дамы, слишком много пердят и якобы губят планету.

Гек подавился картошкой и поспешно прикрыл рот салфеткой, а Том изумлённо уставился на Милона:

— Вы шутите?

— Хотелось бы, — усмехнулся тот. — Но это не шутка. Когда бюрократия берётся за дело, всё превращается в абсурд. Когда-то Америка почти семьдесят лет боролась с коммунизмом...

— Простите, с чем? — осторожно уточнила я.

— Коммунизм — это идея такого общества, где с каждого берут по возможностям, а дают по потребностям. Без денег, без контроля. И вот Америка долго с этой идеей боролась по всему миру. А в итоге сама построила общество, где безработный на пособии может ходить в кроссовках за триста долларов.

Милон все больше и больше распалялся.

— И так с любой идеей. Хотели дать всем равные права, обеспечить справедливость и свободу для каждого. И до чего дошли? Теперь добровольная стерилизация подростков считается заботой о будущем человечества и вершиной социальной ответственности.

Из нас троих, кажется, только Джей понял, что Милон имеет в виду. По его лицу прошла быстрая волна чувств.

— Но разве это не свободный выбор каждого человека? — спросил он так, будто речь шла о чём-то очень личном.

Милон чуть помолчал, подбирая слова.

— Джей, свобода воли никогда не существовала в пустоте, — спокойно сказал Милон. — Всегда были инструменты, через которые человеку объясняли, как правильно жить: религия, идеология, пропаганда. Иногда они шли рука об руку, иногда воевали между собой, но были грубыми и заметными. Ты понимал, *кто* и *зачем* тобой говорит.

Он чуть помедлил.

— Сейчас всё иначе. Инструменты стали тоньше. Они больше не спорят друг с другом и не навязываются напрямую. Они говорят, каким хорошим человеком ты хочешь быть: заботливым, принимающим, безопасным для других.

Милон посмотрел на Джея внимательнее.

— И поэтому становится почти невозможно поймать момент, когда ты ещё выражаешь свою волю, а когда уже просто боишься оказаться по неправильную сторону.

Милон, как опытный оратор, заметил, что мы начинаем теряться в его рассуждениях, и вовремя остановился, допив бокал. Повисла пауза.

Том переваривал услышанное — так, что, казалось, у него шевелятся волосы на голове.

— Милон, признаюсь, — наконец сказал он, — это один из самых занимательных и одновременно самых непростых разговоров в моей жизни. Надеюсь, вы меня простите, если я сейчас сморожу какую-нибудь очевидную глупость.

Он ещё секунду собирался с мыслями и продолжил уже увереннее:

— Если посмотреть вокруг... вы ведь тут... — Том запнулся и тут же поправился, надеясь, что никто не заметил оговорки. — То есть мы тут буквально живём как в сказке. Прямо сейчас, в этом самом мире.

Милон заинтересованно облокотился на стол, но не перебивал.

— Нас постоянно окружают какие-то сказочные вещи. Вот взять хотя бы скатерть-самобранку. В детстве мы читали о ней как о невозможном чуде, а здесь это повседневность: нажал пару кнопок — и тебе к двери приносят любое блюдо. Или сапоги-скороходы. Мы вчера за четыре часа преодолели расстояние, на которое раньше ушла бы неделя, если ехать на лошадях или поезде. Разве это не чудо?

Гек явно не понимал, к чему Том клонит, но по привычке поддержал:

— А зеркальца, в которые люди разговаривают на расстоянии?

Том оживлённо кивнул:

— Да! И медицина. Посмотрите на Бекки: её зуб спасли буквально за полчаса — без боли, без страданий. Если это не волшебство, то что тогда?

Он вдруг посерьёзней, нахмурился и посмотрел прямо на Милона:

— И вот чего я не понимаю. Если мы уже живём в такой сказке, если сбылись самые невероятные мечты, то почему люди всё равно умудряются творить... всю ту дичь, о которой вы рассказывали?

Милон чуть улыбнулся, одобрительно кивнул и ответил:

— Ты уловил самую суть, Том. Люди получили всё, о чём мечтали, но так и не научились обращаться с этими чудесами. Может, потому что мечты сбылись быстрее, чем человечество

успело к ним подготовиться? Тебе ли не знать, Том, куда способен завести один юный молодой человек тысячи, в целом, неглупых людей...

— Милон, — Том вдруг резко подался вперёд, не дожидаясь, пока тот договорит. — Мне правда очень стыдно за #УнциюЖирноты. Я совсем не хотел, чтобы всё так получилось.

— Я ни в ко

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.